«ПОДВИГ ТРЕБУЕТ НЕ ТОЛЬКО ОТВАГИ, НО И МЫСЛИ»

110 лет со дня рождения трижды Героя Советского Союза маршала авиации А.И. Покрышкина

В ряду лётчиков-асов Великой Отечественной войны выделяется имя Александра Ивановича Покрышкина, чьи боевые достижения были трижды отмечены званием Героя Советского Союза (24 мая 1943, 24 августа 1943, 19 августа 1944). (Кроме него, трёх Звезд Героя в 1944—1945 гг. был удостоен только И.Н. Кожедуб.) О его подвигах и жизни написано много книг. О себе Александр Иванович говорил: «Самым главным, самым священным для меня был всегда долг перед Родиной».

А.И. Покрышкин родился 6 марта (по ст. ст. 21 февраля) 1913 года в Ново-Николаевске (ныне Новосибирск) в семье рабочего. На военной службе в ВВС с 1932 года. После окончания Качинской авиационной школы лётчиков (1939) стал младшим лётчиком истребительного авиаполка. С началом Великой Отечественной войны в бою 26 июня 1941 года одержал свою первую победу, сбив во время разведки истребитель «Мессершмитт Bf.109».

С каждым боевым вылетом росло мастерство Покрышкина. Он постоянно анализировал воздушные бои, вёл записную книжку и альбом, в которых отражал свой опыт и мысли о приёмах и способах вооружённой борьбы в воздухе. Лётчики говорили о «системе Покрышкина», сам он говорил о «формуле победы», суть которой: «Высота — скорость — манёвр — огонь!» Одним из поучительных выводов А.И. Покрышкина был: «Подвиг требует не только отваги, но и мысли».

Всего прославленный ас совершил свыше 600 боевых вылетов и провёл 156 воздушных боёв. Согласно официальной статистике Покрышкин сбил лично 53 и в составе группы 6 самолётов противника, но на самом деле, как отмечал Александр Иванович, эти цифры были больше, так как использовавшаяся система учёта военных побед лётчиков была далеко не совершенной, да и не могла быть таковою.

А.И. Покрышкин проявил себя не только как умелый и бесстрашный лётчик, но и как талантливый руководитель групповых воздушных схваток, подлинный новатор тактики ведения боя авиационными подразделениями и частями. Из непосредственных учеников Александра Ивановича 30 были удостоены звания Героя Советского Союза. Ученики воздушного аса уничтожили более тысячи немецких самолётов.

Войну Покрышкин встретил в должности заместителя командира эскадрильи на Южном фронте, а завершил её командиром гвардейской истребительной авиадивизии на 1-м Украинском фронте, в небе Берлина. Авиационное соединение, которым он командовал, четыре раза отмечалось в приказах Верховного главнокомандующего.

На Параде Победы 24 июня 1945 года Александр Иванович был знаменосцем сводного полка 1-го Украинского фронта. После войны он окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе (1948) и Высшую военную академию имени К.Е. Ворошилова (1957). В 1948 году перешёл в Войска ПВО, по некоторым свидетельствам, из-за трений с В.И. Сталиным, командующим ВВС Московского военного округа, сыном И.В. Сталина. Прошёл путь от полковника до генерал-полковника, занимал должности командира корпуса и командующего армией ПВО, заместителя командующего Войсками ПВО. В январе 1972 — ноябре 1981 года — председатель ЦК ДОСААФ СССР. В декабре 1972 года был удостоен звания маршала авиации. С 1981 года в Группе генеральных инспекторов МО СССР. Автор нескольких книг мемуаров. Среди наград А.И. Покрышкина: 6 орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, 4 ордена Красного Знамени, 2 ордена Суворова 2-й степени и др., а также иностранные награды. Умер он в 1985 году, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Легендарному лётчику установлены памятники в Новосибирске, Краснодаре и Майкопе, мемориальные доски в Москве, Ростове-на-Дону, Смоленске, Запорожье и других городах. Он почётный гражданин городов Новосибирск, Ржев, Бельцы, Владикавказ, Мариуполь и др. Имя А.И. Покрышкина носят улицы во многих городах, Новосибирский учебный авиационный центр, Сибирский авиационный кадетский корпус.

Публикация Н.Ф. Ковалевского

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
3/2023
ISSN-0321-0626
Основан в августе 1939 года

Военно-исторический журнал 2023 3 март

ЛИТОВСКАЯ ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

100 лет со дня рождения Героя Советского Союза Марите Мельникайте

За подвиги, совершённые в годы Великой Отечественной войны, звания Героя Советского Союза были удостоены 90 женщин, и среди них — представительница литовского народа Марите (Мария Юозовна) Мельникайте. Литовская партизанка погибла совсем молодой — в 20 лет, она не пожалела своей жизни для защиты Советской страны, родной Литвы, победы над врагом.

Родилась Марите 18 марта 1923 года в литовском городе Зарасай в семье литовца и русской, она была вторым ребёнком из пятерых детей. Позже в своей автобиографии Марите писала: «С семилетнего возраста пасла скот у кулаков и крупных землевладельцев. Ходить в школу не могла: родители жили очень бедно, не было у них на это средств...». Вхождение Литвы в состав СССР и приход советской власти она приветствовала: «Я очень обрадовалась, что смогу учиться, и поступила в вечернюю школу для взрослых в четвёртый класс. Училась упорно, чтобы как можно больше узнать о нашей великой советской Родине...». В школе девушка вступила в ряды ВЛКСМ, с энтузиазмом выполняла комсомольские поручения.

В июне 1941 года фашистская Германия и её сателлиты напали на СССР. Война быстро катилась к Зарасаю. Началась эвакуация партийно-советского актива, включая комсомольцев. В конце июля 1941 года Марите со своими подругами прибыла в город Тюмень. Здесь она овладела профессией токаря и работала на заводе «Механик», изготовлявшем мины и снаряды. Но она рвалась на фронт, хотела сражаться с врагами. Одним из примеров для неё стал подвиг комсомолки-партизанки Зои Космодемьянской, о котором узнала вся страна.

В июне 1942 года тюменцы проводили группу комсомольцев, в том числе Марите, на фронт. Но её ждала другая судьба — разведывательно-диверсионная работа в тылу врага. Для обучения её направили в город Балахну Горьковской (ныне Нижегородской) области, в партизанскую школу. В начале 1943 года 36 литовских юношей и девушек были переправлены в Литву, где влились в партизанский отряд. В мае Марите тайно встретилась с матерью; дочь пообещала, что гитлеровцы будут разгромлены и она скоро вернётся домой. Группа, в которую входила Мельникайте, вела разведку, уничтожала линии связи, нападала на одиночных фашистов и полицейских, жгла фураж и заготовленное для гитлеровских войск продовольствие. В Зарасайском уезде Марите с помощью товарищей организовала несколько молодёжных подпольных групп. Гитлеровские захватчики назначили за её голову большую денежную премию.

В ночь на 8 июля 1943 года недалеко от железнодорожной станции Дукштас группа Мельникайте взорвала шедший в сторону Ленинграда эшелон с вражескими солдатами и техникой. Но со следующего боевого задания группа не вернулась. Доносчик из местных жителей выдал карателям месторасположение партизан у озера Апварду. Группа была уничтожена. Раненая Марите последней гранатой хотела взорвать себя и бросившихся на неё врагов, но те опередили её. Пленённую девушку-партизанку фашисты изуверски пытали, пытаясь добиться от неё каких-либо сведений, но она молчала. 13 июля на площади у станции Дукштас её казнили. Марите была похоронена на берегу озера Зарасай вблизи родного города. Указом от 22 марта 1944 года Президиум Верховного Совета СССР удостоил Марите Мельникайте звания Героя Советского Союза (с одновременным награждением орденом Ленина).

В 1944 году Саломея Нерис написала поэму «Мария Мельникайте». На студии «Мосфильм» режиссёр В.П. Строевая при участии литовских актёров в 1947 году сняла художественный кинофильм «Марите». В 1953 году Литовский театр оперы и балета поставил оперу Антанаса Рачюнаса «Марите». Лучший литовский скульптор-монументалист Юозас Микенас в 1955 году отлил из бронзы памятник Марите Мельникайте, установленный в Зарасае, но в 1990-х годах с приходом новой власти памятник переместили в Груто-парк, где частными лицами был создан музей скульптур советского времени. Память о героине хранят улицы в Тюмени и Минске, названные её именем, художественный горельеф в Тюмени на пересечении улиц Мельникайте и Республики (скульптор Г. Вострецов, архитектор В. Гинкул).

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
4. Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: *mil_hist_magazin@mail.ru* или *ric_vig_1@mil.ru*.
8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:
1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
2) аннотацию на русском и английском языках (100—150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы.
В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);
4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
5) текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;
6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 х 297 мм).
2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
4. Текст набирается с соблюдением следующих правил:
поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см;
межстрочный интервал — полуторный;
абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами);
перенос слов — отключён;
инициалы между собой пробелами не отделяются;
при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-);
кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
7. Иллюстрации:
1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.
Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;
3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисуночные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки:
119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12
E-mail: ric_vig_1@mil.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить:
• по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;
• Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя;
• интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39887 для подписчиков всех регионов;
• интернет-каталогам агентств на сайтах:
www.podpiska.pochta.ru
www.akc.ru
www.pressa-rf.ru;
• заявке на e-mail: kr_zvezda@mail с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 19.01.2023
Подписано к печати 20.02.2023
Формат 60x84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 0570-2023
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Тел.: (495) 941-23-80
E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46
E-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Цена свободная
© «Военно-исторический журнал», 2023
Тел. маркетинг: (495) 941-32-09,
(495) 941-34-72, (495) 941-39-52,
http://redstarprint.ru/
E-mail: kr_zvezda@mail.ru

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ: МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Март
№ 3 (755)
2023

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ
Игорь Мадинович, заслуженный журналист РФ, полковник запаса

Заместитель главного редактора
КИКНАДЗЕ
Владимир Георгиевич, доктор исторических наук, доцент, член-корреспондент РАРАН, полковник запаса

Научные редакторы
П.А. АФАНАСЬЕВ, полковник в отставке;
А.Л. БОЧАРОВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.А. ЕВДОКИМОВ, подполковник запаса;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;
С.В. МАНЮКОВ, полковник запаса;
А.Н. ОВЧИННИКОВ, подполковник запаса;
А.В. ПЕТРОЧИНИН;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке;
О.А. ТВИРОВА

Ответственный секретарь
М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат
А.А. ЛАНЦОВА (заместитель ответственного секретаря);
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция
Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

Заведующий редакцией
Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод
А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка
Е.Н. КУЗНЕЦОВА

Обложка номера
И.В. НИКОЛАЕВ
капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера использован портрет Марите Мельникайте кисти художника А.Г. Кручины

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.М. БАРИНОВА — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)
N.M. BARINOVA — the Director of Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)
И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)
I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (History), Senior Researcher (Moscow)
А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)
A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, res.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)
Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)
Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)
А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)
A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (History) (Moscow)
А.В. КИРИЛИН — референт заместителя министра обороны Российской Федерации, генерал-майор запаса, кандидат исторических наук (Москва)
A.V. KIRILIN — Assistant to the Deputy Minister of Defence of the Russian Federation, Major-General (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)
В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)
V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (res.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)
В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — заместитель директора Российского государственного военного архива (Москва)
V.N. KUZELENKOV — the Deputy Director of the Russian State Military Archives (Moscow)
В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)
V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)
С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)
S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (History), Corresponding Member of the RAS (Moscow)
А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)
A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Moscow)
Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)
E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)
И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)
I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)
Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)
Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)
В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)
V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)
А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)
A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)
В.Е. ЧУРОВ — посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ (Москва)
V.Ye. CHUROV — Ambassador-at-Large of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

‹‹Военно-исторический журнал›› включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕРОИ И ПОДВИГИ

2-я стр. обл. Литовская Зоя Космодемьянская. 100 лет со дня рождения Героя Советского Союза Марите Мельникайте

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

4 **О.Д. ПАНКОВ** — «Офицер ГШ КА проявил высокую инициативу и напористость, не считаясь с опасностью для жизни». Офицеры — представители Генерального штаба Красной армии в системе изучения и применения боевого опыта в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

22 **А.В. КАРТАШЕВ** — «Опыт боевых действий советских войск на Кавказе был в дальнейшем учтён и развит...». Действия 1-го отдельного стрелкового корпуса Северо-Кавказского фронта на рубеже обороны Смыков — Григорополисская в августе 1942 года

ИЗ ИСТОРИИ ТЫЛА ВООРУЖЁННЫХ СИЛ

34 **В.В. ТРИШУНКИН, А.А. ГОЛОВИН** — Тыловое обеспечение 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов в ходе Советско-японской войны 1945 года

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

44 **Н.А. ЕВМЕНОВ** — Спасатели ВМФ России. К 100-летию Экспедиции подводных работ особого назначения

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

54 **Е.О. НАУМОВ** — «Партийных работников направлять исключительно в распоряжение Революционного военного совета». Распределение комиссаров и агитаторов Красной армии во второй половине 1918 года на примере 1-й армии Восточного фронта

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI вв.

64 **А.Ю. ЛАШКОВ** — «Не допустить ни одного самолёта противника к городу Ленинград». Организация противовоздушной обороны Ленинграда в годы Советско-финляндской войны

ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ

72 **О.В. ФАЛЛЕР, О.Л. МАЛЬЦЕВА** — «Война превратила всех в борцов... Последуем же и мы, женщины, по этому пути». Женское патриотическое движение в Императорской и Советской России

86 **В.А. СЕРДЮК** — «Прием на службу женщин допущен... вне всякой процентной нормы». Труд женщин на фронтовых железных дорогах Российской империи в годы Первой мировой войны

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

96 **М.С. ОЛЕЙНИК** — Русский берег Франции. Императорский флот в Вилла-Франке

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

104 **Р.С. ТАВИТОВ, А.В. НОВИКОВА** — Послужить «русскому делу». Герои Кавказской войны в топонимике старого Владикавказа

110 **Г.Ф. ГАСАНОВА** — «В ознаменование признательности к самоотверженной храбрости войск наших». Памятные награды Русско-японской войны

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

4-я стр. обл. «Подвиг требует не только отваги, но и мысли». 110 лет со дня рождения трижды Героя Советского Союза маршала авиации А.И. Покрышкина (*Публикация Н.Ф. Ковалевского*)

95, 119 — КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

120 — ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

CONTENTS

HEROES AND EXPLOITS	
A Zoya Kosmodemyanskaya of Lithuania. Centenary of Hero of the Soviet Union Marite Melnikaite	p. 2 of the cover
GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
O.D. PANKOV — «The Red Army General Staff officer displayed exceptional initiative and drive in disregard of the risk to his life». Officers of the Red Army GS in the system of combat experience studying and using during the Great Patriotic War of 1941—1945	4
A.V. KARTASHEV — «The experience of combat by Soviet troops in the Caucasus was subsequently taken into account and developed...». Activity by the 1st Detached Rifle Corps of the North Caucasus Front at the Smykov—Grigoropolisskaya defense line in August 1942	22
FROM THE HISTORY OF ARMED FORCES REAR	
V.V. TRISHUNKIN, A.A. GOLOVIN — Rear services support at the 1st and 2nd Far Eastern Fronts in the course of the Soviet-Japanese War of 1945	34
MEMORABLE DATES	
N.A. YEVMENOV — Russia's Navy rescuers. On the centenary of the Special Purpose Underwater Rescue Party	44
CIVIL WAR	
Ye.O. NAUMOV — «Party functionaries to be placed strictly at the disposal of the Revolutionary Military Council». Distribution of Red Army commissars and agitators in the second half of 1918 as exemplified by the 1st Army of the Eastern Front	54
LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF 20th — 21st CENTURIES	
A.Yu. LASHKOV — «Not one enemy aircraft must approach the city of Leningrad». Organizing the air defense of Leningrad during the Soviet-Finnish War	64
WOMEN IN THE ARMY	
O.V. FALLER, O.L. MALTSEVA — «The war has made fighters of all... So let us women follow suit». The female patriotic movement in the Imperial and Soviet Russia	72
V.A. SERDYUK — «Women can be taken on... outside any percentage quotas». The work of women at frontline railroads of the Russian Empire during the First World War	86
RUSSIAN MILITARY ABROAD	
M.S. OLEINIK — The Russian shore of France. The Imperial Navy in Villa Franca	96
MILITARY CHRONICLE OF HOMELAND	
R.S. TAVITOV, A.V. NOVIKOVA — Serving the Russian cause. Heroes of the Caucasian War in the place names of old Vladikavkaz	104
G.F. GASANOVA — «As a mark of gratitude for the selfless courage of our troops». Commemorative awards of the Russo-Japanese War	110
MILITARY LEADERS AND COMMANDERS	
«A heroic deed takes not just valor, but also thinking». The 110th anniversary of Thrice Hero of the Soviet Union Marshal of Aviation A.I. Pokryshkin (*Publication by N.F. Kovalevsky*)	p. 4 of the cover

95, 119 — THE BOOKSHELF OF MILITARY HISTORIAN
120 — MEMORABLE DATES

О.Д. Панков

«ОФИЦЕР ГШ КА ПРОЯВИЛ ВЫСОКУЮ ИНИЦИАТИВУ И НАПОРИСТОСТЬ, НЕ СЧИТАЯСЬ С ОПАСНОСТЬЮ ДЛЯ ЖИЗНИ»

Офицеры — представители Генерального штаба Красной армии в системе изучения и применения боевого опыта в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Сведения об авторе. *Панков Олег Дмитриевич — начальник Центрального архива Министерства обороны РФ (г. Подольск Московской обл. E-mail: pod70@mail.ru).*

Аннотация. *В статье приведены данные из архивных источников Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и краткий библиографический анализ деятельности Генерального штаба Красной армии, продемонстрирована огромная роль, которую сыграли его офицеры в совершенствовании системы контроля действий войск и организации управления в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Помимо своих основных задач офицеры группы ГШ КА принимали непосредственное активное участие в устранении выявленных недостатков, подготовке к сражениям, управлении подразделениями и частями в ходе боевых действий, в период манёвров и передислокации войск, в выполнении мероприятий материально-технического обеспечения.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; Курская битва; офицеры группы ГШ КА; система управления; изучение боевого опыта; доклад; анализ; боевые действия.*

Грандиозная победа на Курской дуге свидетельствовала о многочисленных факторах, способствовавших данному военному успеху. Но основным среди них являлось наличие в Красной армии мощных источников, позволивших обеспечить ей превосходство на советско-германском фронте. Это — окрепшая боевая мощь, стойкость и активность войск, самоотверженный труд советского народа, возросшие возможности предприятий тыла, беспримерный героизм советских воинов, их высокая морально-психологическая готовность, единство всех народов нашей многонациональной страны, широкий размах партизанского движения и подпольной борьбы на оккупированной врагом территории.

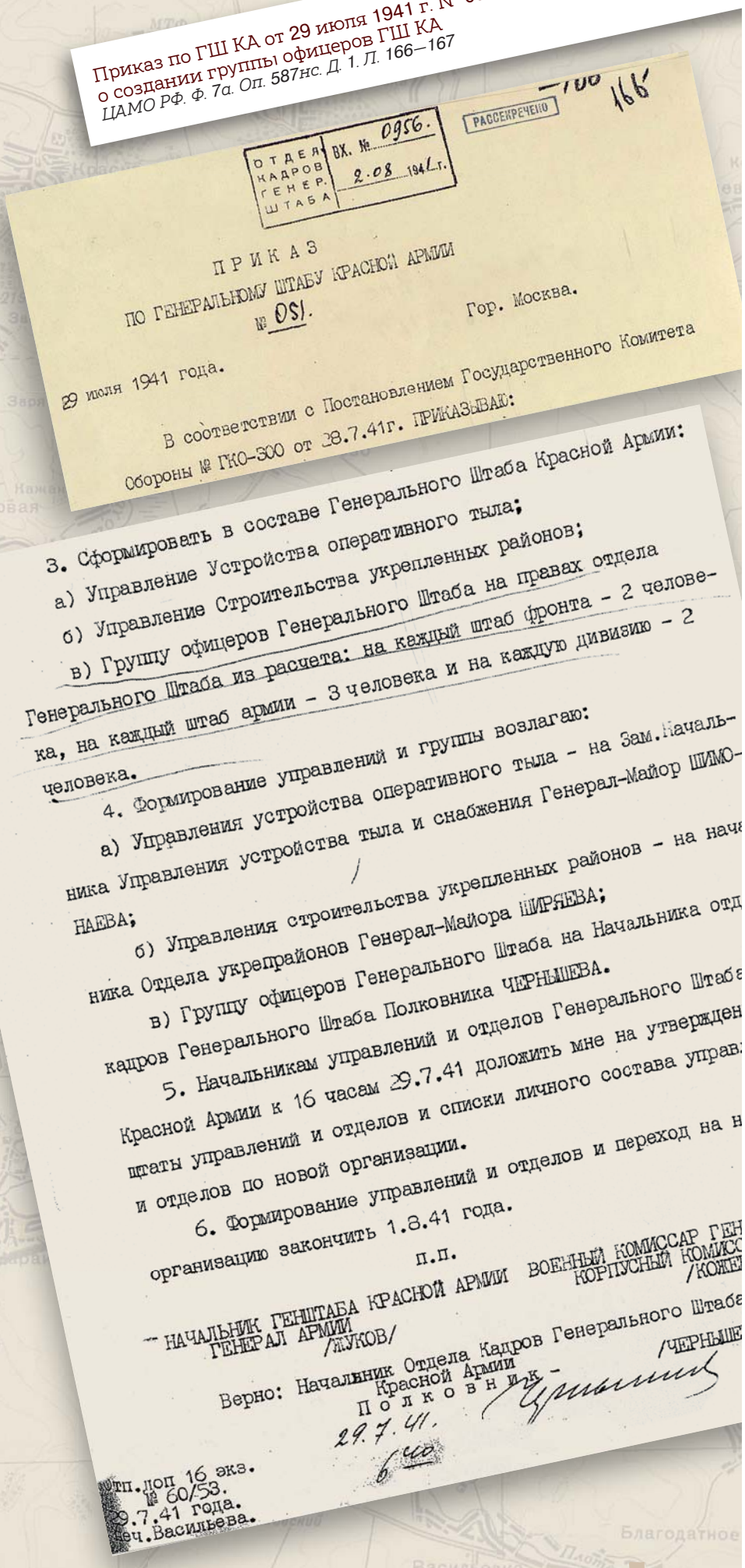
К лету 1943 года Красная армия уже обладала достаточно серьёзным боевым опытом, повысились полководческое искусство военачальников, профессиональное мастерство командного состава и рядовых бойцов. Командиры и начальники любого ранга придавали боевой выучке своих подчинённых первостепенное значение и контролировали её ход с особой тщательностью. К началу Курской битвы в Вооружённых силах уже активно действовала система изучения и применения боевого опыта, анализа и контроля организации управления боевыми действиями войск. Основана она была на деятельности офицеров — представителей Генерального штаба Красной армии (ГШ КА).

Слово «офицер» в наименовании должности в Красной армии было применено впервые именно в отношении института представителей Генштаба. Тем самым как бы подчёркивался специфический характер работы и подчинённости, в то время как все другие должностные лица кадрового состава советских Вооружённых сил назывались либо командирами, либо начальниками[1].

В первые месяцы Великой Отечественной войны под натиском немецкой военной машины командованию Красной армии требовалось сделать многое. До ГШ КА доходили порой самые скудные и противоречивые данные о положении на фронтах. И чтобы хоть как-то восполнить этот пробел, должностные лица Оперативного управления ГШ КА сами летали выяснять, где проходит передний край нашей обороны, куда переместились штабы фронтов и армий. При этом одни погибали, другие выходили из строя по ранению, многих командующие фронтами долго не отпускали обратно, поручая выполнение различных задач. Убыль квалифицированных кадров была настолько значительна, что руководство ГШ КА приняло решение об организации специального органа для связи с войсками.

В соответствии с приказом по ГШ КА от 29 июля 1941 года № 051 была создана группа офицеров Генерального штаба «...на правах отдела из расчета: на каждый штаб фронта — 2 чел., на каждый штаб армии — 3 чел. и на каждую дивизию — 2 чел.». Формирование группы, которое предписывалось закончить 1 августа 1941 года,

Приказ по ГШ КА от 29 июля 1941 г. № 051 о создании группы офицеров ГШ КА
ЦАМО РФ. Ф. 7а. Оп. 587нс. Д. 1. Л. 166–167



ОТДЕЛ КАДРОВ ГЕНЕР. ШТАБА ВХ. № 0956. 2.08 1941 г.

РАССЕКРЕЧЕНО

166

ПРИКАЗ
ПО ГЕНЕРАЛЬНОМУ ШТАБУ КРАСНОЙ АРМИИ
№ 051. Гор. Москва.

29 июля 1941 года.

В соответствии с Постановлением Государственного Комитета Обороны № ГКО-300 от 28.7.41г. ПРИКАЗЫВАЮ:

3. Сформировать в составе Генерального Штаба Красной Армии:
а) Управление Устройства оперативного тыла;
б) Управление Строительства укрепленных районов;
в) Группу офицеров Генерального Штаба на правах отдела Генерального Штаба из расчета: на каждый штаб фронта – 2 человека, на каждый штаб армии – 3 человека и на каждую дивизию – 2 человека.

4. Формирование управлений и группы возлагаю:
а) Управления устройства оперативного тыла – на Зам.Начальника Управления устройства тыла и снабжения Генерал-Майор ШИМОНАЕВА;
б) Управления строительства укрепленных районов – на начальника Отдела укрепрайонов Генерал-Майора ШИРЯЕВА;
в) Группу офицеров Генерального Штаба на Начальника отдела кадров Генерального Штаба Полковника ЧЕРНЫШЕВА.

5. Начальникам управлений и отделов Генерального Штаба Красной Армии к 16 часам 29.7.41 доложить мне на утвержден штаты управлений и отделов и списки личного состава управ и отделов по новой организации.

6. Формирование управлений и отделов и переход на н организацию закончить 1.8.41 года.

п.п.

НАЧАЛЬНИК ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ ВОЕННЫЙ КОМИССАР ГЕН
ГЕНЕРАЛ АРМИИ КОРПУСНЫЙ КОМИСС
/ЖУКОВ/ /КОЖЕ

Верно: Начальник Отдела Кадров Генерального Штаба Красной Армии
П о л к о в н и к /ЧЕРНЫШЕ
29.7.41.

отп.доп 16 экз.
№ 60/53.
29.7.41 года.
печ.Васильева.

было возложено на начальника отдела кадров ГШ КА[2].

Комплектовалась группа из наиболее опытных и подготовленных войсковых офицеров, военных специалистов Оперативного управления ГШ КА, а также из преподавательского состава военно-учебных заведений.

Впоследствии согласно приказу народного комиссара обороны Союза ССР (НКО) от 25 апреля 1942 года № 0324 состав группы претерпел некоторые изменения и выглядел так: «...по 2 чел. на корпус, по 3 чел. на армию и по 3 чел. на фронт...»[3].

Перед офицерами группы с учётом сложившейся обстановки ставился значительный круг задач по проверке и оказанию помощи в решении основных вопросов: проведение в жизнь в дивизиях, армиях и фронтах директив Ставки Верховного Главнокомандования (Ставка ВГК), приказов и приказаний НКО; организация обороны, совершенствование позиций; сколачивание частей и их штабов; изучение противостоящего противника, состояния вновь прибывающих частей и организация с ними боевой подготовки; пополнение частей личным составом, вооружением и техникой; создание запасов боеприпасов, продовольствия, горючего и т.д.

Обращение начальника Калининского направления Оперативного управления ГШ КА к начальнику группы офицеров ГШ КА по постановке задач офицерам группы
ЦАМО РФ. Ф. 16а. Оп. 1045сс. Д. 6. Л. 224

Доклад офицера группы ГШ КА по итогам январской наступательной операции Воронежского фронта 1943 г.
ЦАМО РФ. Ф. 16а. Оп. 991. Д. 13. Л. 60

Во главе группы был поставлен человек исключительной честности и трудолюбия генерал-майор Н.И. Дубинин, который в одном из своих указаний офицерам требовал: «...письменно донесите, какие недочёты по этим вопросам были обнаружены, кто и какие меры для ликвидации их предпринимал и в каком состоянии эти вопросы сейчас»[4].

Вначале офицеры ГШ КА, выполнив задачу в действующей армии, возвращались обратно в Москву. Но некоторое время спустя было признано более рациональным постоянно держать офицеров при штабах объединений и соединений. Одновременно устанавливалась строгая система руководства и подчинения: старшему офицеру, работавшему при фронтовом управлении, подчинялись офицеры в армиях, а последним — их коллеги в корпусах и дивизиях.

Н.И. Дубинин

Особое внимание обращалось на достоверность докладов. Офицер имел право докладывать только о том, что видел собственными глазами, а не со слов других лиц или по штабным документам. После того как прошла сумятица первых месяцев войны, доклад по текущей обстановке уже не требовался.

В обязанности офицерам группы также вменялось

Группа Офицеров
Генштаба КА
"23" августа 1942г.
№217888.
г.Москва.-

ОФИЦЕРУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ПРИ 6 ТАНКОВОМ КОРПУСЕ
МАЙОРУ АРКАНОВУ.

Ваш доклад о марше 6 ТК получен.
Учтите в своей работе следующее:
1. Доклад надо в копии давать командиру корпуса. По всем недочетам в работе его ставить в известность.
2. Вашими указаниями командиру бригады по вопросу связи, начальнику штаба о порядке погрузки, о расчете остановки на дневку, требование к командиру корпуса по вопросу ремонта радиосредств - Вы подменяете командование. Не в такой форме надо пред'являть к командованию требования для устранения недостатков как делаете Вы. Надо доложить командованию о всех найденных Вами недочетах, а дальше дело командования приказывать устранять их.
3. Выводы по разделам Вами сделаны хорошо.
Указания принять к исполнению.

ВОЕННЫЙ КОМИССАР ГРУППЫ ОФИЦЕРОВ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ПОЛКОВОЙ КОМИССАР - /ЛЕБЕДЕВ/

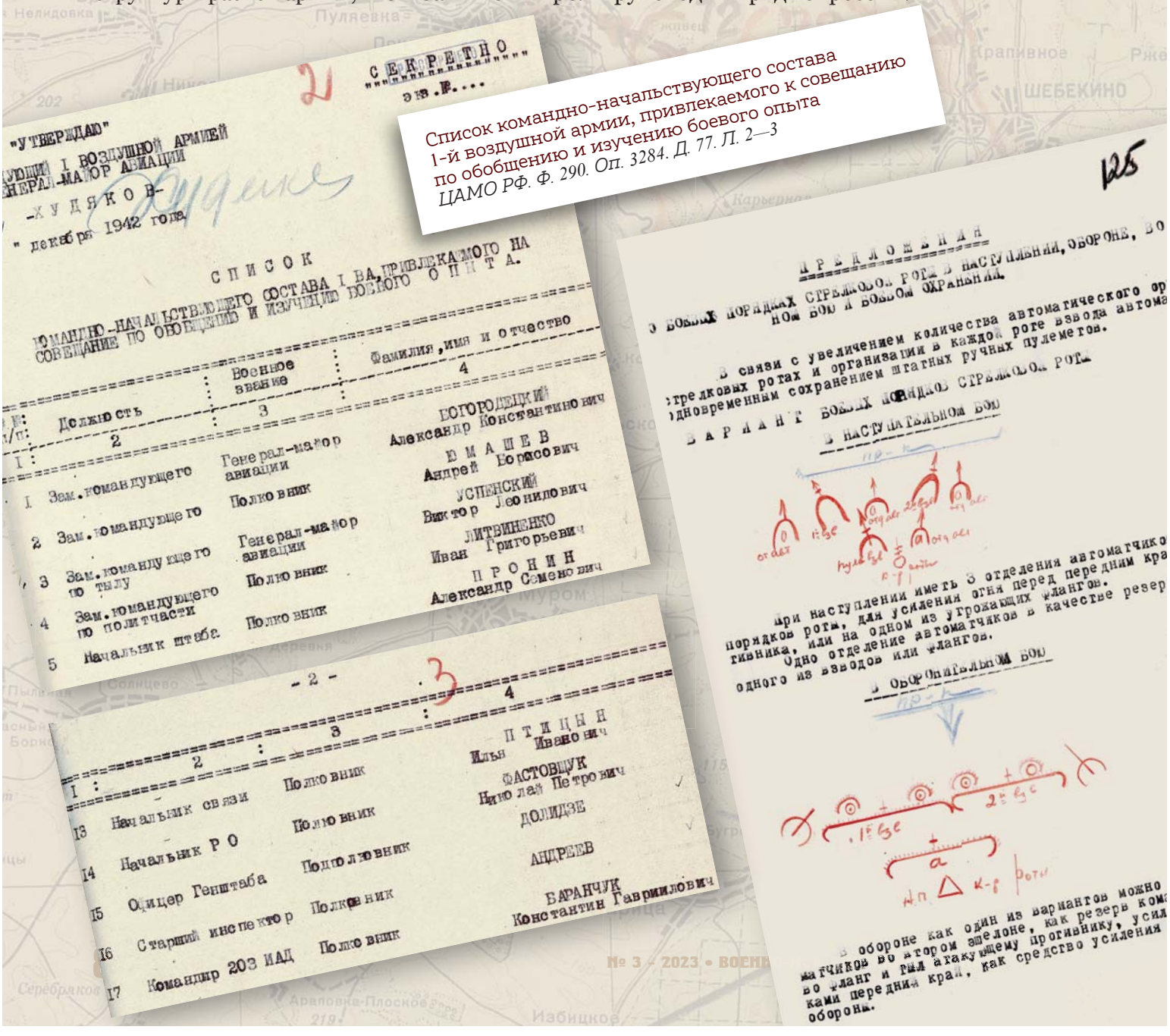
Отп. ДВА экз.
экз.№ 1-адресату
экз.№ 2-в дело
исп.Бурлак

Замечания по докладу офицера группы ГШ КА о марше 6-го танкового корпуса
ЦАМО РФ. Ф. 16а. Оп. 1045сс. Д. 9. Л. 133

присутствовать при разработке планов операций и принятии решений командованием, немедленно докладывать в ГШ КА о всех обнаруженных недостатках в работе командования всех степеней. При этом им предоставлялось право пользования шифром и посылки шифр-телеграмм без визы начальников штабов. А штабы всех степеней обязывались обеспечить офицеров группы средствами связи и передвижения по их требованию[5].

Тяжёлая обстановка на фронтах вносила свои коррективы в деятельность всех структур Красной армии, что не могло не сказаться на качественном комплектовании и функционировании вновь созданного отдела. В своём докладе от 24 сентября 1941 года военный комиссар группы офицеров ГШ КА бригадный комиссар А.Г. Королёв отмечал: «...Группа далеко не укомплектована кадрами во всех своих звеньях... не утверждено положение по группе офицеров ГШ КА... отсутствует ясное и чёткое понимание задач и целей... характера и методов работы... взаимоотношений с оперативным управлением и Военно-историческим отделом». Прослеживались тенденция занижения роли руководящего состава группы, недостаточная подготовка офицеров, в т.ч. по знанию боевой обстановки и её динамики[6].

Каждый доклад направлялся офицерами группы лично или через старших офицеров в ГШ КА. Вот один из примеров сопроводительной к такому докладу: «Прошу срочно дать заключение по докладу майора Файбич для оценки его работы. Кроме того, желательно получить для него ближайшие задачи, на которые офицер должен обратить особое внимание. В целом доклад неплохой, но сырой, нет системы и неглубоко вскрывается ряд вопросов»[7].



Список командно-начальствующего состава 1-й воздушной армии, привлекаемого к совещанию по обобщению и изучению боевого опыта
ЦАМО РФ. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 77. Л. 2—3

Иногда доклады носили общий характер, но в основном раскрывали определённые направления деятельности: ход выполнения директивных указаний, действия и состояние боеспособности своих войск, показания пленных, итоги боевых операций, анализ отступлений, оставления позиций и городов, действия противника и использование им видов вооружения, организация взаимодействия и управления своими войсками.

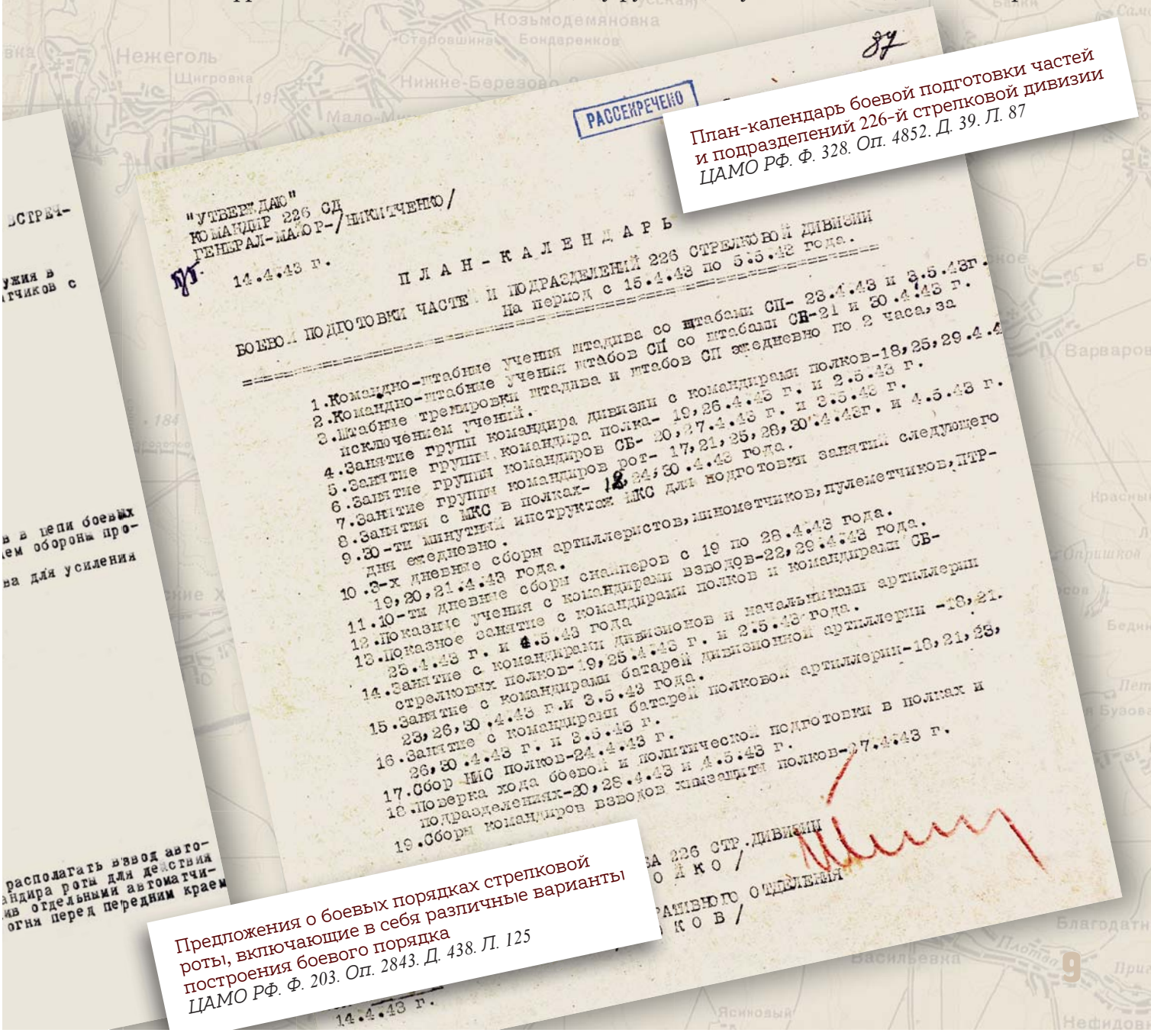
Например, в своём докладе по итогам январской наступательной операции Воронежского фронта 1943 года офицер группы ГШ КА наряду с имевшимися недостатками (отсутствие устойчивой связи, перебои в снабжении, недостаточность эвакосредств) отмечал: «...Считаю, что в проведённой операции имеется ряд очень ценных моментов, которые могут быть с успехом использованы и на других фронтах...»[8].

Спектр рассматривавшихся офицерами ГШ КА вопросов порой был достаточно широк. Например, в доклады включались и проблемы членовредительства в войсках, безобразного отношения к сбережению оружия и т.д.[9]

При направлении докладов вышестоящему руководству к ним зачастую прилагались замечания старших офицеров группы. Вот некоторые критические выдержки из них:

«...Неясно, как же организована противотанковая оборона — хорошо или плохо... как подготовлен личный состав к использованию орудий и ружей против танков... какие необходимо принять меры по изжитию имеющихся недочётов в боевом обеспечении войск...»[10];

«...Считаю, что офицер ГШ КА подполковник т. Крайнов А.В. не вскрыл глубины всех наиболее существенных вопросов, а ограничился только отдельными факта-



87

РАССЕКРЕЧЕНО

"УТВЕРЖДАЮ"
КОМАНДИР 226 СД
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР-/НИКИТЧЕНКО/

14.4.43 г.

ПЛАН-КАЛЕНДАРЬ

БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ЧАСТЕЙ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ 226 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ
На период с 15.4.43 по 5.5.43 года.

1. Командно-штабные учения штадива со штабами СП- 23.4.43 и 3.5.43г.
2. Командно-штабные учения штабов СП со штабами СБ-21 и 30.4.43 г.
3. Штабные тренировки штадива и штабов СП ежедневно по 2 часа, за исключением учений.
4. Занятие групп командира дивизии с командирами полков-18,25,29.4.4
5. Занятие группы командира полка- 19,26.4.43 г. и 2.5.43 г.
6. Занятие группы командиров СБ- 20,27.4.43 г. и 3.5.43 г.
7. Занятие группы командиров рот- 17,21,25,28,30.4.43г. и 4.5.43 г.
8. Занятия с МКС в полках- 18,24,30.4.43 года.
9. 30-ти минутный инструктаж МКС для подготовки занятий следующего дня ежедневно.
10. 3-х дневные сборы артиллеристов, минометчиков, пулеметчиков, ПТР- 19,20,21.4.43 года.
11. 10-ти дневные сборы снайперов с 19 по 28.4.43 года.
12. Показные учения с командирами взводов-22,29.4.43 года.
13. Показное занятие с командирами полков и командирами СБ- 23.4.43 г. и 4.5.43 года
14. Занятие с командирами дивизионов и начальниками артиллерии стрелковых полков-19,25.4.43 г. и 2.5.43 года.
15. Занятие с командирами батарей дивизионной артиллерии -18,21. 23,26,30.4.43 г. и 3.5.43 года.
16. Занятие с командирами батарей полковой артиллерии-18,21,23, 26,30.4.43 г. и 3.5.43 г.
17. Сбор НИС полков-24.4.43 г.
18. Поверка хода боевой и политической подготовки в полках и подразделениях-20,28.4.43 и 4.5.43 г.
19. Сборы командиров взводов химзащиты полков-27.4.43 г.

...А 226 СТР. ДИВИЗИИ
...ОЙКО/
...РАТИВНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
...КОВ/

14.4.43 г.

План-календарь боевой подготовки частей и подразделений 226-й стрелковой дивизии
ЦАМО РФ. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 39. Л. 87

Предложения о боевых порядках стрелковой роты, включающие в себя различные варианты построения боевого порядка
ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 438. Л. 125

ми менее принципиального характера...»;

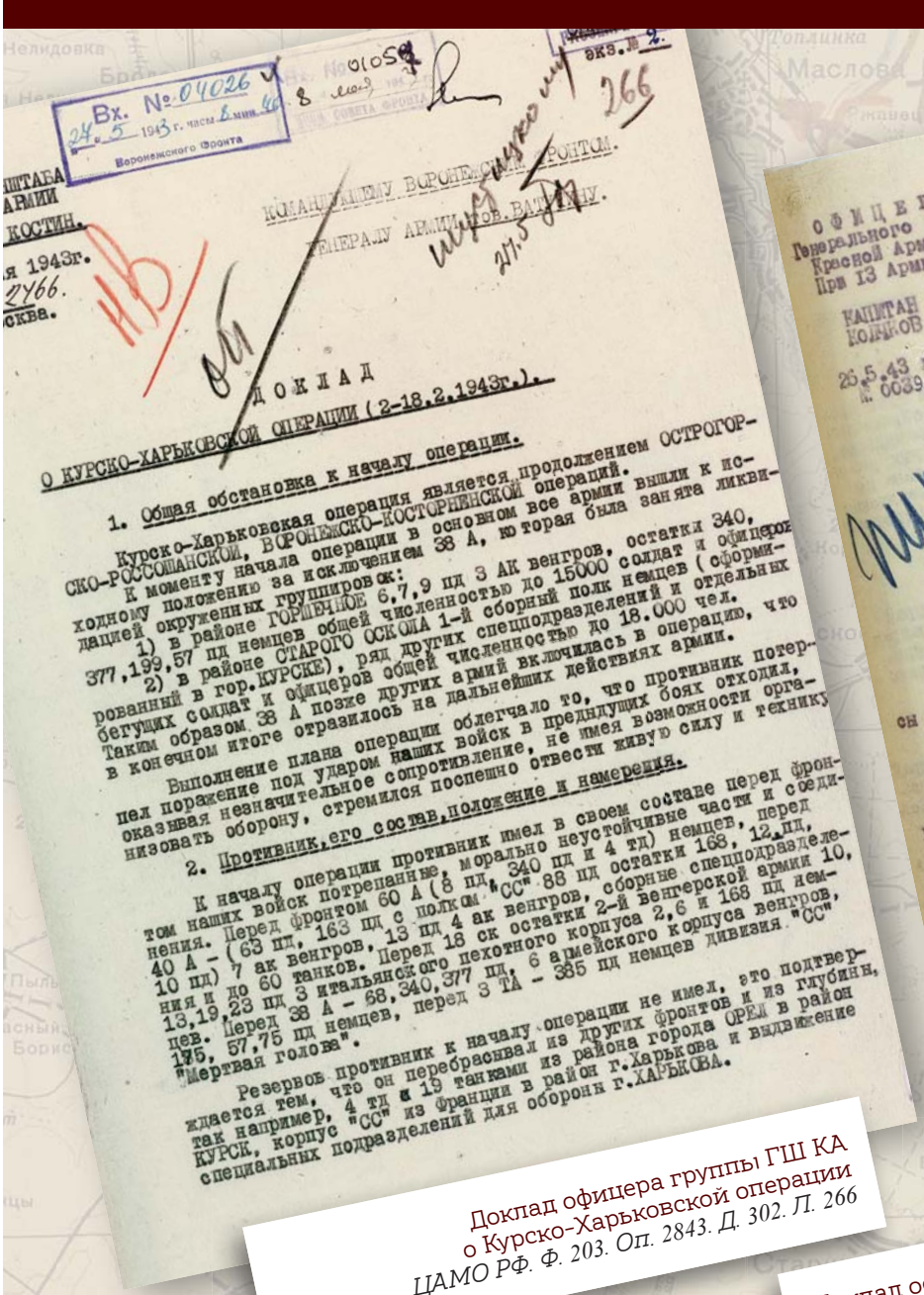
«...Все замечания о плохой дисциплине марша и управления на марше правильны...»;

«...т. Крайнов как офицер ГШ КА не проявил прямоты и встал на путь либерализма... в плохих отношениях с начальником штаба корпуса, к которому не ходит, а следовательно, не может быть полностью в курсе всех мероприятий и указаний... построил свою работу однобоко, т.е. пошёл по линии докладов в ГШ КА, а устранением безобразий на месте занимается мало...»[11].

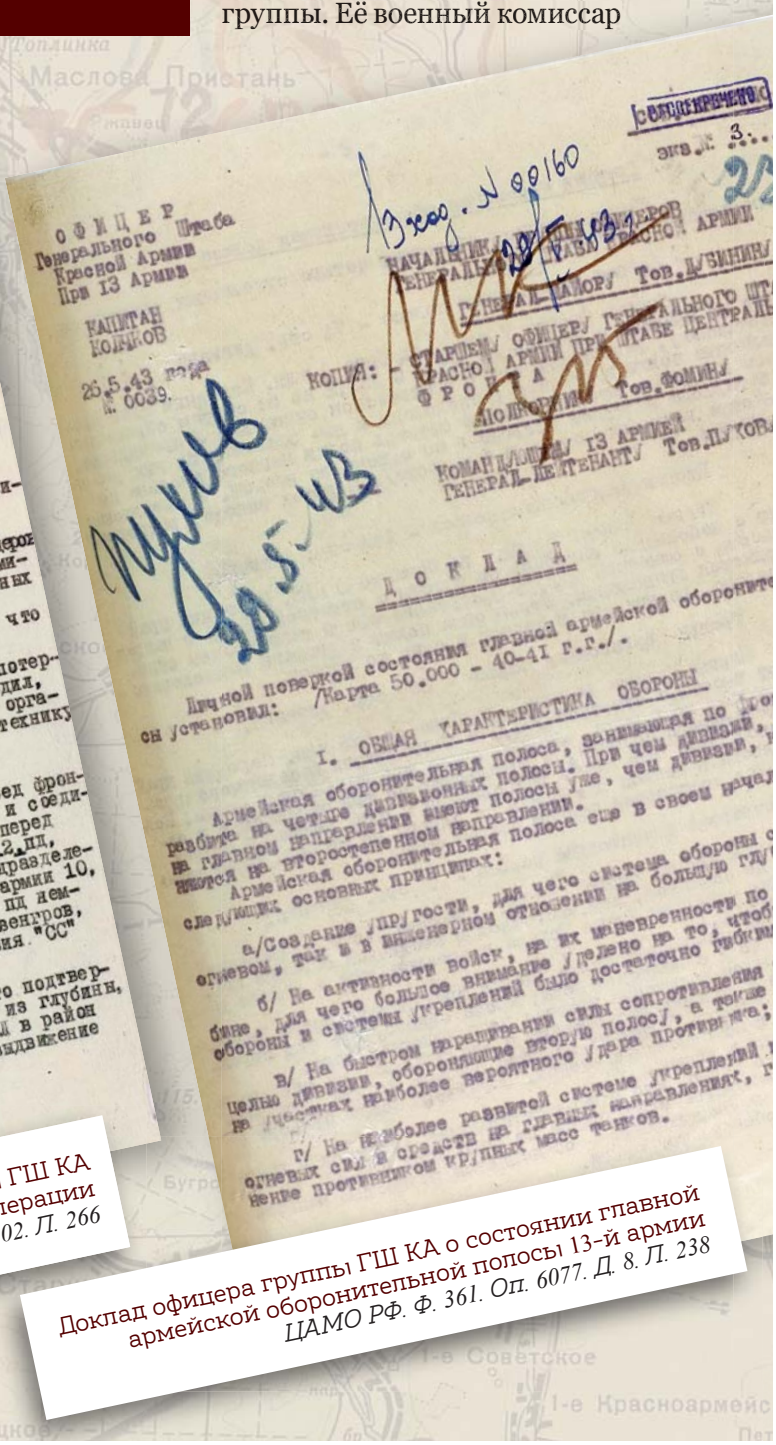
«Из доклада не видно, какие меры приняты Вами для устранения вскрытых Вами недочётов... видно, что большую часть своего рабочего времени Вы просидели в штабе армии...»

Из этих документов становится очевидным, какая ответственность лежала на офицерах группы, вполне сравнимая с ответственностью командиров и бойцов, идущих в бой.

Все доклады подлежали серьёзному изучению и глубокому анализу руководством группы. Её военный комиссар



Доклад офицера группы ГШ КА о Курско-Харьковской операции
ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 302. Л. 266



Доклад офицера группы ГШ КА о состоянии главной армейской оборонительной полосы 13-й армии
ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6077. Д. 8. Л. 238

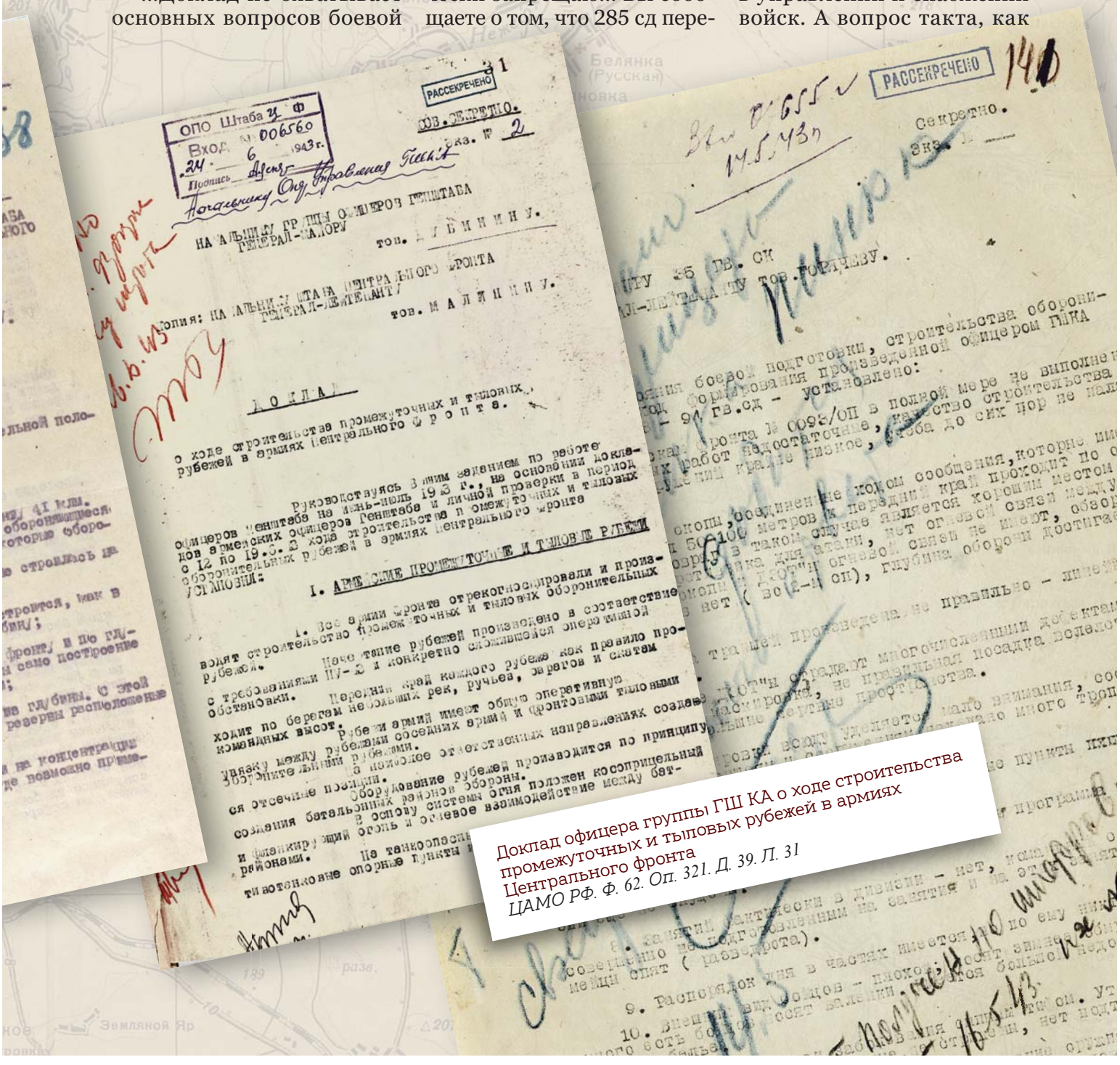
полковой комиссар В.И. Лебедев так оценил доклады подчинённых офицеров:

«Представленный Вами доклад... вскрывая ряд важных вопросов, совершенно не отражает Вашей работы как офицера ГШ КА... Из доклада не видно, какие меры приняты Вами для устранения вскрытых Вами недочётов... видно, что большую часть своего рабочего времени Вы просидели в штабе армии... В докладах обязательно указывать, какие мероприятия проведены лично Вами...»;

«...Доклад не охватывает основных вопросов боевой подготовки... Вы расхвалили корпус, обошли вопросы недостатков. Напрашивается вопрос: глубоко ли Вы и все ли вопросы проверили?.. У Вас имеются симптомы неправильного понимания такта работы офицера ГШ КА... Вы не имеете права делать замечаний. Надо доложить командованию о недостатках. Командование необходимые приказы и указания даст...»;

«Ваши шифровки... только дублируют оперативные сводки армии, что категорически запрещаю... Вы сообщаете о том, что 285 сд перешла в контратаку, но успеха не имела. Почему? Об этом Вы молчите... Вы сообщаете, что меры для восстановления положения приняты. Но какие меры, об этом Вы умолчали. Таковы Ваши ошибки. Требую от Вас резкого повышения качества работы»[12].

Усиленный контроль и нелицеприятная критика в тот период необходимы были для скорейшего выхода деятельности офицеров группы на высокое качество и эффективность, ведь от них зависели очень многие процессы в управлении и снабжении войск. А вопрос такта, как



Доклад офицера группы ГШ КА о ходе строительства промежуточных и тыловых рубежей в армиях Центрального фронта
ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 39. Л. 31

мы видим, требовал особого внимания. Офицеры группы обязаны были участвовать в устранении недостатков, но замечания командирам и начальникам напрямую делать не могли, тем более подменять их своими решениями.

Так, в основном на практике, проходило обучение и становление группы в начальный период войны. Офицеры ГШ КА учили войска и учились сами.

Подготовка и проведение стратегических операций летней кампании 1943 года явились серьёзным испытанием созданной в Красной армии системы управления войсками. Важное место в этой системе занимала деятельность группы офицеров Генерального штаба.

Обрабатывая полученные с фронтов сведения, ГШ КА должен был глубоко анализировать их, делать надлежащие выводы. Подобного рода работа могла быть организована в больших масштабах лишь в результате объединения всех усилий, а не только

Схема-решение на прорыв и развитие прорыва 5-й гвардейской армии (приложение к докладу офицера группы ГШ КА)
ЦАМО РФ. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 92. Л. 64

Сопроводительная к списку и наградным листам на офицеров ГШ КА
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 59. Л. 340

на основе тех или иных отдельных идей или предположений[13].

Применительно к сражению под Курском работу офицеров ГШ КА представляется целесообразным рассмотреть по трём этапам: анализ предыдущего боевого опыта и подготовка боевых действий войск; контроль и участие в корректировке работы штабов и командования в ходе операций; анализ и итоговые отчёты в целях изучения опыта войны.

Одной из форм работы офицеров ГШ КА по подготовке боевых действий войск было участие в совещаниях, проводившихся с командно-

В.Н. Долидзе

начальствующим составом стратегических и оперативных объединений по обобщению и изучению боевого опыта[14]. На них представители ГШ КА не только получали необходимую информацию, но и докладывали свои замечания и предложения непосредственно участникам совещаний по самым различным вопросам. На одном из таких совещаний, в частности, обсуждались предложения о боевых порядках стрелковой роты «в связи с увеличением количества автоматического оружия и организации в каждой роте взвода автоматчиков», включавшие в себя варианты построения в

наступательном бою, в оборонительном бою, во встречном бою и в боевом охранении[15].

Особое значение в подготовке к предстоявшим сражениям придавалось боевой выучке частей и соединений. При участии офицеров ГШ КА вырабатывались указания, учебные программы и план-календари для эффективной организации боевой подготовки с максимальным учётом всех вариантов ведения боевых действий. Ставилась основная задача: «...подготовить весь рядовой, командно-начальствующий состав, штабы, подразделения и части к умелым активным наступательным действиям, ведению упорной обороны и постоянной боевой готовности к выполнению боевых задач... подготовку организационно и методически построить из расчёта 20 дней непрерывной учёбы в соответствии с планом-программой...»[16].

И.А. Кузьмичёв

Для более качественной подготовки войск использовался боевой опыт предыдущих сражений. Доклады офицеров ГШ КА по каждой проведённой операции носили весьма подробный характер с выводами и предложениями. В одном из докладов среди других предложений было отмечено: «В целях бесперебойного снабжения войск в намечаемых операциях считаю необходимым... в танковых армиях и корпусах иметь резерв матчасти танков для танковых армий 100 шт., для танковых корпусов по 50 шт... штаб фронта усилить радиосредствами и командующих артиллерией дивизий, корпусов и фронта мощными радиостанциями ...»[17].

В ходе построения обороны на Курской дуге важно было не упустить ни одной малейшей детали, поэтому её организация подвергалась тщательной всесторонней проверке. Офицер группы майор И.П. Шевченко в докладе о состоянии главной армейской оборонительной полосы 13-й армии дал подробнейшую общую характеристику обороны, её четырёх дивизионных полос, инженерного обеспечения, системы огня, противотанковой обороны и обеспечения стыков. В своих выводах докладчик указал: «...Армия готова к упорному удержанию своей оборонительной полосы, порукой этому является хороший моральный дух личного

состава... полоса обороны в инженерном отношении оборудована полностью... ещё есть некоторые недоработки, но слабым местом является маскировка...»[18].

Перед грандиозной Курской битвой в соответствии с планом Ставки ВГК проводились значительная перегруппировка и передислокация войск, а также формирование новых частей, так необходимых фронту. В истории войн почти не было случая, когда создавались бы такие мощные стратегические резервы, объединённые единым фронтовым командованием[19]. Важный вопрос контроля выполнения этих мероприятий был возложен на офицеров ГШ КА. Задача — не просто сформировать новые части, а сделать это быстро, качественно и в полном объёме. От этого зависел исход будущих сражений. Поэтому от докладов офицеров группы требовались принципиальность и тщательность.

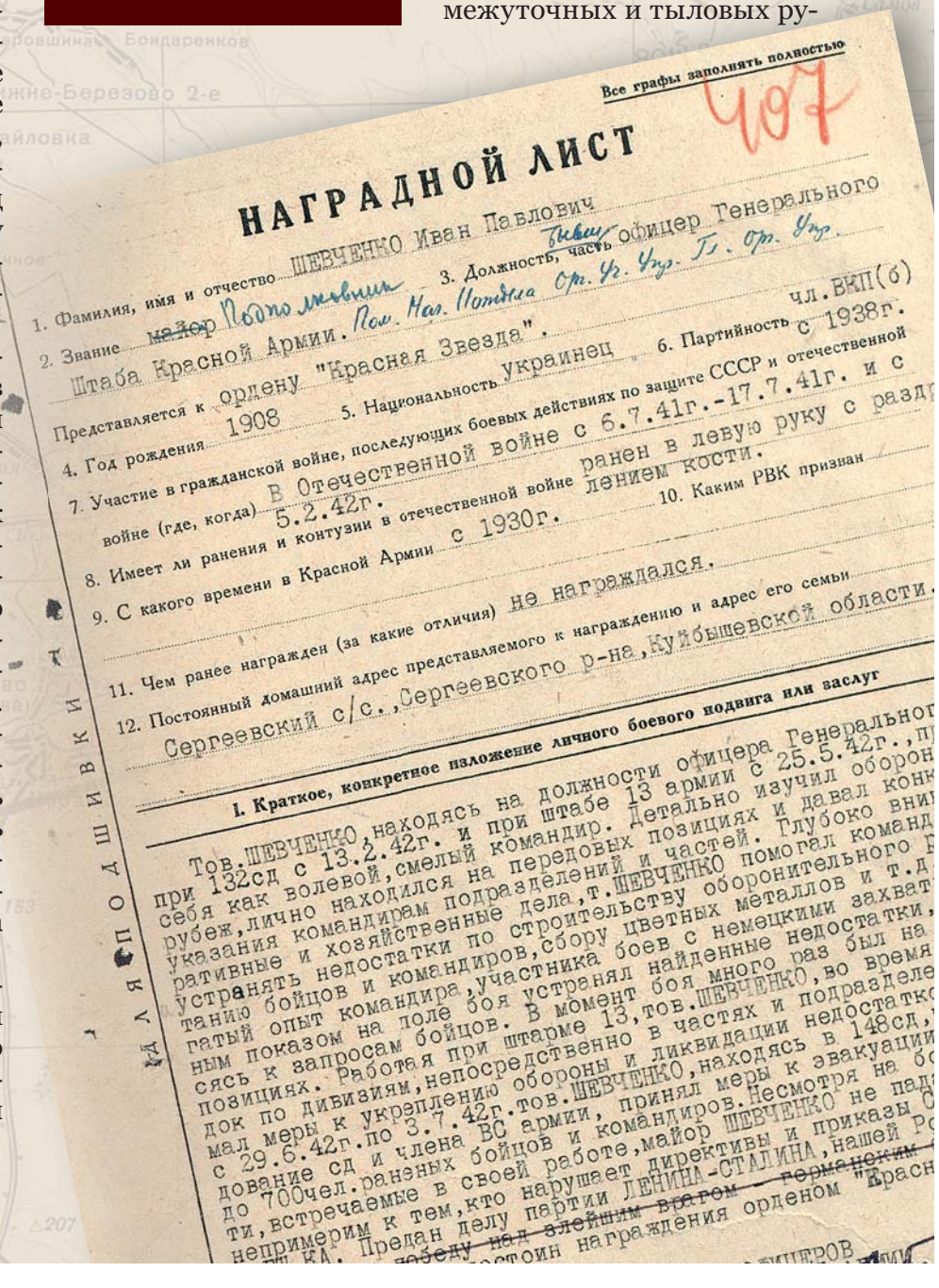
Так, в своём донесении начальнику группы офицеров ГШ КА о ходе формирования подразделений в 94-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Н.М. Пинюк делал неутешительные выводы: «...Дивизия по состоянию на 30.04.43 г. полностью не укомплектована, а подразделения полностью не сформированы. Не сплочены...». В предложениях он указывал: «Желательно со стороны штаба фронта помочь командованию корпуса дать горючее, чтобы иметь возможность подтянуть артиллерию, которая находится на 100 и более километров...».

На эти доклады командование фронтов, армий и корпусов незамедлительно реагировало, устраняя выявленные недоработки и

И.П. Шевченко

нарушения. Так, начальник штаба Воронежского фронта в своей шифровке командиру 35-го гвардейского стрелкового корпуса приказал: «Все отмеченные недочёты устранить, добиться качественного улучшения производства инженерных работ... с прибывающим пополнением немедленно начать регулярные занятия... улучшить работу тылов... донести о проведённых и намеченных мероприятиях по выполнению настоящего приказа»[20].

Стоит отметить, что особо пристальное внимание командование Красной армии уделяло строительству промежуточных и тыловых ру-



Все графы заполнять полностью

407

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ШЕВЧЕНКО Иван Павлович
2. Звание ~~майор~~ Подполковник 3. Должность, часть бывш. офицер Генерального Штаба Красной Армии. Пом. Нач. Отдела Отд. Уч. Упр. Гл. Отд. Упр.
Представляется к ордену "Красная Звезда".
4. Год рождения 1908 5. Национальность украинец 6. Партийность чл.ВКП(б) с 1938г.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) В Отечественной войне с 6.7.41г.-17.7.41г. и с 5.2.42г.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне ранен в левую руку с раздр лением кости.
9. С какого времени в Красной Армии с 1930г. 10. Каким РВК призван
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награждался.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи Сергеевский с/с.,Сергеевского р-на,Куйбышевской области.

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

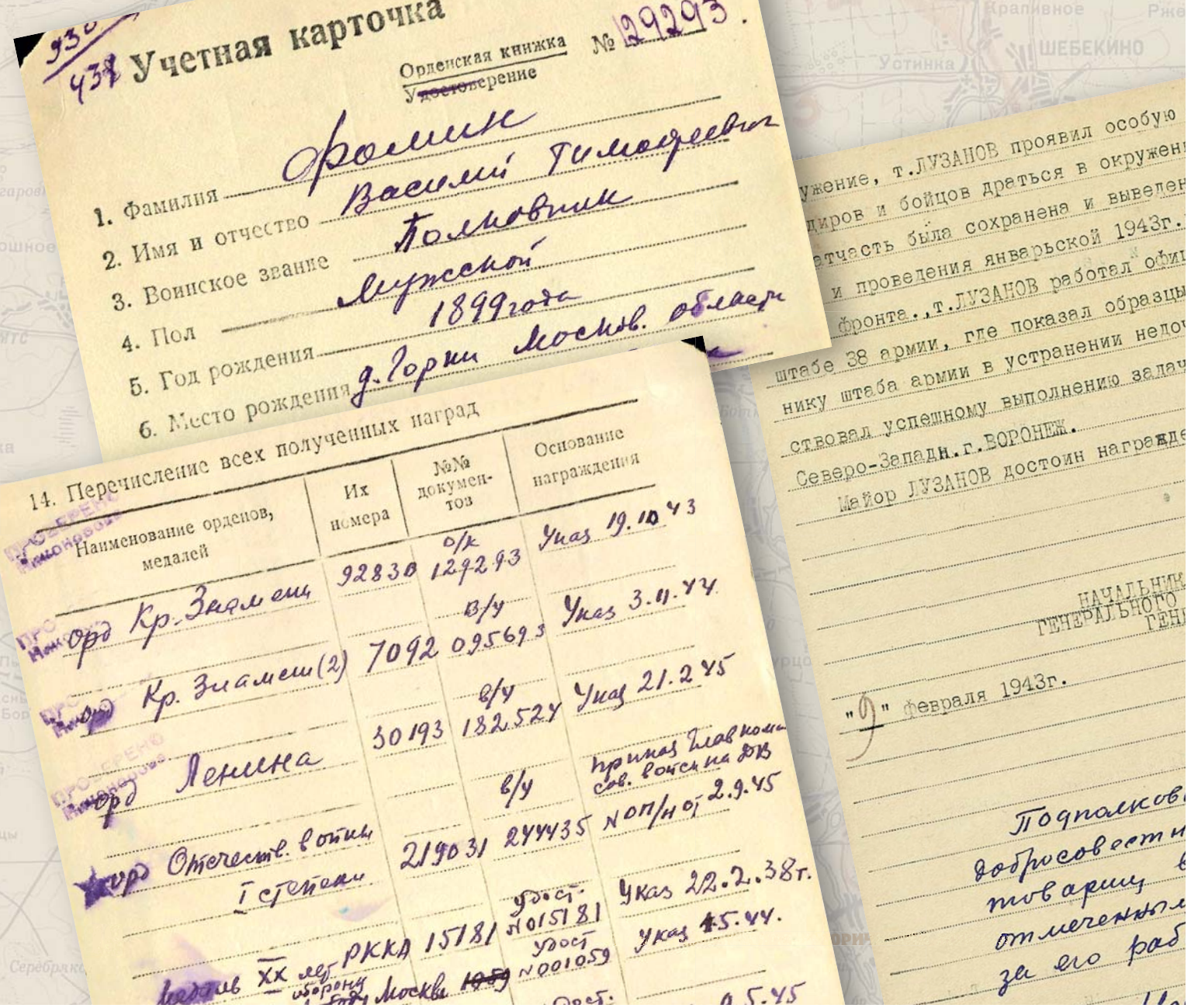
Тов.ШЕВЧЕНКО,находясь на должности офицера Генерального при 132сд с 13.2.42г. и при штабе 13 армии с 25.5.42г.,пр себя как волевой,смелый командир. Детально изучил оборон рубеж,лично находился на передовых позициях и давал конк указания командирам подразделений и частей. Глубоко вни ративные и хозяйственные дела,т.ШЕВЧЕНКО помогал команд устранять недостатки по строительству оборонительного р танию бойцов и командиров,сбору цветных металлов и т.д. гатый опыт командира,участника боев с немецкими захват ным показом на поле боя устранял найденные недостатки, сясь к запросам бойцов. В момент боя много раз был на позициях. Работая при штарме 13,тов.ШЕВЧЕНКО,во время док по дивизиям,непосредственно в частях и подразделе мал меры к укреплению обороны и ликвидации недостатко с 29.6.42г.по 3.7.42г.тов.ШЕВЧЕНКО,находясь в 148сд, дование сд и члена ВС армии, принял меры к эвакуации до 700чел.раненых бойцов и командиров.Несмотря на бо ти,встречаемые в своей работе,майор ШЕВЧЕНКО не пад непримерим к тем,кто нарушает директивы и приказы С ГШ КА. Предан делу партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА,нашей Р победу над злейшим врагом — германским Достоин награждения орденом "Красн

ДЛЯ ПОДШИВКИ

бежей в армиях фронтов на курском направлении, которое продолжалось вплоть до начала главного наступления вермахта. Контроль строительства осуществлялся офицерами группы ГШ КА. В одном из таких докладов от 24 июня 1943 года полковник В.Т. Фомин дал подробную оценку рубежей 13, 48, 60, 65 и 70-й армий Центрального фронта, указав по каждой армии степень готовности, участвующие силы и средства, состав рубежей. В своих предложениях он отметил: «...В целях увеличения мощи оборонительных сооружений в батальонных узлах обороны на главных направлениях соорудить по 3—4 ДЗОТ усиленного типа. Усилить перекрытие блиндажей и убежищ...»[21].

В.Т. Фомин

Однако время наступления приближалось, противник был уже наготове, и наши войска, выполняя инженерные работы, должны были быть в готовности к отражению атаки в любую минуту. Об этом указывал в своём докладе по Воронежскому фронту офицер ГШ КА полковник В.Н. Костин: «...Недостаточная организация боевой службы войск в обороне, особенно ночью, и увлечение инженерными работами при отсутствии беспрерывного контроля со стороны старшего и среднего начсостава



Учетная карточка

Орденская книжка / Удостоверение № 129293.

1. Фамилия Фомин
2. Имя и отчество Василий Тимофеевич
3. Воинское звание Полковник
4. Пол Мужской
5. Год рождения 1899 года
6. Место рождения д. Горки Москов. области

14. Перечисление всех полученных наград

Наименование орденов, медалей	Их номера	№№ документов	Основание награждения
Орд Кр. Знамени	92830	о/к 129293	Указ 19.10.43
Орд Кр. Знамени (2)	7092	в/у 095693	Указ 3.11.44
Орд Ленина	30193	в/у 182524	Указ 21.2.45
Орд Отечеств. войны I степени	219031	в/у 244435	приказ Главкома сов. войск на ДВ N 0П/н от 2.9.45
Медаль XX лет РККА	15181	удост. N 015181	Указ 22.2.38 г.
Медаль оборону Москвы	1059	удост. N 001059	Указ 15.44.

...ужение, т.ЛУЗАНОВ проявил особую ...диров и бойцов драться в окружен... ...тчасть была сохранена и выведен... ...и проведения январьской 1943г. ...фронта., т.ЛУЗАНОВ работал офи... ...штабе 38 армии, где показал образцы ...нику штаба армии в устранении недо... ...ствовал успешному выполнению задач... Северо-Западн. г. ВОРОНЕЖ.

Майор ЛУЗАНОВ достоин награжде...

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ГЕН...

"9" февраля 1943г.

Подполков... добросовестн... товарищ ... отмеченны... за его раб...

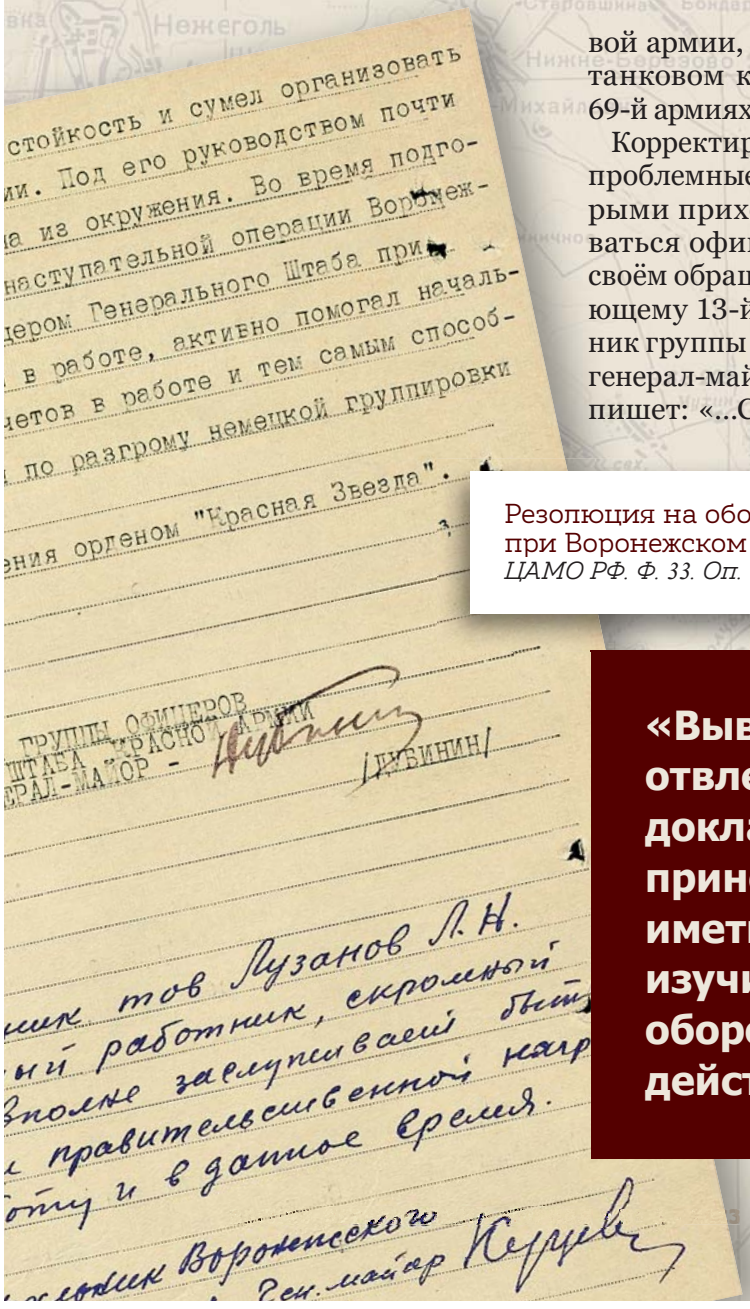
создаёт условия потери бдительности и угрозу внезапного удара противника...»[22].

Плотное сосредоточение войск вносило свои коррективы в методы работы офицеров группы. Чтобы сократить количество докладов, обобщить проблемные вопросы различных объединений и соединений, рационально использовать оперативные временны́е рамки, стали применяться объединённые доклады. Примером такого документа может служить донесение начальника оперативного отдела штаба Воронежского фронта, которое включило в себя доклады офицеров ГШ КА при 2-й воздушной армии, 1-й танковой армии, 5-м гвардейском танковом корпусе, 38, 40 и 69-й армиях[23].

Л.Н. Лузанов

Корректировались и другие проблемные вопросы, с которыми приходилось сталкиваться офицерам группы. В своём обращении к командующему 13-й армией начальник группы офицеров ГШ КА генерал-майор Н.И. Дубинин пишет: «...Со стороны некоторых командиров штаба имеются неправильные отношения к офицерам ГШ КА по вопросам: размещения и обеспечения на КП блиндажами и щелями; знакомства с оперативной документацией и с положением на фронте; выделения красноармейцев для сопровождения...»[24].

Совершенствование методики работы офицеров группы шло постоянно, независимо от оперативной обстановки. Сами доклады подвергались строгому анализу. Вот замечания к одному из таких докладов: «...недостаточно глубокое, местами поверхностное, неполное изложение ряда вопросов... на карте противник совершенно не показан... Ход боевых действий описан слишком кратко... выводы сделаны непродуманно, отвлечённо и не по существу... доклад мало поучителен и вряд ли принесёт пользу тому, кто будет иметь необходимость всесторонне изучить организацию прорыва обороны противника по опыту действий войск 6 гв. армии»[25].


стойкость и сумел организовать
ии. Под его руководством почти
а из окружения. Во время подго-
наступательной операции Воронеж-
дером Генерального Штаба при
в работе, активно помогал началь-
четов в работе и тем самым способ-
по разгрому немецкой группировки
ения орденом "Красная Звезда".
ГРУППЫ ОФИЦЕРОВ
ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ЕРАЛ-МАЙОР - /ДУБИНИН/
ник тов Лузанов Л.Н.
ый работник, скромный
вполне заслуживает быт
правительственной нагр
оту и в данное время.
ник Воронежского
ген.-майор

Резолюция на обороте наградного листа офицера группы при Воронежском направлении подполковника Л.Н. Лузанова
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 59. Л. 394 об.

«Выводы сделаны непродуманно, отвлечённо и не по существу... доклад мало поучителен и вряд ли принесёт пользу тому, кто будет иметь необходимость всесторонне изучить организацию прорыва обороны противника по опыту действий войск 6 гв. армии»

С началом Курской битвы основные задачи офицеров ГШ КА заключались в контроле и своевременной корректировке работы штабов и командования. Так, по результатам доклада офицера ГШ КА при штабе 2-й воздушной армии (ВА) подполковника И.А. Кузьмичёва № 031 от 10 июля 1943 года была «организована сеть радионаведения и управления истребительной авиации над полем боя», командирам истребительных корпусов и дивизий вменялось в обязанность «лично управлять воздушными боями своей авиации над полем боя»[26].

Но круг вопросов не ограничивался только ведением боевых действий. На контроле были различные аспекты деятельности войск: обеспечение продовольствием (доклад офицера ГШ КА при 40-й армии подполковника Д.И. Дыбы)[27], принятие мер по укреплению стрелковой роты в войсках 48-й и 65-й армий, выполнение директив НКО и заместителей НКО (доклад офицера ГШ КА при Центральном фронте полковника В.Т. Фомина)[28], организация взаимодействия 5-го штурмового авиационного корпуса с истребительной авиацией (доклад офицера ГШ КА при штабе 2 ВА подполковника И.А. Кузьмичёва)[29] и многие другие.

Не менее важная роль отводилась офицерам ГШ КА в анализе и подготовке итоговых докладов о действиях наших войск в одной из крупнейших битв Второй мировой войны в целях изучения боевого опыта. Умелыми и героическими действиями воины и командиры Красной армии вынудили противника отказаться от наступления и перейти к стратегической обороне. Но окончательная победа была ещё впереди, для её свершения нужно было многое переосмыслить, исправить, усовершенствовать.

Отчётные доклады офицеров группы были объёмные и насыщенные, важно было не упустить и крупицу боевого опыта для сохранения жизни наших бойцов, эффективного применения вооружения и успешного выполнения поставленных задач. Майор В.П. Люкшин так заканчивает свой подробный доклад: «…Руководство и управление войсками в дивизиях, а также со стороны корпусов и штаба 7-й гв. армии было на высоте современных боёв. Средства связи и управление работали в своём большинстве безотказно…»[30].

Доклады охватывали как весь период сражения под Курском, так и отдельные значимые периоды боевых действий. Например, подполковником С.С. Шамовым были полностью проанализированы действия 6-й гвардейской армии в оборонительных и контрнаступательных боях, проведённых в июле 1943 года. А подполковник Л.Н. Лузанов описал только итоги организации прорыва обороны противника в наступательной операции 6-й гвардейской армии с 3 по 7 августа 1943 года.

Вот некоторые недостатки, отмеченные в докладе подполковника С.С. Шамова: «…слабое знание оперативной обстановки со стороны зам. командиров дивизий по тылу и работников тыла вызывало незнание размеров подачи боеприпасов на ответственные участки»; «…в проводимой операции была полностью нарушена техническая связь второго эшелона дивизий с первым»; «…полковой транспорт часто загружался второстепенными видами… в результате имелись случаи недостаточного количества боеприпасов на переднем крае…».

В своих замечаниях к этому докладу подполковник А.И. Черпаков писал: «Поучительно и обстоятельно дана характеристика состояния обороны войск 6 гв. армии… необходимо подчеркнуть, что без крупных резервов Ставки, расположенных в весьма выгодных для нас районах, войска 6 гв. армии были бы не в состоянии отразить столь мощный танковый удар немцев…»[31].

Подполковник Л.Н. Лузанов в своём докладе уделил внимание анализу поведения противника, понимая необходимость использования в своей тактике его положительных действий, проверенных на практике: «…противник, готовясь к длительной обороне, усилил старые позиции… за счёт насыщения их огневыми средствами, артиллерией и танками»; «…артиллерия противника в основном вела огонь батареями, произведя подготовку данных для стрельбы на топографической основе по карте, организовав огни по населённым пунктам, выдающимся высотам»; «…с целью усложнения розыска мин при их разминировании противник устанавливал их на дорогах на глубине 0,6—0,8 м… отмечены случаи установки на углублённую мину специального деревянного чурбана, который передавал нагрузку…»[32].

Доклад офицера группы при Воронежском фронте подполковника Н.Я. Дроздова об устройстве тыла и снабжении войск в период наступательной августовской операции с 5 августа по 1 сентября 1943 года содержал столько вопросов, что

пришлось к нему составить и утвердить отдельный план, включавший схемы устройства тыла и грунтовых путей подвоза[33]. В своих выводах Дроздов указал: «Несмотря на короткий период подготовки к наступательной операции, тыловые части Воронежского фронта со своими задачами справились... армии были обеспечены всем необходимым для боя и жизни, чем и обеспечили успешное продвижение войск вперёд и разгром противостоящего противника».

Офицер ГШ КА подполковник В.С. Сухов при подготовке доклада об организации прорыва обороны противника войсками 5-й гвардейской армии также определил отдельным документом его содержание, которое предусматривало: общее положение, цель и задачи операции; сведения о противнике, о наших войсках и местности; оперативный замысел, планирование операции и использование в ней родов войск; общую обстановку, ход событий, управление, связь и действия родов войск в ходе операции; устройство тыла; новые методы и средства, применяемые противником; описание ключевых боевых эпизодов и выводы. Он писал: «Огонь артиллерии был настолько силён, что немцы бросали всё вооружение и в панике бежали... впредь при организации арт. натуплення необходимо тщательно изучать обстановку, избегая шаблонов...»; «...части усиления должны следовать на главных направлениях корпусов с удалением не более 4—6 км, к рассвету каждого дня они должны выходить на рубежи, занимаемые пехотой»; «...отсутствие манёвра мелкими подразделениями объяснялось главным образом тем, что на поле боя была недостаточная командирская разведка, наблюдение и связь...»[34].

По итогам Курской битвы было ясно: Красная армия не только выиграла великую битву, но и выросла в ней. Разработка и решение оперативно-стратегических задач были осуществлены эффективно и своевременно. Возросло мастерство управления войсками на всех уровнях[35].

Вся работа группы офицеров ГШ КА в подготовительный период, в ходе сражений на Курской дуге и при подведении итогов боевой деятельности была высоко оценена руководством ГШ КА и командованием Красной армии. А все недостатки в её организации и ведении были глубоко проанализированы и использовались при разработке нового руководства — «Положение и инструкция по работе корпуса офицеров — представителей Генерального штаба Красной Армии», утверждённого 19 декабря 1943 года начальником ГШ КА Маршалом Советского Союза А.М. Василевским.

19 октября 1943 года был награждён 91 представитель ГШ КА, из которых орденом Красного Знамени — 13 офицеров, орденом Отечественной войны 1 степени — 15, орденом Отечественной войны 2 степени — 36, орденом Красной Звезды — 27 офицеров

Положением определялись основные цели создания данной структуры с учётом опыта проведённых сражений, изменившейся ситуации на фронтах и качественного состава Вооружённых сил, среди которых были:

«...б) обеспечение Генерального штаба быстрой, непрерывной и точной информацией об обстановке, ходе боевых действий и состоянии войск;

в) оказание помощи штабам и войскам в быстром устранении всего того, что мешает выполнению задач;

г) укрепление непосредственной, живой и постоянной связи Генерального штаба с войсками и штабами действующей армии;

д) изучение опыта боевых действий, применения новых средств борьбы и тактических приёмов, методов управления в современном бою и операции, осуществляемых своими войсками и войсками противника...»[36].

Службу офицерам — представителям ГШ КА предписывалось нести при фронтах под руководством старшего офицера или в группе особых поручений при Оперативном управлении ГШ КА под руководством начальника группы особых поручений.

Для бесперебойной работы офицеров — представителей ГШ КА начальники штабов

фронтов были обязаны своим распоряжением «своевременно обеспечить изолированными, охраняемыми рабочими помещениями; выделить вполне исправные вездеходы и легковые автомашины; обеспечить хранение секретных документов и служебной переписки; выделить в качестве адъютанта одного младшего офицера; обеспечить полное довольствие и расквартирование».

При этом старший офицер — представитель ГШ КА пользовался правами заместителя начальника штаба фронта, а остальные офицеры ГШ КА — правами начальников отделов штаба фронта.

Служба офицеров ГШ КА в годы войны поглощала человека полностью. Она не оставляла ни времени, ни сил для иных занятий. Офицеры дорожили каждой минутой. Свободное время использовалось только для сна, досуга не было[37].

Заслуги офицеров группы, их усердие, принципиальность и героизм, проявленные в ходе выполнения задач непосредственно на передовой, не остались неоценёнными руководством. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1943 года был награждён 91 представитель ГШ КА, из которых орденом Красного Знамени — 13 офицеров, орденом Отечественной войны 1 степени — 15, орденом Отечественной войны 2 степени — 36, орденом Красной Звезды — 27 офицеров[38].

Многие из офицеров неоднократно попадали в сложные боевые переделки и проявляли при этом истинный героизм. Так, старший офицер ГШ КА полковник Валико Нестерович Долидзе находился на фронтах с апреля 1942 года, активно помогал командованию и штабам в организации управления и взаимодействия авиации и пехоты на поле боя, благодаря чему боевая деятельность фронтовой авиации была целеустремлённой и успешной. В условиях сложной обстановки постоянно информировал ГШ КА, все его доклады и донесения имели важное оперативное значение. Проявил мужество и инициативу при эвакуации полевых аэродромов фронта, вследствие чего все самолёты были планомерно перебазированы без перерыва в боевой работе[39].

Участник боёв на р. Халкин-Гол и войны с белофиннами подполковник Иван Александрович Кузьмичёв ещё до Великой Отечественной войны имел богатый боевой опыт и правительственные награды — орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». В июльской оборонительной операции войск Воронежского фронта 1943 года проявил исключительную высокую инициативу и напористость, не считаясь с опасностью для жизни, своевременно вскрывал недочёты в работе и ставил в известность командование и штаб 2-й воздушной армии. Находясь непосредственно в войсках, принимал решительные меры к устранению недочётов и тем самым помогал наносить мощные воздушные удары по врагу[40].

Подполковник Иван Павлович Шевченко в начале войны получил тяжёлое ранение с раздроблением кости, но после лечения снова вернулся в строй и мужественно продолжал бороться с врагом. Он постоянно находился на передовых позициях и давал конкретные указания командирам подразделений и частей. Помогал командованию устранять недостатки в укреплении обороны, строительстве оборонительного рубежа и организации питания бойцов, чутко относясь к их запросам. Лично принимал меры по эвакуации скопившихся раненых бойцов и командиров[41].

Ветеран Гражданской войны полковник Василий Тимофеевич Фомин с первых дней организации группы офицеров ГШ КА выполнял обязанности старшего помощника начальника группы. Имея хорошую оперативно-тактическую подготовку и большой опыт, умело руководил работой офицеров. Будучи назначенным офицером ГШ КА при штабе Центрального фронта, добросовестно и с присущей ему энергией выполнял задания руководства в области проверки готовности войск к боевым действиям и в ходе самих боёв, контролировал выполнение приказов НКО и директив Ставки ВГК, помогал штабам и войскам в устранении обнаруженных недочётов[42].

Офицер группы при Воронежском направлении подполковник Лев Николаевич Лузанов активно участвовал в формировании и сколачивании истребительной бригады, в боевых действиях этой бригады по разгрому немецких войск, где проявил смелость и мужество. Когда бригада попала в окружение, он сумел организовать командиров и бойцов на отпор врагу. Под его руководством почти вся материальная часть была сохранена и выведена из окружения[43].

Конечно, это далеко не весь список отличившихся офицеров. Каждый представитель ГШ КА, действуя на ответственном посту посланника высшего руководства

Красной армии в войсках, был примером самоотверженного выполнения воинского долга, вносил неоценимый вклад в успешное завершение операций под Курском, в общую победу над врагом.

Так, на переломном этапе войны в ходе летне-осенней кампании 1943 года корпус офицеров — представителей ГШ КА не только доказал своё право на существование, но и во многом усовершенствовал систему изучения опыта войны, продвинул вперёд развитие военного искусства и укрепление обороноспособности нашего государства. Кроме того, так как из офицеров группы постоянно шёл отбор лучших для службы в центральном аппарате Красной армии, подразделение было своего рода неиссякаемым источником пополнения квалифицированными кадрами, имевшими ценный боевой опыт.

Примечания

[1] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989. С. 115.
[2] Управление кадров ГШ КА // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 7а. Оп. 587нс. Д. 1. Л. 166—167.
[3] Управление делами НКО // Там же. Ф. 2. Оп. 795437с. Д. 7. Л. 21—22.
[4] Оперативное управление ГШ КА // Там же. Ф. 16а. Оп. 1045сс. Д. 6. Л. 224.
[5] Секретариат Начальника ГШ КА // Там же. Ф. 4. Оп. 8/1. Д. 1. Л. 93—94.
[6] Там же. Л. 22—24.
[7] Оперативное управление ГШ КА // Там же. Ф. 16а. Оп. 1045сс. Д. 2. Л. 402.
[8] Там же. Оп. 991. Д. 13. Л. 60—72.
[9] Там же. Оп. 947сс. Д. 11. Л. 1.
[10] Там же. Оп. 1045сс. Д. 2. Л. 399—401.
[11] Там же. Д. 9. Л. 34—35 об.
[12] Там же. Д. 2. Л. 398.
[13] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1970. С. 475.
[14] Полевое управление 1 воздушной армии // ЦАМО РФ. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 77. Л. 2—5.
[15] Полевое управление Воронежского фронта // Там же. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 438. Л. 124—126.
[16] Полевое управление 5 гвардейской армии // Там же. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 39. Л. 82—87.
[17] Полевое управление Воронежского фронта // Там же. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 302. Л. 266—272.
[18] Полевое управление 13 армии // Там же. Ф. 361. Оп. 6077. Д. 8. Л. 238—243 об.
[19] *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. 1943—1944. М.: Наука, 1972. С. 8.
[20] Полевое управление Воронежского фронта // ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 438. Л. 141—144.
[21] Полевое управление Центрального фронта // Там же. Ф. 62. Оп. 321. Д. 39. Л. 31—38.
[22] Полевое управление Воронежского фронта // Там же. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 365. Л. 69—87.
[23] Там же. Д. 302. Л. 296—297.
[24] Полевое управление 13 армии // Там же. Ф. 361. Оп. 6077. Д. 8. Л. 313.
[25] Полевое управление 6 гвардейской армии // Там же. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 236. Л. 1—3.
[26] Полевое управление Воронежского фронта // Там же. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 342. Л. 181—188.
[27] Там же. Д. 321. Л. 50—51.
[28] Полевое управление Центрального фронта // Там же. Ф. 62. Оп. 321. Д. 39. Л. 46—48.
[29] Полевое управление Воронежского фронта // Там же. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 365. Л. 104—105.
[30] Полевое управление 7 гвардейской армии // Там же. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 183. Л. 1—27.
[31] Полевое управление 6 гвардейской армии // Там же. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 235. Л. 1—76.
[32] Там же. Д. 236. Л. 4—16.
[33] Полевое управление Воронежского фронта // Там же. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 415. Л. 1—38.
[34] Полевое управление 5 гвардейской армии // Там же. Ф. 328. Оп. 4852. Д. 92. Л. 1—67.
[35] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. М.: Изд-во политической литературы, 1988. С. 29, 30.
[36] Полевое управление 6 гвардейской армии // ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 515. Л. 13—20.
[37] *Штеменко С.М.* Указ. соч. С. 296.
[38] Главное управление кадров Красной Армии // ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 59. Л. 340—344.
[39] Там же. Л. 390, 390 об.; картотека учёта награждённых.
[40] Там же. Л. 368—369; картотека учёта награждённых.
[41] Там же. Л. 407, 407 об.; картотека учёта награждённых.
[42] Там же. Л. 353, 353 об.; картотека учёта награждённых.
[43] Там же. Л. 394—395; картотека учёта награждённых.

O.D. Pankov

«THE RED ARMY GENERAL STAFF OFFICER DISPLAYED EXCEPTIONAL INITIATIVE AND DRIVE IN DISREGARD OF THE RISK TO HIS LIFE»

Officers of the Red Army GS in the system of combat experience studying and using during the Great Patriotic War of 1941—1945

Information about author. *Oleg Pankov — chief of the RF MoD Central Archives (city of Podolsk, Moscow Region. E-mail: pod70@mail.ru).*

Summary. *The paper cites data from archival sources of the RF MoD Central Archives and gives a brief bibliography analysis of the work by the Red Army General Staff, showing the tremendous role played by its officers in improving the system of control over troops and organizing control during the Great Patriotic War of 1941—1945. Apart from their basic tasks the RA GS group officers took active part in eliminating the faults discovered, preparing for battles, controlling subunits and units in combat, during maneuvers and troop redeployment, and in carrying out material-technical support measures.*

Keywords: *Great Patriotic War; Battle of Kursk; RF GS group officers; control system; combat experience studying; report; analysis; combat.*

А.В. Карташев

«ОПЫТ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА КАВКАЗЕ БЫЛ В ДАЛЬНЕЙШЕМ УЧТЁН И РАЗВИТ…»

Действия 1-го отдельного стрелкового корпуса Северо-Кавказского фронта на рубеже обороны Смыков — Григорополисская в августе 1942 года

Сведения об авторе. *Карташев Андрей Владимирович — начальник центра изучения истории медицины и общественного здоровья, профессор кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и медицинской информатики Ставропольского государственного медицинского университета, полковник запаса, доктор исторических наук, доцент (г. Ставрополь. E-mail: andreyy_kartashev@rambler.ru).*

Аннотация. *В статье рассматриваются действия 1-го отдельного стрелкового корпуса, который в начале августа 1942 года вёл оборонительные бои на западе Ставропольского края. Особое внимание уделено анализу сложившейся обстановки и правомерности использования сил и средств командованием корпуса в районе станицы Григорополисской. Свои выводы автор основывает в том числе на материалах местных архивов и воспоминаниях участников обороны Ставрополья.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; Битва за Кавказ; Северо-Кавказский фронт; 1-й отдельный стрелковый корпус; станица Григорополисская; полковник М.М. Шаповалов; оборона Армавира.*

Об ожесточённых боях 1-го отдельного стрелкового корпуса (оск) на рубеже хутор Смыков — станица Григорополисская[1] на западе Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края известно мало. Так, маршал А.А. Гречко в книге «Битва за Кавказ» лишь вскользь упоминал участие корпуса в боевых действиях. Достаточно скудные сведения об этом содержатся и в открытых документальных источниках. Известно, что части корпуса к началу августа 1942 года были значительно ослаблены предыдущими схватками с немецкими войсками, в то же время против них на майкопском направлении действовали превосходящие силы двух моторизованных и одной танковой дивизий вермахта. Поэтому угроза прорыва противника к Армавиру была очень высока[2]. Понимая всю трагичность сложившейся обстановки, командование фронта рассчитывало задержать гитлеровцев на подступах к Армавиру и тем самым дать возможность резервам и всем боеспособным частям закрепиться на рубеже реки Кубань.

К сожалению, советские войска терпели поражение, связь с соседями зачастую отсутствовала, потери в личном составе были огромными, действия командиров казались неоправданными и безграмотными.

Тем не менее «опыт боевых действий советских войск на Кавказе, — отмечал в своей книге А.А. Гречко, — был в дальнейшем учтён и развит при действии Советских Вооружённых Сил на Балканах на завершающем этапе войны с фашистской Германией. Этот опыт не потерял своего значения и на сегодняшний день».

Имя командира 1-го отдельного стрелкового корпуса полковника М.М. Шаповалова стало известно широкому кругу общественности благодаря исследованиям Э.И. Пятигорского, который в своей книге рассказал о его измене и переходе на сторону врага[3]. Этот поступок на долгие годы бросил тень на всё, что было связано с действиями частей корпуса в начале августа 1942 года.

Согласно архивным документам накануне развернувшихся боёв на рубеже Смыков — Григорополисская вечером 2 августа немецкая 13-я танковая дивизия находилась в районе станицы Новоалександровской Орджоникидзевского края, на железной дороге Ворошиловск (ныне Ставрополь) — Кропоткин. Голова колонны 3-й танковой дивизии, действовавшей восточнее, стояла в Преградном. Наступая в юго-восточном направлении, 3 августа 1942 года 3-я танковая дивизия овладела г. Ворошиловском, а на юго-западном 13-я дивизия захватила станицы Расшеватскую и Новоалександровскую. Для дальнейшего продвижения к перевалам Кавказа и Черноморскому побережью немцам необходимо было форсировать р. Кубань. Поэтому от Новоалександровской 13-я танковая дивизия, а вместе с ней две моторизованные дивизии, устремились на юг: в районе Армавира немецкое командование планировало переправить свои войска на левый берег Кубани и создать там плацдарм.

Юго-восточнее хутора Привольного (ныне село

Экспозиция музея станицы,
посвящённая героической обороне Григорополисской

Обелиск в станице Григорополисской

Памятный камень в честь павших защитников Ставрополья
в станице Григорополисской

Раздольное Новоалександровского округа) немецкие танки внезапно оказались посреди советского оборонительного рубежа. Это были позиции 1-го отдельного стрелкового корпуса. По свидетельству немецких источников, мотопехота немцев, двигавшаяся вместе с танками, вступила в бой. Позиции советских войск уничтожались огнём с бронетранспортёров. Единый бой рассыпался на множество отдельных очагов. Пока мотопехота воевала, танки противника прорвались к станице Прочноокопской (Краснодарский край), где находился мост через Кубань[4].

Г.Я. Смирнов

Таким образом, преградить путь трём немецким дивизиям — моторизованной СС «Викинг», 16-й моторизованной и 13-й танковой — предстояло 1 оск под командованием полковника М.М. Шаповалова. Для этого корпус был переброшен с Черноморского побережья (из-под Анапы) в район Армавира. В состав корпуса входили всего две стрелковые бригады (сбр) — 113-я (командир — полковник Н.С. Васильев) и 139-я (командир — подполковник П.М. Татарчевский). Учитывая, что своих сил у корпуса было мало, тем более что не все батальоны прибывали одновременно, командиру было предоставлено право подчинять себе соединения и части, оказавшиеся в полосе действий корпуса. Пользуясь такими полномочиями, полковник Шаповалов подчинил себе 31-ю стрелковую и 30-ю кавалерийскую дивизии. Кроме того, на 5 августа в составе корпуса находились: 456-й артиллерийский полк Резерва Главного командования (РГК), два батальона 69-го укрепрайона (УР) и батальон 136-го запасного стрелкового полка[5].

Боевые документы 1 оск, представленные в базе данных «Память народа», позволяют в общих чертах проследить хронологию событий в этом районе. Для начала стоит отметить, что корпус создавался в конце апреля 1942 года. В его состав входили пять отдельных стрелковых бригад. Но после боёв в Крыму к началу июля 1942 года в нём остались только две бригады — 113-я и 139-я, артиллерийский полк РГК[6].

Состав бригад (на примере 113 сбр) был следующим: управление бригады, 1, 2, 3 и 4-й стрелковые батальоны, батальон связи, миномётный батальон 82-мм миномётов, миномётный дивизион 120-мм миномётов, артиллерийский дивизион 76-мм пушек, противотанковый дивизион 45-мм пушек, рота ПТР, разведрота, рота автоматчиков, сапёрная рота, авторота подвоза и медико-санитарная рота. Общая численность личного состава бригады могла составлять около 5000 человек[7].

30 июля корпус получил приказ на погрузку в эшелоны для занятия обороны по Краснодарскому обводу (расположение советских оборонительных позиций в районе Краснодара в ходе Армавиро-Майкопской оборонительной операции Северо-Кавказского фронта в период Битвы за Кавказ). Утром 1 августа штаб корпуса прибыл на командный пункт в район станции Кубанская в 18 км к северу по железнодорожной ветке от Армавира. К вечеру того же дня на станции Кубанская полностью разгрузилась 139-я стрелковая бригада. Следом 113-я бригада двумя батальонами прибыла в Армавир. Два других её батальона (1-й и 2-й) ещё находились в пути. Они прибыли только 4 августа[8].

В качестве пояснения приводится выдержка из книги одного из исследователей действий частей корпуса в боях за Армавир А.Я. Долуда: «Последним эшелоном к фронту следовали: 2-й стрелковый батальон (командир — капитан С.К. Пештов, военком — старший политрук Е.С. Борисов), миномётный дивизион 120-мм миномётов (командир — старший лейтенант П.Г. Сергеев, военком — старший политрук П.И. Салтыков), миномётный батальон 82-мм миномётов (командир — старший

лейтенант П.И. Дубков, военком — старший политрук В.Д. Авдеев) и бригадная авторота подвоза со всем тыловым хозяйством (командир — старший лейтенант Б.В. Чулимов, военком — старший политрук Е.Ф. Лобанов). Этот эшелон не успел пройти к Армавиру: железнодорожные пути были разбиты немецкой авиацией. Пришлось выгрузиться на перегоне между станциями Отрадо-Кубанская и Кубанская под интенсивными налётами вражеской авиации. Потери были очень большие»[9]. Но это было 4 августа.

В момент разгрузки первых эшелонов 1 августа был получен приказ занять оборону по левому берегу реки Кубань. Однако в тот же день в 20.00 «от имени маршала» (С.М. Будённого. — **Прим. авт.**) начальник штаба фронта генерал-майор Г.Ф. Захаров отдал другое приказание: корпусу в составе 139-й бригады и двух батальонов 113-й бригады (3-го и 4-го) выйти на новый рубеж за р. Кубань и занять его к исходу 4 августа. В штабе корпуса рассчитали, что встреча с противником произойдёт 3 августа, как оно впоследствии и получилось, поэтому задача усложнилась. По приказу командира корпуса части бригады должны были занять назначенные рубежи на сутки раньше — к 3 августа[10].

Позже в своём докладе о боевых операциях 1 оск его военный комиссар Н.И. Привалов писал: «Если бы бригады заняли оборону по 1-му приказу фронта на левой стороне Кубани и имели в резерве корпуса 40-й мех. стрбр., то противник не сумел бы так быстро захватить Армавир. На этом рубеже он понёс бы исключительно большие потери и без подброски новых резервов не мог бы начать операцию против Майкопа. Наоборот, части корпуса не имели бы таких потерь. Корпус дал бы возможность за это время создать новые резервы из отступавших частей Южного фронта»[11]. Как бы оно могло быть на самом деле, остаётся только догадываться.

Согласно последнему приказу 3 августа шесть батальонов корпуса заняли оборону на участке от хутора Смыков под нынешним п.г.т. Солнечнодольском (на востоке) до станицы Григорополисской (на западе). Рубеж был выгоден тем, что правым флангом он примыкал к месту впадения р. Русской в р. Егорлык (сегодня здесь Новотроицкое водохранилище), на левом он упирался в правый берег Кубани. Большая часть линии обороны шла вдоль небольшой реки Камышеваха, впадающей в Кубань в районе станицы Григорополисской. Фронт обороны составлял более 40 км, промежутки между отдельными батальонами достигали 10 км. На правом фланге рубежа обороны находились 3-й и 4-й батальоны 113-й бригады, на левом — 139-я стрелковая бригада.

4-й стрелковый батальон 113-й бригады держал оборону на участке хуторов Смыков — Родионов. Здесь же находились штаб 113-й бригады во главе с командиром бригады полковником Н.С. Васильевым и старшим батальонным комиссаром В.Д. Шевелевым, рота автоматчиков и сапёрная рота. В глубине обороны батальона занимал позиции артиллерийский дивизион 76-мм орудий под командованием капитана А.С. Гарина (военком — старший политрук В.Ф. Сидорин) без одной батареи.

3-й стрелковый батальон капитана О.Г. Абовяна (военный комиссар — старший политрук А.И. Франковский) с одной батареей 76-мм пушек оборонялся левее — в районе хуторов Родионов, Румяная Балка. Противотанковый дивизион 113-й стрелковой бригады, вооружённый 45-мм орудиями и противотанковыми ружьями, занимал оборону на главном танкоопасном направлении[12].

«Если бы бригады заняли оборону по 1-му приказу фронта на левой стороне Кубани и имели в резерве корпуса 40-й мех. стрбр., то противник не сумел бы так быстро захватить Армавир»

От Румяной Балки до Григорополисской оборонялась 139-я стрелковая бригада. Это как раз её оборонительная линия длиной около 25 км прошла по р. Камышевахе. В какой последовательности размещались по фронту батальоны этой бригады, точно неизвестно, за исключением того, что 4-й батальон был левофланговым.

Прибывшие на назначенные рубежи все эти подразделения, наспех окопавшись, 3 августа вступили в бой. Основной удар противника принял 3-й стрелковый батальон 113 сбр в районе Румяной Балки, три часа отражая непрерывные атаки танков и пехоты. В том бою батальон уничтожил пять вражеских танков и большое количество пехоты, но и сам был практически полностью уничтожен[13].

В тот день немецкий 3-й танковый корпус генерала Брайта с мотопехотой при поддержке до 30 самолётов нанёс удар в стык между 139-й и 113-й бригадами. В результате была полностью уничтожена материальная часть артиллерийского дивизиона 152-мм орудий, поддерживавшего 113-ю бригаду. Прорвавшись через боевые порядки бригад к Прочноокопской переправе, в тот же день, 3 августа, противник занял её без боя — советских частей здесь не было.

Под командой военного комиссара корпуса бригадного комиссара Привалова к хутору Красная Поляна, расположенному на левом берегу Кубани, напротив станицы Прочноокопской, для защиты переправы до подхода 1-го и 2-го батальонов 113 сбр, которые ещё не прибыли к месту боёв, был брошен сводный отряд из числа связистов[14].

Вероятно, в этот отряд попал батальон связи 113 сбр (командир — капитан Ф.И. Кондратьев, военный комиссар — старший политрук П.Н. Богдашкин). В мемуарах отложилось то, что «он действовал самостоятельно (от бригады. — **Прим. авт.**), выполняя обязанности обыкновенного стрелкового батальона»[15].

Весь день 3 августа части 1 оск вели бой с превосходящими силами противника. К северу ниже по течению Кубани, у станицы Григорополисской, 4-й батальон 139-й стрелковой бригады сражался против полка пехоты и 35—40 танков противника. Ближе к вечеру остатки 4-го батальона отошли через переправу у Григорополисской. Вслед за ним форсировали реку и немцы, захватив плацдарм на левом берегу Кубани[16].

3 августа гауптштурмфюрер Дорр, командир 4-й роты 1-го батальона полка «Германия» дивизии СС «Викинг», записал в своём дневнике, что командование приняло решение наступать в районе Григорополисской, где не было моста. На надувных лодках немцы переправились через Кубань[17].

Навести для советских войск переправу через реку в районе Григорополисская — Новомихайловское было поручено 37-му отдельному моторизованному понтонно-мостовому батальону (омпмб). О том, как выполнялась эта задача, вспоминал Герой Советского Союза Г.Я. Смирнов, в то время капитан, начальник штаба этого батальона: «Собрав паромы (звенья) моста, мы хотели на одном дыхании сомкнуть мост. Но единственный буксирный катер был вмиг опрокинут течением и затонул на большой глубине вместе с мотористом младшим сержантом Я.С. Садыковым. Вытащить катер не удалось, да и не до этого было». Подразделения немецких войск из дивизии «Викинг», оказавшиеся на противоположном берегу Кубани, в с. Новомихайловке, открыли по понтонёрам плотный пулемётно-мино-

«Собрав паромы (звенья) моста, мы хотели на одном дыхании сомкнуть мост. Но единственный буксирный катер был вмиг опрокинут течением и затонул на большой глубине вместе с мотористом младшим сержантом Я.С. Садыковым»

мётный огонь. Батальон, не имея приказа на отход, оборонялся несколько дней. Приказ на наведение переправы поступил с запозданием: советские войска даже не подходили к переправе, а двигались другими маршрутами. В этих боях батальон понёс большие потери в личном составе и технике. Уже в первый день сражения был тяжело ранен в голову командир батальона[18].

В отличие от переправы у станицы Григорополисской мосты через Кубань в Прочноокопской и Армавире имели более важное тактическое значение для обеих сторон. Поэтому эпицентр боевых действий был именно там.

К утру 4 августа 1 оск с подчинёнными ему соединениями и частями имел задачу оборонять левый берег р. Кубани, г. Армавир на участке Армавир — Отрадо-Ольгинское. Обеим бригадам корпуса к исходу дня надлежало отойти на левый берег Кубани для занятия обороны на новых участках.

4 августа противник продолжал наступать силами 13-й танковой дивизии и моторизованной дивизии СС «Викинг». К 9.00, уничтожив 1-й батальон 133 сбр, он вышел на переправу через Кубань в районе Прочноокопской, Красной Поляны. Семь танков противника прошли по мосту на левый берег. Однако силами 2-го батальона 113 сбр, занявшего оборону у хутора Красная Поляна, они были отрезаны от пехоты. Три танка были подбиты на переправе, два возвратились в Прочноокопскую, два остались на левом берегу Кубани и продолжали вести бой[19].

П.М. Татарчевский

Советским воинам удалось прижать гитлеровцев к реке и приблизиться к мосту на расстояние 150—200 м. Однако в ночь с 4 на 5 августа противник подбросил подкрепление и стал теснить нашу оборону. Затем по наведённому понтонному мосту немцы переправили значительную группу танков и мотопехоты, которым удалось окончательно прорвать оборону и выйти на северную и западную окраины Армавира. Той же ночью штаб 1 оск был вынужден покинуть Армавир и переместиться на запасной командный пункт в хутор Кочергин в 25 км западнее Армавира[20].

Переправиться на левый берег Кубани советским частям было не так просто. Главные силы 1 оск 4 августа, продолжая находиться на правом берегу Кубани, вели бой на рубеже станицы Каменобродской и хуторов Церковный, Покровский (восточнее хутора Ляпин и севернее станицы Кубанской соответственно; ныне они не существуют) за овладение станицей Прочноокопской. Уничтожив противника в Прочно-окопской, части корпуса должны были переправиться через Кубань и занять оборону на её левом берегу. Сложность состояла в том, что, действуя фронтом на юг, корпус вынужден был прикрывать себя арьергардами с севера. Несмотря на все усилия, отбить у врага Прочноокопскую не удалось.

В это время на территории Ставропольского края, в районе станицы Каменобродской и хутора Румяная Балка, южнее и юго-западнее нынешнего Солнечнодольска, вели бои подразделения 113-й бригады[21].

Правофланговый 4-й стрелковый батальон со штабом 113 сбр, а вместе с ними артдивизион, рота автоматчиков и сапёрная рота, получив приказ, 4 августа стали отходить к р. Кубани. Однако пробиться к берегу не удалось, т.к. впереди на Армавир уже шли танки и мотопехота противника, поэтому пришлось повернуть на юго-восток. 5 августа эти силы вступили в бой у Сенгилеевского озера под Ворошиловском, а затем в ворошиловском лесу в районе Богословки (ныне с. Балахоновское). В этих боях погибли вся артиллерия и большинство личного состава.

В списке боевых потерь 4-го батальона 113 сбр за август 1942 года значатся 179 рядовых и младших командиров (офицеров в этом документе нет), из них 137

человек погибли или пропали без вести 4 августа[22].

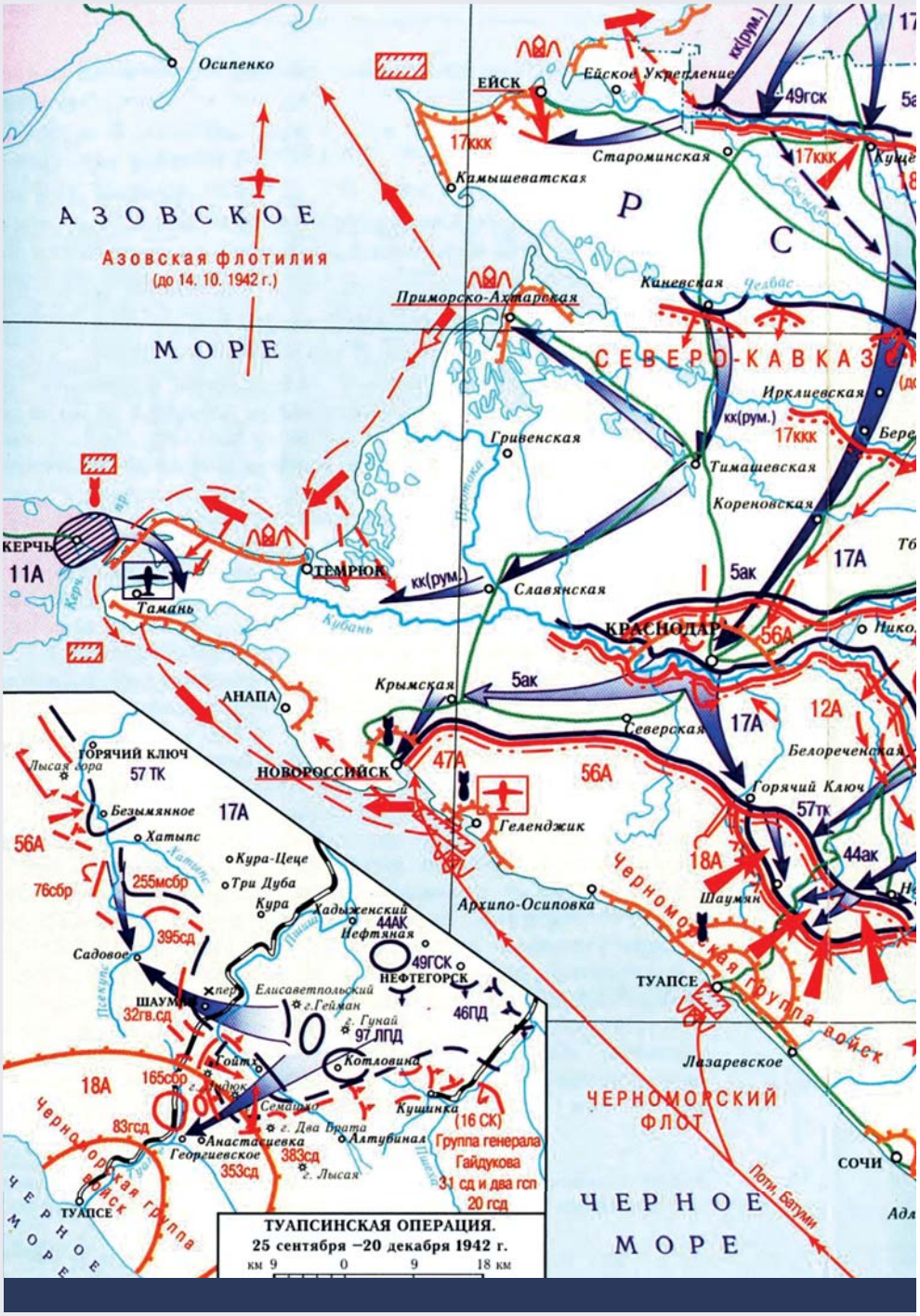
Остатки подразделений вышли в район населённого пункта Кизбурун-1 (ныне село Атажукино в Баксанском районе Кабардино-Балкарской Республики). Они пополнили ряды 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Командир 113 сбр полковник Николай Сергеевич Васильев (1897—1967) стал в ней заместителем комдива.

Другие подразделения 113 сбр отошли за Кубань. Здесь они влились в 139-ю бригаду. Так завершился боевой путь 113-й стрелковой бригады первого формирования. Но её Боевое Знамя сохранилось и было передано Дальневосточному фронту, где вновь начала формироваться бригада с таким же наименованием[23].

Что касается 139-й бригады, то после получения приказа об отходе на левый берег Кубани её части стали с боем прорываться к переправе. В районе станицы Новокубанской им удалось захватить паром, и 5 августа бригада переправилась через Кубань. На левом берегу бойцы соединились с остатками своего 4-го батальона и заняли оборону в районе Армавира.

Бои носили исключительно упорный и кровопролитный характер: батальоны 139-й бригады отбили за день несколько атак танков и мотопехоты, действовавших при поддержке авиации. Бойцы и командиры проявляли массовый героизм. Однако когда был получен приказ на отход на новый рубеж, в район с. Пушкинского, командир бригады уже не мог связаться с 1-м батальоном: трижды посылались связные, но батальон так и не нашли. Как потом сообщил секретарь парткомиссии 139-й бригады батальонный комиссар Д.Н. Лубин, 1-й батальон, не имея приказа на отход, два дня оборонял Армавир, понёс большие потери, израсходовал почти все боеприпасы и только после этого оставил город и стал пробиваться к своим[24].

К 8 августа в составе 1 оск фактически оставались два батальона 139-й стрелковой бригады (2-й и 3-й) с артиллерией, всего 1650 человек. Однако в тот день штаб корпуса был отрезан от остатков своих войск, которые были подчинены 318-й стрелковой дивизии. С 10 августа 1-й отдельный



стрелковый корпус фактически перестал существовать, хотя его штаб и батальон связи (командир — подполковник А.Г. Раменский) сохранились почти полностью[25].

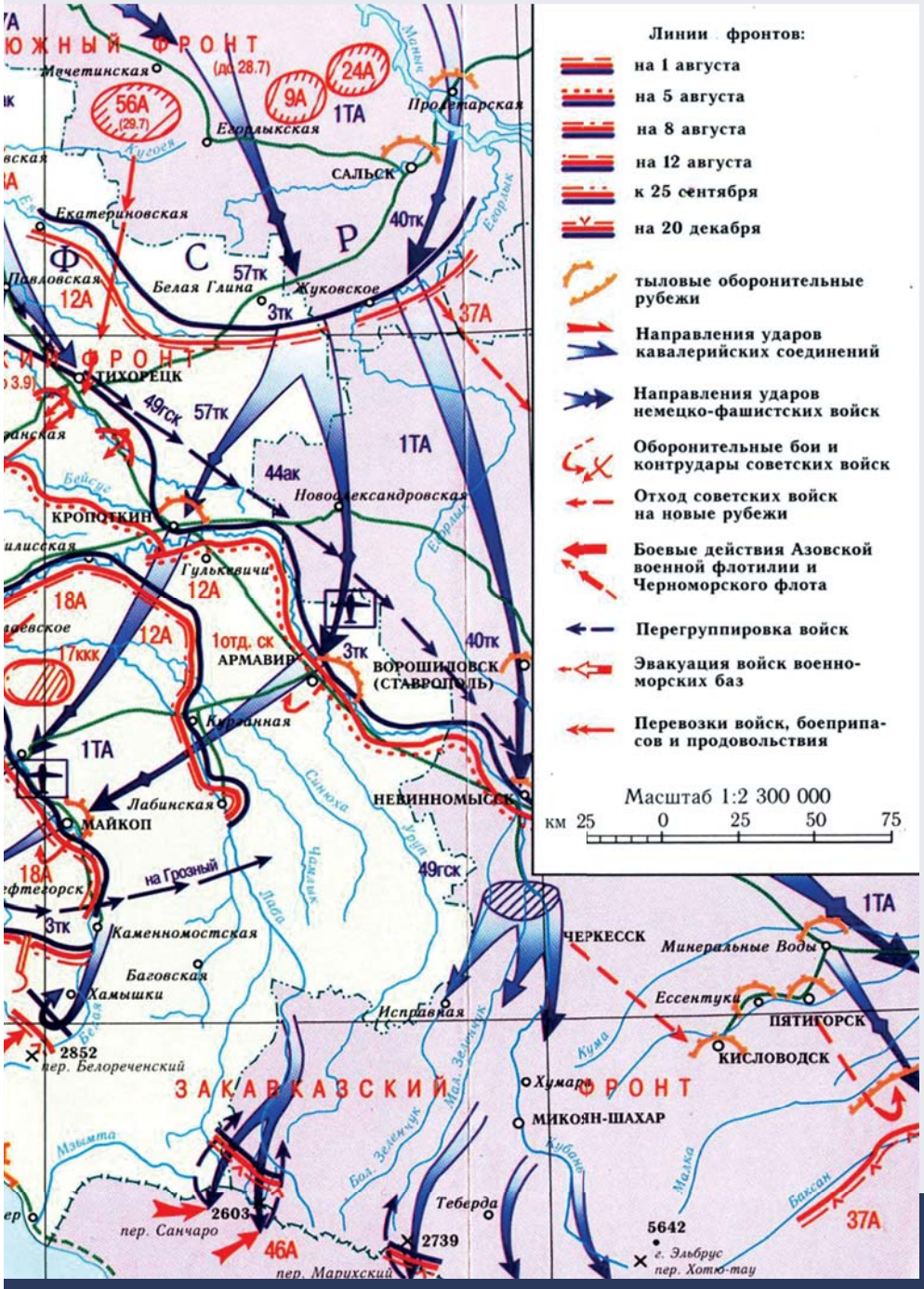
В этих условиях командир корпуса полковник М.М. Шаповалов оставил штаб и с женой уехал в неизвестном направлении. 14 августа он оказался в расположении 16-й моторизованной дивизии вермахта.

Военный комиссар 1 оск бригадный комиссар Н.И. Привалов в своём докладе отметил: «На общем фоне массового героизма, проявленного бойцами и командирами, особенно омерзительно предательство Шаповалова, хотя оно совершилось, когда корпус фактически уже не существовал. Но эта измена принесла большой политический и военный вред всему фронту»[26].

Сам Никифор Иванович Привалов (1900—1978) во время этих боёв часто выезжал с командного пункта корпуса в боевые порядки частей и подразделений, оценивал их готовность к бою, контролировал правильность понимания командирами поставленных задач. После выхода из окружения он служил в должности заместителя командира 12-й гвардейской кавалерийской дивизии, войну окончил в качестве заместителя командира 5-го Донского гвардейского кавалерийского корпуса по политической части. Был удостоен многих наград.

Как следует из наградных документов базы данных «Подвиг народа», начальник штаба корпуса полковник Леонид Архипович Добров (1896 — не ранее 1947) после расформирования соединения был направлен в Военную академию имени Фрунзе, позже с понижением был назначен начальником штаба 272-й стрелковой дивизии, в этой должности он воевал до конца войны. За годы службы был награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, медалями «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа».

Командир 139 сбр подполковник Пётр Михайлович Татарчевский (1900 — не ранее 1954) после расформирования бригады 2 сентя-



Карта боевых действий на фронтах Ставрополья

бря 1942 года был назначен командиром 68-й морской стрелковой бригады, оборонял Туапсе, был ранен и контужен. В 1943 году стал заместителем командира дивизии, а через год уже командовал дивизией, правда, звание генерала так и не получил. Награждён многими орденами и медалями.

Заместитель командира корпуса по тылу подполковник Василий Михайлович Гамзин (1896 — не ранее 1946), когда 3 августа танки противника с автоматчиками прорвались к Прочноокопской переправе, возглавил отряд из 70 человек. «Проявляя исключительный героизм, 3-е суток удерживал переправу под убийственным огнём минометов, автоматчиков и танков противника. Имея только несколько ружей ПТР, отряд подбил 7 танков противника. Сам тов. Гамзин лично руководил этой группой героев и лично участвовал в бою». За бой 3 августа 1942 года В.М. Гамзин удостоен ордена Красного Знамени[27]. Войну окончил в должности заместителя командира корпуса по тылу.

«Находясь в сложной боевой обстановке и частично в окружении противника, следовал со своей частью и нёс на себе 36,5 тыс. руб. наличных денег, документы Полевой кассы Госбанка за 2 месяца, печати и проч. <...> Всего им пройдено до 250 км»

Ожесточённые бои на Ставрополье
Август 1942 г.

С целью задержать противника командир 3-го стрелкового батальона 139 сбр майор Н.С. Каданчик (будущий Герой Советского Союза) 4 августа приказал взорвать переправу через Кубань в районе г. Армавира, у совхоза «Хуторок». Задачу выполнила группа из трёх бойцов, которую возглавлял лейтенант И.И. Садовой. Под сильным обстрелом с воздуха и земли переправа была взорвана. Противник был задержан на 48 часов. Лейтенант был ранен. После окончания войны за этот подвиг Иван Иванович Садовой был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени[28].

Ордена Отечественной войны 2-й степени за бои 1—7 августа 1942 года был удостоен начальник артснабжения 1 оск майор А.К. Гомонидов, обеспечивавший доставку боеприпасов на передовые позиции. Орденом Красной Звезды был награждён начальник химической службы корпу-

са подполковник Г.В. Архангельский: выполняя боевое задание, в бою у станицы Прочноокопской был ранен в ногу осколком мины. Оба офицера после полученных ранений служили в тылу. Свои награды они получили в 1944 году.

Медалью «За боевые заслуги» был отмечен кассир 1 оск П.Е. Соллогуб: «Находясь в сложной боевой обстановке и частично в окружении противника, следовал со своей частью и нёс на себе 36,5 тыс. руб. наличных денег, документы Полевой кассы Госбанка за 2 месяца, печати и проч. <...> Всего им пройдено до 250 км, в том числе через перевал по горам до Адлера от ст. Ново-Прохладной. Все ценности и документы доставлены Соллогубом в Полевую контору Государственного банка № 134 в полном порядке...»[29]. Эти и другие факты свидетельствуют о героизме и самоотверженности личного состава 1 оск.

Есть возможность проследить за тем, как воевали в составе корпуса те формирования, которые подчинил себе полковник Шаповалов, и какую военную силу они представляли.

О действиях 30-й кавалерийской дивизии (командир — полковник В.С. Головской) известно, что после боёв на Дону, войдя в непосредственное подчинение Донской оперативной группы, она к утру 2 августа (т.е. ранее самого 1 оск) двумя полками заняла оборону северо-западнее г. Армавира, на рубеже Смыков, Привольный, Фельдмаршальский, Григорополисская протяжённостью по фронту 52 км. Если на флангах рубеж как бы повторял линию обороны 1 оск, то в центральной части он проходил севернее рубежа обороны бригад корпуса на 7—8 км. То есть кавалеристы находились в первом эшелоне обороны, а 1-й корпус — во втором. В течение 3—5 августа 30-я дивизия в составе двух полков сдерживала напор крупных сил пехоты и танков противника, чем обеспечивала отвод частей 12-й армии за р. Кубань. Переправившись через Кубань, дивизия заняла оборону на рубеже Богородицкий (у с. Новомихайловского), отделение конезавода № 33 фронтом на северо-восток, где вела бои с прорвавшимся на левый берег Кубани противником[30]. Впоследствии 30-я Краснознамённая кавалерийская дивизия защищала восточные рубежи Ставрополья, освобождала Ставропольский край и с боями прошла до Праги.

31-я стрелковая дивизия до начала описываемых событий участвовала в обороне Ростова. После тяжёлых боёв потерявшие управление части дивизии отходили в район села Средний Егорлык Ростовской области. 30 июля, не успев занять оборону, они попали под сосредоточенный огонь танков, мотопехоты и штурмовой авиации противника, после чего стали отходить на Армавир. Согласно журналу боевых действий со 2 по 7 августа дивизия доукомплектовывалась в районе Кужорская, Майкоп, после чего обороняла Майкоп[31]. Командир дивизии генерал-майор М.И. Озимин (будущий Герой Советского Союза) с 9 августа 1942 года был отстранён от должности и находился под следствием за потерю управления войсками. Поэтому 31-я дивизия не представляла собой боевого соединения, способного оказать действенную помощь 1 оск в обороне порученного рубежа. В отчётных документах 1 оск о боевых действиях дивизии говорится

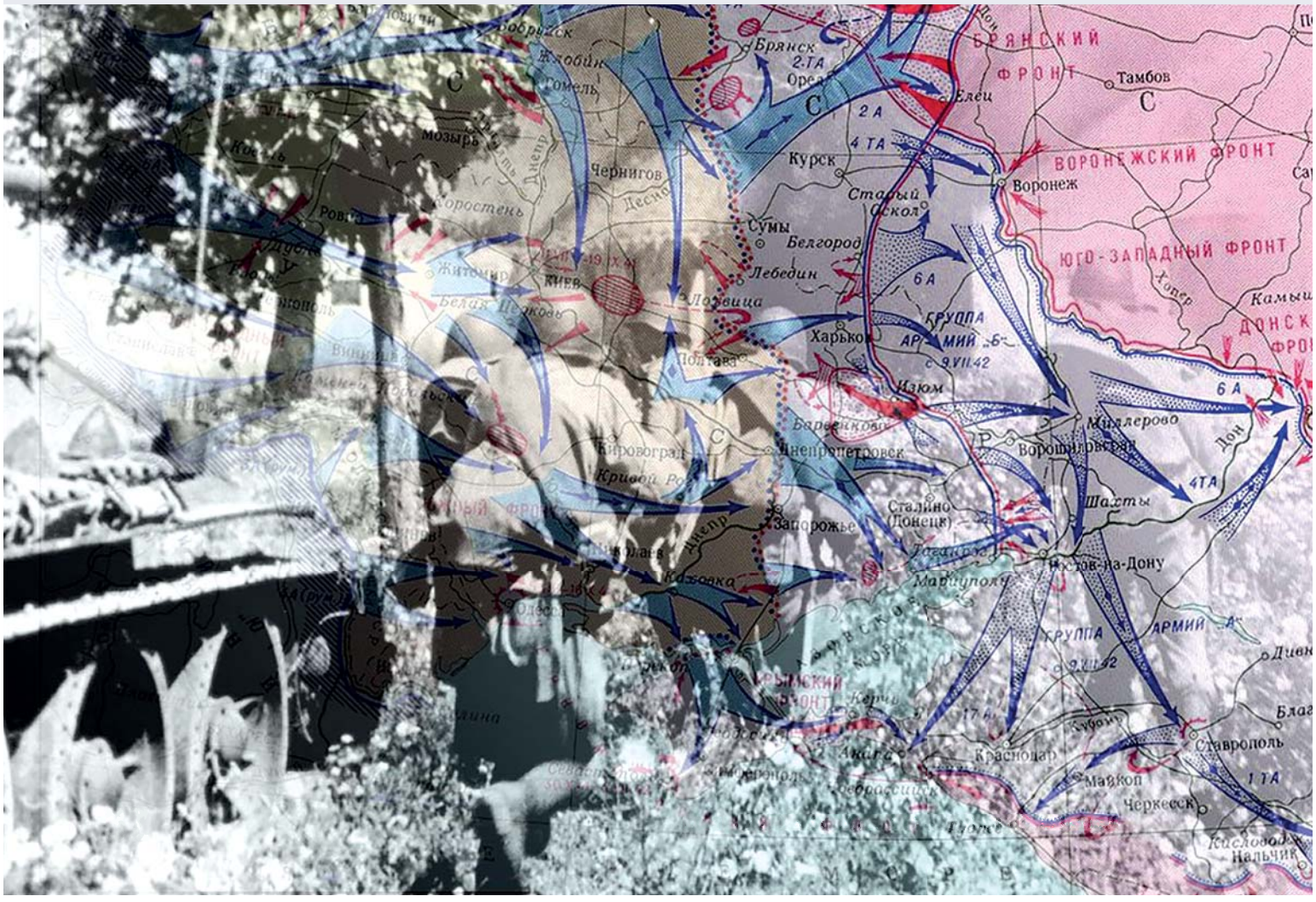
Бои местного значения

следующее: в течение 5 августа 31-я стрелковая дивизия в составе 150(!) штыков оборонялась в районе села Вольное[32] (на правом берегу Кубани, южнее Армавира. — **Прим. авт.**).

69-й укрепрайон (УР) с 16 июля отходил из Ростова на Армавир. В Армавире он получил задачу оборонять город до переправы всех войск фронта через Кубань. Оборону Армавира части 69 ур осуществляли с 3 по 7 августа. Противник разрезал силы укрепрайона на две группы. Одна из них прорвалась на майкопском направлении и пополнила ряды 18-й армии. Вторая отходила через Санчарский перевал на Сухуми и перешла в подчинение 56-й армии[33].

456-й артиллерийский полк РГК, приданный корпусу по решению командования фронта (командир — майор И.К. Богомолов, военком — батальонный комиссар Якушев), до этого сражался в Крыму, на Кубань прибыл вместе с корпусом из-под Новороссийска. Имел на вооружении 122-мм пушки и 152-мм гаубицы, находился в подчинении 139 сбр. 2-й артиллерийский дивизион полка был придан 113-й бригаде. В связи с понесёнными потерями (лишь за 3—5 августа полк потерял 6 орудий) 456-й артиллерийский полк 12 сентября 1942 года был расформирован[34].

Как видим, бои 1-го отдельного стрелкового корпуса от рубежа Смыков — Григорополисская до линии Армавир — Новомихайловское в период с 3 по 5 августа 1942 года носили упорный и кровопролитный характер. В условиях быстрого массированного наступления противника на Кавказ командование Северо-Кавказского фронта посчитало необходимым задержать 3-й немецкий танковый корпус на правом берегу Кубани. Эта задача была поручена 1 оск. Ударив в стык двух бригад, немецкие танки взломали слабую оборону стрелковых батальонов, прорвались к мосту через Кубань в районе станицы Прочноокопской. Развернувшись фронтом на юг, корпус 3 и 4 августа удерживал противника на правом берегу Кубани. Одновременно частью сил он встречал врага на левом берегу реки. Когда истощённые в боях остатки корпуса 5 августа смогли переправиться через Кубань, противник уже был фактически в Армавире. В ходе этих боёв бойцы и командиры показали примеры мужества и героизма, ни



разу не оставив рубеж обороны без приказа. В результате значительных потерь в личном составе, вооружении и боевой технике части корпуса были расформированы. Выжившие бойцы и командиры 1 оск, пополнив другие соединения и части Красной армии, продолжали достойно сражаться на фронтах Великой Отечественной войны.

С июля 1942 по январь 1943 года станица Григорополисская была оккупирована фашистами. За неполные шесть месяцев они разграбили колхоз, машинно-тракторную станцию, разрушили животноводческие и хозяйственные постройки, угнали и уничтожили тысячи голов крупного рогатого скота, свиней.

С января 1943 года началось освобождение Ставропольского края от немецко-фашистских захватчиков. В частности, 23 января станица Григорополисская была отбита у врага воинами 161-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии и 140-й отдельной танковой бригады. Освобождение — слово, особо значимое для тех, кто жил на оккупированной врагом русской земле, потому что оно несло в себе огромную радость. Пройдёт ещё много лет, но будущие поколения не перестанут восхищаться мужеством и стойкостью, отвагой и храбростью советских солдат, избавивших человечество от угрозы фашистского порабощения. Подвиг наших дедов и прадедов, пролитая ими кровь навсегда останутся в памяти потомков.

Примечания

[1] В соответствии с «Реестром зарегистрированных в АГКГН географических названий объектов на 18 ноября 2011 г. Ставропольский край» существуют два действующих названия — станица Григориполисская и станица Григорополисская (а также ж.д. станция Григорополисская и Григориполисский канал).

[2] *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. С. 74, 79.

[3] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 70.

[4] Там же.

[5] *Долуда А.Я.* Дважды рождённая. Кемерово: Притомское, 1993. С. 11.

[6] ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 69—70.

[7] *Тике В.* Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942—1943 гг. М.: Эксмо, 2005. С. 58.

[8] *Смирнов Г.Я.* Бои местного значения // Советский период училища [сайт]. URL: https://kostroma1941-45.3dn.ru/publ/vospominanija_vypusknikov/smirnov_g_ja/4-1-0-75.

[9] ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 811. Д. 53. Л. 10.

[10] Там же. Д. 27. Л. 70.

[11] Там же. Ф. 3562. Оп. 1. Д. 5. Л. 396.

[12] *Долуда А.Я.* Указ. соч. С. 11.

[13] ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 70.

[14] Там же.

[15] *Долуда А.Я.* Указ. соч. С. 11.

[16] ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 69—70.

[17] *Тике В.* Указ. соч. С. 58.

[18] *Смирнов Г.Я.* Указ. соч.

[19] ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 811. Д. 53. Л. 10.

[20] Там же. Д. 27. Л. 70.

[21] Там же. Д. 53. Л. 9.

[22] Донесения о безвозвратных потерях // ОБД «Мемориал». URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50780754&page=1&p=3#.

[23] *Долуда А.Я.* Указ. соч. С. 7—15.

[24] ЦАМО РФ. Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 71—73.

[25] Там же. Л. 72.

[26] Там же. Л. 76.

[27] Там же. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 125. Л. 69.

[28] Там же. Оп. 686046. Д. 614. Л. 134.

[29] Там же. Оп. 682525. Д. 233.Л. 610.

[30] Там же. Ф. 3562. Оп. 1. Д. 5. Л. 396.

[31] Там же. Ф.1115. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

[32] Там же. Ф. 276. Оп. 811. Д. 53. Л. 22.

[33] Там же. Ф. 2323. Оп. 1. Д. 6. Л. 536.

[34] Там же. Ф. 276. Оп. 811. Д. 53. Л. 23.

A.V. Kartashev

«THE EXPERIENCE OF COMBAT BY SOVIET TROOPS IN THE CAUCASUS WAS SUBSEQUENTLY TAKEN INTO ACCOUNT AND DEVELOPED...»

Activity by the 1st Detached Rifle Corps of the North Caucasus Front at the Smykov-Grigoropolisskaya defense line in August 1942

Information about author. *Andrei Kartashev — head of the Center for Medicine History and Public Health Studies, professor of the Public Health, Healthcare Organization and Medical Informatics Department at the Stavropol State Medical University, colonel (res.), D. Sc. (Hist.), associate professor (city of Stavropol. E-mail: andreyy_kartashev@rambler.ru).*

Summary. *The paper looks at the activity of the 1st Detached Rifle Corps that fought in defense battles at the west of Stavropol Territory in early August 1942. Especial attention is given to analysis of the situation there and justified use of forces and assets by the corps command in the area of the Cossack village of Grigoropolisskaya. The author bases his conclusions, among other things, on the materials of local archives and reminiscences of participants in the defense of Stavropolye.*

Keywords: *Great Patriotic War; Battle of the Caucasus; North Caucasus Front; 1st Detached Rifle Corps; village of Grigoropolisskaya; Col. M.M. Shapovalov; Defense of Armavir.*

В.В. Тришункин,
А.А. Головин

ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ 1-го и 2-го ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ФРОНТОВ В ХОДЕ СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1945 ГОДА

Сведения об авторах. *Тришункин Владимир Викторович — начальник штаба материально-технического обеспечения Вооружённых сил РФ, генерал-лейтенант, доктор технических наук, кандидат экономических наук (Москва. E-mail: trishunkinvv@mail.ru);*

Головин Алексей Алексеевич — младший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военно-системных исследований материально-технического обеспечения ВС РФ) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (Санкт-Петербург. E-mail: aleksey.golowin1995@yandex.ru).

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы материально-технического обеспечения 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов в ходе Советско-японской войны 1945 года. Авторы на основе изучения отчётов армий и сводок по обобщению боевого опыта раскрывают масштабы подготовки тыла к боевым действиям, которая определила сроки начала Маньчжурской стратегической наступательной операции. Залегендированные под осенние фронтовые учения мероприятия включали в себя проверки, ревизии, накопление запасов, учения по тылу с отработкой обеспечения прорыва укреплённой обороны и боевых действий в глубине обороны противника, планирование организации тылового обеспечения в условиях горно-лесистой местности. В статье подчёркивается, что воины тыла оперативно выполняли все стоявшие перед ними задачи и смогли организовать обеспечение непрерывности наступательных действий. Во многом благодаря этому Маньчжурская стратегическая наступательная операция вошла в историю как один из самых успешных и масштабных образцов манёвренной войны.*

Ключевые слова: *Вторая мировая война; Советско-японская война (1945 г.); Маньчжурская стратегическая наступательная операция; Сунгарийская наступательная операция; Харбино-Гиринская наступательная операция; Тыл Красной армии; тыловое обеспечение; 1-й Дальневосточный фронт; 2-й Дальневосточный фронт; 1-я Краснознамённая армия; 5-я армия; 15-я армия; В.И. Вострухов; И.К. Николаев; Д.И. Андреев.*

Советско-японская война явилась не только результатом выполнения Советским Союзом союзнических обязательств по вступлению в войну с Японией, взятых ещё на Тегеранской конференции в 1943 году. Необходимость войны СССР против фашистской Японии была обусловлена своим долгом по возвращению российских земель — Южного Сахалина и Курильских островов, которого «люди старого поколения» ждали 40 лет, а также делом освобождения китайского и корейского народов от тирании японского милитаризма. Учитывая враждебную политику Японии после нападения Германии на СССР, Советский Союз 5 апреля 1945 года денонсировал Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 года, а 3 июня Государственный комитет обороны принял решение о крупномасштабной переброске войск на Дальний Восток. За 3 месяца сюда с европейского театра действий скрытно на расстояние 8—12 тыс. км были переброшены свыше 400 тыс. человек, огромное количество боевой техники и вооружений[1]. 8 августа 1945 года Советский Союз объявил японскому правительству, что с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией.

Замысел заключался в том, чтобы лишить Японию военно-экономической базы в Маньчжурии, разгромив главную группировку японских войск — Квантунскую армию, освободить Северо-Восточный Китай, Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Значительная роль в достижении победы отводилась Тылу Красной армии.

Основу стратегического плана составляла Маньчжурская наступательная операция, осуществлённая силами трёх фронтов: Забайкальского (командующий Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, начальник тыла генерал-полковник В.И. Вострухов), 1-го Дальневосточного (командующий Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, начальник тыла генерал-майор И.К. Николаев), 2-го Дальневосточного (командующий генерал армии М.А. Пуркаев, начальник тыла генерал-лейтенант Д.И. Андреев). Операция носила скоротечный характер и должна была завершиться в течение двух месяцев.

Основной план предусматривал окружение и уничтожение главных сил Квантунской армии путём одновременного наступления трёх фронтов. Для этого фронтам были поставлены следующие задачи: в ходе Харбино-Гиринской наступательной операции 1-го Дальневосточного фронта прорвать укреплённые районы противника, преодолеть глубокоэшелонированную оборону, нанося главный удар в направлении на Муданьдзян силами 5-й армии, с дальнейшим наступлением на Харбин и Гирин; в ходе Сунгарийской наступательной операции 2-го Дальневосточного фронта планировалось активное взаимодействие сухопутных войск и Краснознамённой Амурской флотилии при форсировании Амура и наступлении на Фудзинь и Цзямусы. 16-я армия должна была держать оборону на побережье Татарского пролива и Южном Сахалине. Для успешного выполнения поставленных задач необходимо было не только организовать перегруппировку на Дальний Восток дополнительных сил и средств, но и осуществить всестороннее обеспечение и подготовку тыловых служб, подразделений, частей и учреждений тыла.

Организация тылового обеспечения стала ключевым фактором, определившим сроки начала Советско-японской войны, поэтому большинство мероприятий по подготовке тыла начали проводиться ещё до окончательного утверждения замысла боевых действий, а предстоявшие наступательные операции были залегендированы под осенние фронтовые учения[2], и войска не знали об истинных целях проводившихся мероприятий. Заблаговременная подготовка тылового обеспечения включала в себя: приведение частей тыла в высокую боевую готовность, накопление и содержание установленных запасов материальных средств, организацию управления тылом, планирование тылового обеспечения воинских частей.

15-й армии 2-го Дальневосточного фронта предстояло нанести главный удар в ходе Сунгарийской наступательной операции. В связи с этим командованием фронта был предпринят комплекс мероприятий по проверке состояния тыла. В I квартале 1945 года оргинспекторским отделом интендантского управления Дальневосточного фронта были проведены 17 проверок (из них 7 ревизий), по результатам которых к уголовной ответственности привлекли 16 человек[3]. Проверки выявили ряд существенных недостатков: заявки от интендантского отдела армии поступали с опозданием, что приводило к срыву обеспечения вещевым имуществом; ремонт обуви и обмундирования не был организован (четверть обуви на складах 15-й армии нуждалась в ремонте); ремонтные мастерские не были обеспечены необходимыми материалами. Они расхищались путём оприходования меньшего количества материалов, чем фактически было выдано со склада, а списывалось по отчётам мастерской больше, чем фактически расходовалось на ремонт[4].

Проведя работу по устранению выявленных недостатков, интендантский отдел армии организовал чёткое и эффективное руководство ремонтными мастерскими, обеспечил их всем необходимым. Был создан неснижаемый обменный фонд обуви за счёт ремонта списанной[5]. Также был создан необходимый запас нижнего белья в целях предотвращения заболеваемости педикулёзом[6].

Восстановление железнодорожного моста, разрушенного японцами при отступлении
Маньчжурия
Фото С. Савенко
РГАКФД, о-164241 в цвете

Герой Советского Союза командир стрелкового полка 63-й стрелковой дивизии 5-й армии майор Г.Н. Губкин с офицерами полка
г. Чита, 1945 г.

Советский танковый десант занимает населённый пункт северо-восточнее Пхеньяна
Август 1945 г.
РГАКФД, 1-37012 в цвете

К началу Советско-японской войны войска были полностью обеспечены вещевым имуществом по летнему плану, на складах армий и фронтов были созданы необходимые запасы вещевого имущества.

В то же время инспекция Приморской группы войск[7] установила факты нарушения снабжения продовольствием и фуражом. Обеспеченность продовольствием при норме на 60 суток составляла: хлебопродуктами — менее 22 сутодач, мясопродуктами — менее 24 сутодач, рыбой — 10 сутодач, овсом — 14 сутодач. Причинами неудовлетворительного обеспечения продфуражом являлись: плохая реализация местных нарядов (не реализовано рыбы 2500 т — 58 сутодач, мясопродуктов 2000 т — 30 сутодач, круп 1000 т — 9 сутодач, овса 4600 т — 30 сутодач); отсутствие переработки поступившего зерна в муку в количестве 3000 т — 12 сутодач (из-за отказа местных мельниц от переработки вследствие отсутствия рабочей силы)[8].

В результате отсутствия контроля за обеспечением сеном до 33 проц. конского состава в 366, 258, 384, 335, 231 и 363-й стрелковых дивизиях было истощено[9]. Исправить положение дел позволило изъятие переходящих запасов Дальневосточного фронта на текущее довольствие, после чего запасы продовольствия и фуража составили до 82, а по некоторым наименованиям до 143 сутодач[10].

Создавая запасы продовольствия в войсках, командование объединений исходило из планировавшихся темпов наступления, отрыва

от армейских складов, предполагавшихся сложностей с подвозом.

При подготовке к операции осуществлялись проверки ветеринарных отделов и ветеринарных лазаретов фронтов. Об их результатах сообщалось в штабы армий, в отчётах описывались основные нарушения и их виновники. Фронты были обязаны составлять ежемесячные отчёты о заболеваемости и убыли конского состава, которые включали в себя: сведения об упитанности лошадей и состоянии ковки, состоянии ухода за шерстным покровом, о фуражном довольствии, размещении конского состава, эффективности ветлазаретов, анализ убыли конского состава, сведения о профилактике заболеваний и специальной подготовке ветеринарного состава с анализом представленных данных и соответствующими выводами[11]. Эти отчёты демонстрируют, что основными недостатками в работе фронтовых ветеринарных служб являлись высокая заболеваемость среди животных и низкая профилактическая работа[12].

Усиление фронтов материальными средствами и войсками с Западного театра военных действий проходило в режиме строжайшей секретности и легендирования. Органы военных сообщений и инженерные войска приняли все меры для сокрытия от противника масштабов перегруппировки. 1-й и 2-й Дальневосточные фронты отдалялись от границы на 15—20 км, поэтому любые передвижения производились только ночью, днём войска располагались в лесах и лощинах, организуя мероприятия по маскировке транспорта с запасами материальных средств. Инженерными частями 5-й армии были установлены 18 км вертикального маскировочного забора и 1515 наддорожных масок, которые должны были ввести противника в заблуждение относительно направления главного удара. Наибольшие трудности при проведении маскировки представлял железнодорожный участок, использовавшийся в интересах 5-й армии, который располагался прямо у границ с Маньчжурией и оккупированной японцами Кореей. Кроме того, 5-я армия вынуждена была сосредоточить все силы в небольшом по площади районе, поэтому все внутрифронтовые перевозки здесь носили особый характер: войскам было запрещено размещаться в населённых пунктах, выгрузка эшелонов и их движение происходили только в ночное время при полной светомаскировке, а на одном из вспомогательных направлений 1-го Дальневосточного фронта с целью отвлечения внимания оборудовался ложный район сосредоточения.

Архивные документы 5-й армии демонстрируют, что подготовка объединения осуществлялась не только в части накопления материальных средств и проверок работы отделов. Рассматривались возможные трудности, с которыми могли столкнуться службы тыла при ведении наступательных действий в Маньчжурии. Анализируя приказание начальника штаба армии, согласно которому начальники отделов тыла должны были представить свои предложения по устройству и работе тыла в наступательных операциях в условиях таёжной, горно-лесистой местности[13], можно сделать вывод, что тыл армии готовился решительно преодолевать трудности при выполнении поставленных задач. При составлении предложений необходимо было учитывать следующие факторы, влиявшие на организацию материального обеспечения:

— расположение тылов должно находиться в зависимости не от уставных требований, а от времени, необходимого на обеспечение войск материальными средствами;

— ориентирование в горах и лесной местности представляет большие трудности для неподготовленного личного состава;

— движение автомобильного транспорта по дорогам Маньчжурии затруднено из-за непригодности дорог для движения;

— каменистая почва усложняет строительство автомобильных и железных дорог, оборудование аэродромов;

— плотность населения, проживающего в Маньчжурии, крайне низкая;

— необходимость организации материально-технического обеспечения на широком фронте;

— организация охраны тыла и усиление боевых расчётов при противодействии прорвавшимся в тыл диверсионным группам противника;

— увеличенный расход горючего при движении в горной и другой труднопроходимой местности.

Логично предположить, что эти предложения формировались на основе проводившихся учений по тылу

в июне 1945 года, в которых в том числе отрабатывались вопросы тылового обеспечения частей в глубине обороны противника в горно-лесистой местности[14]. Подготовка тыла и обеспечение войск предусматривали устранение выявленных перед началом проведения операции недостатков в организации тылового обеспечения. С учётом слаборазвитой дорожной сети Маньчжурии и возможных разливов рек и ручьёв автомобильное управление Дальневосточного фронта провело проверку в объединениях на предмет наличия средств усиления проходимости. В письме начальнику тыла 2-й Краснознамённой армии от 28 июля 1945 года указывалось на недостаточную укомплектованность автопарка средствами усиления проходимости, которая составила 51 проц. В связи с этим начальник тыла фронта приказал организовать в армии их изготовление. На каждую автомашину предстояло заготовить цепи, а также по две хворостяные дорожки длиной не менее 10 м каждая[15]. 1-й Дальневосточный фронт переоборудовал автомобили, предназначенные для перевозки сухогруза, под налив в связи с предполагавшимся повышенным расходом ГСМ. Одновременно изучалось влияние переоборудования бортовых автомобилей под налив на их техническое состояние. Начальник службы горючего Приморской группы войск полковник И.С. Афонин 7 июня 1945 года отмечал: «Перевозка горючего в контейнерах КП-2 на бортовых автомашинах очень вредно отражается на задний мост и трансмиссию автомашины и выводит их преждевременно из строя вследствие того, что в контейнерах отсутствуют внутренние отсекающие ребра, что создаёт сильную вибрацию горючего и как результат дёргание машины». В связи с этим монтирование контейнеров КП-2 на автомобилях взамен топливозаправщиков применяли только в тех случаях, когда не было возможности укомплектовать роты подвоза топливозаправщиками заводского типа[16].

Фронтовые и армейские тыловые районы 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов были общими и размещались, как правило, вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали на удалении от войск до 25 км (1-й Дальневосточный фронт) и до 150 км (2-й Дальневосточный фронт). Отдельные границы армейским районам не назначались, так как это представлялось нецелесообразным. Особенностью данной организации можно считать то, что фронтовые границы остались неизменными вплоть до окончания Маньчжурской стратегической наступательной операции[17].

К началу Советско-японской войны, 8 августа 1945 года, Дальневосточные фрон-

Таблица 1

Силы и средства 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов Красной армии к началу Советско-японской войны 1945 года

Наименование	1-й Дальневосточный фронт	2-й Дальневосточный фронт	Всего
Численность боевого личного состава (чел.)	404 056	238 926	642 982
Численность личного состава Тыла (чел.)	182 533	98 170	280 703
Орудия и миномёты (ед.)	11 430	5988	17 418
Танки (ед.)	1860	1280	3140
Самолёты (ед.)	1137	1260	2397
Автомобили (ед.)	4850	31 916	36 766

Составлена по: Материально-техническое обеспечение Вооружённых сил СССР в важнейших операциях Второй мировой войны: военно-теоретический труд. Т. 3. СПб.: ВА МТО, 2020. 216 с.; Захаров М.В. Финал: историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. М.: Наука, 1969. С. 398—402.

ты располагали значительными силами (см. табл. 1).

Следует отметить, что соотношение частей тылового обеспечения и боевых частей составляло 1 : 2,3. Столь внушительное количество частей тылового обеспечения стало одним из основных условий успешного развития молниеносного и непрерывного наступления (см. диаграмму).

В ночь на 9 августа 1945 года войска Дальневосточных фронтов в тропический ливень без артиллерийской подготовки перешли в наступление. Оно развивалось стремительно, фронт наступления составлял 2800 км. С первых военных дней тыловые части предпринимали все усилия для обеспечения непрерывности наступления войск, продвигавшихся со значительно большей скоростью вглубь территории Маньчжурии, нежели планировалось изначально. Уже 10 августа войска 1-го Дальневосточного фронта отрезали все коммуникации японцев в Пограничненском УР[18], предотвратив отход и организацию обороны противником на реках Мулинхэ и Муданьдзян. 15 августа 5-я армия заняла Муданьдзян, хотя его планировалось занять лишь к 24 августа[19]. Город находился на железнодорожной ветке Пограничная — Муданьдзян — Харбин, захват столь крупного инфраструктурного центра с развитой сетью автогужевых дорог и железнодорожными узлами позволил развивать наступление на Харбин совместно с частями Забайкальского фронта. Изначально средний темп наступления планировался до 10 км в сутки[20], однако уже в первый день наступления войска продвинулись до 50 км в глубину[21], во второй день ещё до 40 км, тем самым превысив планировавшиеся темпы наступления почти в 5 раз.

Темпы продвижения войск превосходили темпы восстановления железных дорог на территории Маньчжурии, поэтому основным видом подвоза материальных средств для 1-го Дальневосточного фронта был автомобильный транспорт. Общий тоннаж автомобильных перевозок за военную кампанию для фронта составил 200 тыс. т различных грузов. Из-за прошедших дождей, интенсивного движения самоходной артиллерии и тяжёлых танков военно-автомобильные дороги пришли в негодное состояние. Это приводило к созданию заторов на десятки километров. Поэтому материальные средства, тыловые части и учреждения отставали от передовых частей[22].

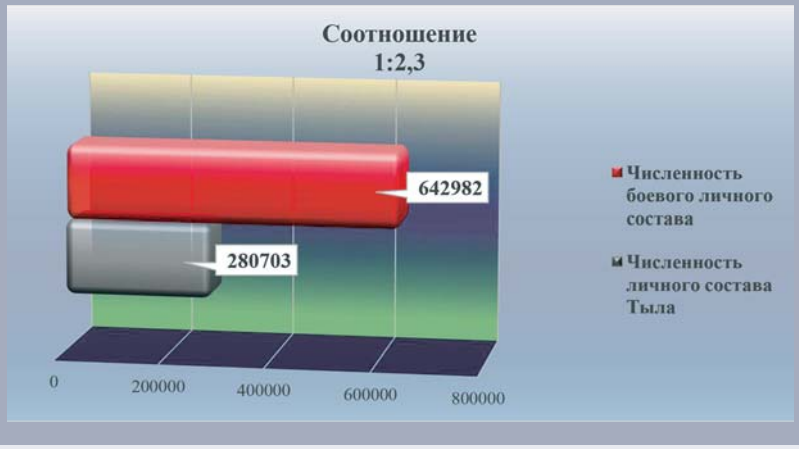
Проблема подвоза особенно острой была в 1-й Краснознамённой армии, о чём можно судить по донесению заместителя начальника тыла армии начальнику тыла 1-го Дальневосточного фронта[23]. Войска объединения находились на линии Муданьдзян, а тылы на линии Линькоу, Лишучжень, Мулин. 14-й автополк армии работал на пределе возможностей, однако подвоз ГСМ до нормы доведён не был, в полках отсутствовало горючее, так как оно не вывозилось с дивизионных обменных пунктов (ДОП).

В связи с этим фронтом была передана дополнительная рота автоцистерн, а 14-й автополк доукомплектован машинами. Тыл фронта также усилил воинские части тыла армии за счёт фронтовых дорожных частей. Проведённые мероприятия позволили обеспечить непрерывность тылового обеспечения наступательных действий 1-й Краснознамённой армии[24].

363-я стрелковая дивизия (сд) 35-й армии успешными тактическими действиями и молниеносным форсированием р. Сунгач с захватом

Диаграмма

Соотношение численности личного состава частей тылового обеспечения и боевых частей Красной армии к началу Советско-японской войны 1945 года



Экипаж бомбардировщика Пе-2 командира звена М. Хазова перед вылетом на боевое задание на аэродроме
2-й Дальневосточный фронт, 1945 г.
РГАКФД , о-81819 в цвете

Бойцы части майора Никитина занимают новый рубеж
Дальний Восток, 8 сентября 1945 г.
Фото И.А. Озерского
РГАКФД, 0-256770

Монитор Краснознамённой Амурской флотилии высаживает десант
1945 г.
Фото И.А. Озерского
РГАКФД, 0-205883

опорного пункта Малый Хунган и Малый Нанган создала условия для выхода в тыл Хутоускому укреплённому району. Части первого эшелона оказались без продфуража и горючего, части и учреждения тыла только через три дня смогли форсировать Сунгач и преодолеть заболоченную местность, проложив по болоту колонный путь усилиями 50-го отдельного сапёрного батальона[25].

Несмотря на подготовительные мероприятия, из-за трудностей с подвозом в отдельных случаях возникали проблемы с обеспечением ГСМ. Разбитые, труднопроходимые дороги, а порой и полное бездорожье приводили к повышенному расходу топлива. К примеру, расход топлива у автомобилей марки «Студебекер» 5-й армии в среднем составлял 50 л на 100 км[26]. Запасы ГСМ на складах в связи с перерасходом и увеличением плеча подвоза снизились. Армейский транспорт сильно отставал от боевых частей и своевременно подвозить горючее был не в состоянии. Армии были усилены фронтовым наливным автотранспортом и ёмкостями, создавались подвижные отделения армейских складов горючего, часть бортовых автомобилей была оборудована бочками и бидонами.

Из-за высоких темпов продвижения наступавших соединений конский состав кавалерийских частей лишился обеспечения фуражом и подковным материалом. За время ведения боевых действий 1-й Краснознамённой армией были захвачены и поставлены в строй 2500 трофейных

лошадей, из которых планировалось сформировать отдельные подразделения. Но эти лошади не проходили ветеринарной обработки и ставились в строй вместе с кадровым составом, что привело к росту заболевания сапом[27]. Общая заболеваемость лошадей по 1-му Дальневосточному фронту составила 17,3 проц. Снабжение фуражом значительно улучшилось при захвате и использовании трофейного фуража. Комбикорм для японских лошадей был высокопитательным, приготовленным на основе сена, овса, ячменя, кукурузы, бобовых жмыхов, соли и мела[28]. Снабжение подковным материалом было недостаточным, что приводило к большому количеству заболеваний копыт у животных. Ситуация в 5-й армии осложнялась также тем, что западноевропейская порода лошадей оказалась не приспособленной для действий в горно-лесистой местности. Это приводило к частым травмам и серьёзным осложнениям[29].

Кавалерийские части занимались в основном преследованием противника, а не прорывом обороны, поэтому боевые потери и повреждения были невысокими. Большее количество ранений было нанесено лошадям холодным оружием при атаках смертников и осколками снарядов при ударах артиллерии противника. Потери конского состава, включая боевые, составляли 3,7 проц. от его общей численности, при этом небоевые потери составляли более 50 проц. всех потерь.

Значительный объём воинских перевозок при ведении боевых действий 2-м Дальневосточным фронтом возлагался на Краснознамённую Амурскую флотилию (КАФ). На сунгарийском направлении КАФ должна была обеспечить переправу частей и тылов 15-й армии через Амур и организовать подвоз снабженческих грузов из района Ленинское в Фудзинь и Цзямусы. Отряд транспортов для переправы частей 355 сд (7 буксиров и 8 барж) был сформирован и направлен в пункты переправы ранее намеченного срока, уже в первый военный день. Остальные 6 транспортов (6 буксиров и 12 барж) были сформированы и поданы в Ленинское не на шестнадцатый день войны, как планировалось, а на седьмой. К 20 августа в Ленинском было сосредоточено всего 19 транспортов (19 буксиров, 29 барж) общей грузоподъёмностью 16 тыс. т[30]. На четвёртый день наступления Амур вышел из берегов, началось наводнение, что привело к выходу из строя армейских понтонных переправ. На КАФ возлагалась теперь задача не только перевозить части усиления и резервы 15-й армии с переправ, сорванных наводнением, но также переправлять тылы и материальные средства в районы Фудзинь, Тунцзян, Цзямусы, Саньсин[31]. Общий объём перевозок 15-й армии речным транспортом в период с 9 августа по 1 октября 1945 года составил более 28 тыс. т (см. табл. 2).

Успешному форсированию р. Амур и продвижению войск 15-й армии вдоль р. Сунгари способствовали действия 10-й воздушной армии. Из-за прошедших дождей большинство наведённых переправ было выведено из строя. Тыл воздушной армии собственных плавсредств не имел, поэтому перева-

Таблица 2

Общий объём перевозок 15-й армии речным транспортом в период с 9 августа по 1 октября 1945 года в ходе Советско-японской войны 1945 года

Наименование	Количество	Единицы измерения (тонн)
Люди	90 971	
Лошади	2747	
Автомашины	857	
Орудия	1113	
Танки и СУ	150	
Повозки	3200	
Продовольствие		5000
Боезапас		5658
Горючее		3500
Вещевое имущество, аэродромное и ремонтное оборудование		14 134
Итого		**28 292**

Составлена по: Филиал Центрального архива МО РФ Архив Военно-морского флота. Ф. 1790. Оп. 10. Д. 83. Л. 123.

зирование тыловых частей и материальных средств на аэродромы противника было затруднёно. Нижне-Амурское пароходство сумело переправить на аэродром Фудзиня лишь один батальон аэродромного обеспечения (бао) из шести[32]. В итоге было принято решение о перевозке горюче-смазочных материалов, продовольствия, боеприпасов, комендатур бао на Фудзинский аэроузел транспортными самолётами. Из-за отсутствия плавсредств 52-й и 86-й районы авиационного базирования так и не смогли преодолеть Амур. Тыловое обеспечение 10-й воздушной армии на аэродромах Маньчжурии осуществлялось частями, переброшенными транспортными самолётами.

На КАФ также возлагалась задача по медико-санитарному обеспечению. На бронетанкерах флотилии медицинская помощь оказывалась по ходу ведения боевых действий. Санитарные транспорты выполняли функции госпитально-транспортных судов. Они обеспечивались всеми необходимыми материальными средствами и врачами-хирургами. Основная масса раненых была принята и обработана санитарным транспортом, который следовал за отрядами боевых кораблей и был хорошо оборудован передовыми подвижными госпиталями КАФ и 15-й армии[33].

При стремительном продвижении в глубь территории Маньчжурии и отдалении войск от армейских складов всё большее значение приобретали захваченные трофеи. За время военных действий войскам Дальневосточных фронтов с трофейных складов были выделены следующие виды продовольствия: 11 тыс. т муки; 3500 т макарон; 2340 т мясопродуктов и 12 770 т свежих овощей[34]. Например, 22-я стрелковая дивизия в ходе операции сообщала командованию армии, что части обеспечены продовольствием за счёт трофеев и в поставках с армейских складов не нуждаются[35]. Однако войска испытывали острый дефицит сахара, табака и спирта, т.к. данных товаров на трофейных складах не хватало[36].

Для охраны перешедших под контроль советских войск складов с продовольствием, вещевым имуществом, ГСМ в полках создавались трофейные команды численностью до 8 человек. Из-за своей малочисленности они не были в состоянии предотвратить расхищение имущества местным населением. Также распределение трофеев и выдача их в войска затруднялись тем, что личный состав команд не мог перевести на русский язык надписи на японском и китайском языках[37] на трофейной таре.

Подвоз материальных средств войскам, наступавшим на Южном Сахалине, и для десантов, действовавших на Курильских островах, осуществлялся морским транспортом. В этих целях на судах были развёрнуты армейские склады боеприпасов, горючего, продовольствия. Плавучие склады следовали вдоль западного побережья Южного Сахалина и Курильских островов, разгружаясь в назначенных пунктах, откуда грузы подавались в наступавшие войска. К примеру, для обеспечения войск 16-й армии были подготовлены три морских транспорта с отделениями складов: два — с продовольствием (по 30 суточных каждый), один — с боеприпасами (1 боекомплект) и ГСМ (800 т)[38].

После капитуляции и начала разоружения основных сил японской Квантунской армии противник действовал разрозненными отрядами, нападавшими на колонны и склады обеспечения[39]. Нападения групп смертников и атаки японских снайперов продолжались вплоть до октября 1945 года. В связи со сложившейся обстановкой начальник тыла 1-го Дальневосточного фронта гвардии генерал-майор И.К. Николаев приказал[40]:

— разъяснять личному составу тыловых частей и учреждений фронта необходимость повышения бдительности;

— вооружить и обеспечить боеприпасами военнослужащих всех тыловых частей и учреждений, находящихся на территории Маньчжурии;

— назначать в частях боевые расчёты;

— отправлять автомашины колоннами с боевым охранением, перед выездом уточнять боевой расчёт.

К примеру, боевой расчёт колонны управления тыла 2 КА назначался следующим образом: по команде командира автоколонны с фронта нападение отражали первая машина роты охраны, штаб и интендантский отдел; с правого фланга — ветеринарный, дорожный отделы, политотдел тыла, отдел артснабжения и военторг; с левого фланга — санитарный отдел, отдел кадров, взвод охраны; с тыла — Смерш и машина взвода охранения[41].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что органы тыла провели масштабную работу по подготовке и организации тылового обеспечения во время Советско-японской войны, смогли организовать бесперебойное снабжение наших войск всеми видами материальных средств для жизни и боя. Гибкость и высокая эффективность системы тыла позволили с честью решить все поставленные задачи в условиях невиданно высоких темпов наступления. Учёт особых географических и климатических условий Маньчжурии, грамотное распределение имевшихся ресурсов, использование опыта Великой Отечественной войны позволили Тылу Вооружённых сил обеспечить победу Красной армии над японским милитаризмом, что способствовало скорейшему окончанию Второй мировой войны.

Таким образом, тыловые органы справились с возложенными на них задачами, а полученный опыт тылового обеспечения войск и сил флота при действиях на Дальнем Востоке используется в Российской армии и в наши дни.

Примечания

[1] *Кикнадзе В.Г.* Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет России. М.: Вече, 2022. С. 215, 216; *он же.* Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма. М.: Прометей, 2021. С. 530.

[2] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 87. Оп. 12391. Д. 1068. Л. 8.

[3] Там же. Л. 50.

[4] Там же. Л. 131.

[5] Там же. Ф. 238. Оп. 1562. Д. 171. Л. 219.

[6] Войсковой тыл в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (примеры из опыта тылового обеспечения войск). Военная академия тыла и транспорта. Л., 1974. С. 61.

[7] Приморскую группу войск переименовали в 1-й Дальневосточный фронт 5 августа 1945 г.

[8] ЦАМО РФ. Ф. 86. Оп. 12405. Д. 1674. Л. 11.

[9] Там же. Л. 18—24.

[10] Там же. Л. 11.

[11] Там же. Ф. 76. Оп. 12325. Д. 376. Л. 86.

[12] Там же. Л. 399.

[13] Там же. Ф. 460. Оп. 5078. Д. 51. Л. 20—21.

[14] Там же. Ф. 234. Оп. 3233. Д. 17. Л. 35.

[15] Там же. Ф. 304. Оп. 7031. Д. 37. Л. 118.

[16] Там же. Ф. 234. Оп. 3233. Д. 22. Л. 42.

[17] *Ворсин В.Ф., Жуматий В.И.* Тыловое обеспечение в Маньчжурской стратегической наступательной операции // Военно-исторический журнал. 2020. № 8. С. 4.

[18] Укреплённом районе.

[19] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1022. Д. 45. Л. 11.

[20] Там же.

[21] Там же. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 427. Л. 16—22.

[22] Там же. Ф. 460. Оп. 5078. Д. 70. Л. 60.

[23] Там же. Ф. 294. Оп. 6888. Д. 58. Л. 105.

[24] Там же. Л. 106.

[25] *Печененко С.* 363-я стрелковая дивизия в боях на Мишаньском направлении // Военно-исторический журнал. 1975. № 7. С. 45.

[26] ЦАМО РФ. Ф. 234. Оп. 3233. Д. 17. Л. 330.

[27] Там же. Ф. 76. Оп. 12325. Д. 376. Л. 187.

[28] Там же. Л. 184.

[29] Там же. Л. 401.

[30] Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ Архив Военно-морского флота. Ф. 1790. Оп. 10. Д. 83. Л. 123.

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] Там же. Л. 155.

[34] ЦАМО РФ. Ф. 86. Оп. 12405. Д. 138. Л. 234.

[35] Там же. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 26. Л. 53.

[36] Там же. Ф. 294. Оп. 6988. Д. 58. Л. 123.

[37] Войсковой тыл в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. … С. 62.

[38] *Сысоев П.И.* Тыл советских Вооружённых сил в кампании на Дальнем Востоке // Военно-исторический журнал. 1975. № 8. С. 44.

[39] ЦАМО РФ. Ф. 460. Оп. 6691. Д. 51. Л. 153.

[40] Там же.

[41] Там же. Ф. 304. Оп. 7031. Д. 37. Л. 44.

V.V. Trishunkin, A.A. Golovin

REAR SERVICES SUPPORT AT THE 1ST AND 2ND FAR EASTERN FRONTS IN THE COURSE OF THE SOVIET-JAPANESE WAR OF 1945

Information about authors. *Vladimir Trishunkin — chief of staff for RF AF logistical support, lieutenant general, D. Sc. (Tech.), Cand. Sc. (Econ.) (Moscow. E-mail: trishunkinvv@mail.ru);*

Alexei Golovin — junior researcher at the RF AF Technical Maintenance Military System Research, General of the Army A.V. Khrulev Military Academy of Logistics (St. Petersburg. E-mail: aleksey.golowin1995@yandex.ru).

Summary. *The paper looks at issues of material-technical support at the 1st and 2nd Far Eastern Fronts in the course of the Soviet-Japanese War of 1945. The authors rely on their studies of reports from armies and summaries of combat experience generalization to disclose the scale of preparing the rear for the fight, which determined the time of launching the Manchuria Strategic Offensive Operation. The events disguised as autumn front exercises included revision checks, reserve stockpiling, exercises in the rear to perfect support of fortified defense breach and fighting in the depth of the enemy defenses, and planning rear support organization in conditions of wooded highlands. The paper points out that the fighters in the rear promptly carried out all the tasks assigned to them and managed to organize support of continuous offensive activity. Largely thanks to that the Manchurian Strategic Offensive Operation went down in history as a most successful and large-scale instance of mobile warfare.*

Keywords: *WWII; Soviet-Japanese War of 1945; Manchurian Strategic Offensive Operation; Sungari Offensive Operation; Harbin-Jilin Offensive Operation; Red Army rear; rear services support; 1st Far Eastern Front; 2nd Far Eastern Front; 1st Army of the Red Banner; 5th Army; 15th Army; V.I. Vostrukhov; I.K. Nikolayev; D.I. Andreyev.*

Н.А. Евменов

СПАСАТЕЛИ ВМФ РОССИИ

К 100-летию Экспедиции подводных работ особого назначения

Сведения об авторе. *Евменов Николай Анатольевич — Главнокомандующий ВМФ России, адмирал флота (190098, Санкт-Петербург, Адмиралтейский проспект, д. 1).*

Аннотация. *В статье представлен исторический обзор деятельности Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН), 100-летие которой отмечается в 2023 году. Акцент сделан на связи ЭПРОН с Военно-морским флотом, влиянии экспедиции на становление современной Службы поисковых и аварийно-спасательных работ Военно-морского флота РФ.*

Ключевые слова: *аварийно-спасательное дело; водолазное дело; участие Военно-морского флота в спасении экипажей; корабль; подводная лодка; судоподъём; ЭПРОН.*

Одной из основных функций ЭПРОН было и остаётся проведение аварийно-спасательных операций. А это не только водолазы, это целый комплекс различных средств, предназначенных для спасения людей, плюс команда соответствующих специалистов.

Учреждённая 100 лет назад на Чёрном море экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН)[1] после ряда реорганизаций превратилась в мощную, овеянную славой и легендами аварийно-спасательную службу, ставшую колыбелью всех существующих в настоящее время морских спасательных подразделений России и ближнего зарубежья[2]. Несмотря на относительно краткий период своего существования, охвативший неполные два предвоенные десятилетия, ЭПРОН оставил яркие страницы в истории России, которые уместно вновь перелистать накануне предстоящего юбилея с целью поиска достойных примеров профессионализма, мужества и беззаветного служения Отчизне.

Истоки ЭПРОН следует искать в авантюрном и крайне важном решении по созданию подразделения для поиска золота на затонувшем в ноябре 1854 года английском пароходе «Принц». Случилось это 1 марта 1923 года в соответствии с приказом по Государственному политическому управлению. Золото, требовавшееся для реализации планов развития страны, предстояло найти и поднять с глубин, практически недоступных водолазам. Решение этой сложной технической задачи требовало принятия особых организационных мер. 23 марта 1923 года Г.Г. Ягода подписал приказ о создании «опытной глубоководной партии», которая пыталась производить поиски с помощью жёсткого водолазного устройства — камеры Даниленко, способной опускаться на глубину до 72 м. Золото, поиски которого продолжались в течение двух лет, найти не удалось, но уже в самом начале этих работ стало очевидно, что на морском дне находится достаточно большое количество затонувших материальных ценностей, подъём которых может оказаться экономически выгодным. Поэтому идея создания государственной структуры, специализирующейся на судоподъёме, нашла широкую поддержку. С 1 ноября 1923 года был введён в действие подписанный 2 ноября 1923 года приказ ОГПУ № 463, утвердивший штаты организации, которая получила название «Учреждение опытно-научных работ “Экспедиция подводных работ особого назначения на Чёрном море”» (сокращённо «ЭПРОН»)[3].

Официальной датой рождения ЭПРОН считается 17 декабря 1923 года, когда приказом по ОГПУ № 528 уже номинально существовавшей экспедиции был присвоен ранг пограничной флотилии, а в её состав от Морских сил Чёрного моря переданы спасательные суда «Кербедз», «Красный Кубанец», катера «Коршун», «Удалец», «Тигр», «Первый», несколько барж, водолазные боты, 40-тонный плавкран[4]. Штат экспедиции при этом увеличился до 280 человек. Экспедиция числилась хозрасчётной организацией, которая должна была сама зарабатывать средства на своё содержание и развитие.

Первым начальником ЭПРОН (по совместительству с основной работой) стал чекист Лев Николаевич Захаров (Мейер), который руководил организацией до 10 июля 1930 года. В дальнейшем экспедицией руководили Д.В. Усов — до 23 января 1931 года, Ф.С. Медведев — до 23 января 1932 года и далее — Ф.И. Крылов, остававшийся её руководителем и после вхождения в состав Военно-морского флота с началом Великой Отечественной войны[5]. В руководящую группу ЭПРОН вошли инженеры В.С. Языков, Е.Г. Даниленко, А.З. Каплановский, водолазный специалист Ф.А. Шпакович, врач К.А. Павловский.

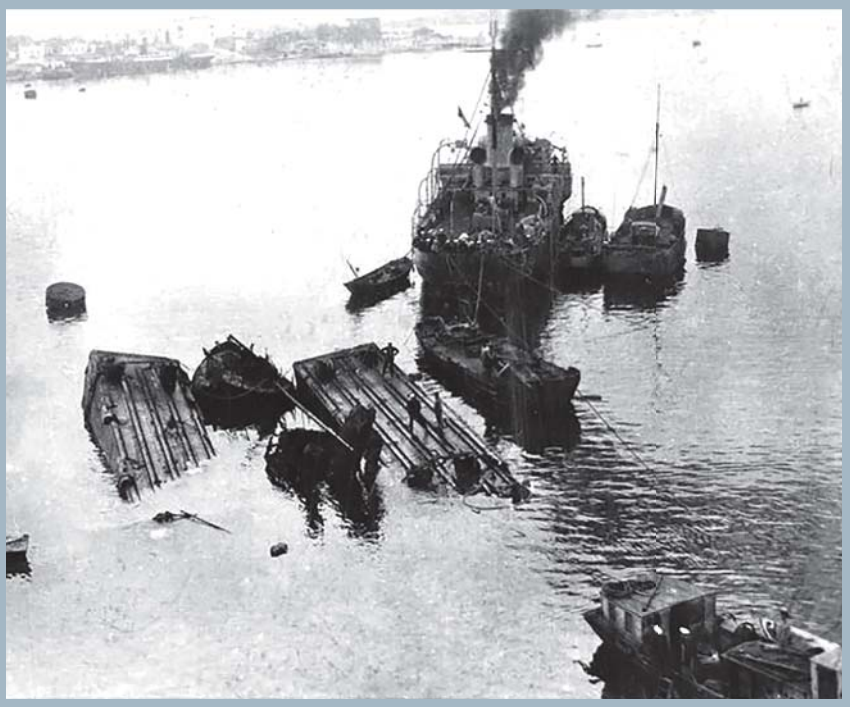
Подъём эсминца «Капитан-лейтенант Баранов»

Одними из первых водолазов ЭПРОН были Ф.К. Хандюк, Я.Ф. Жуков и В.Т. Сергеев[6].

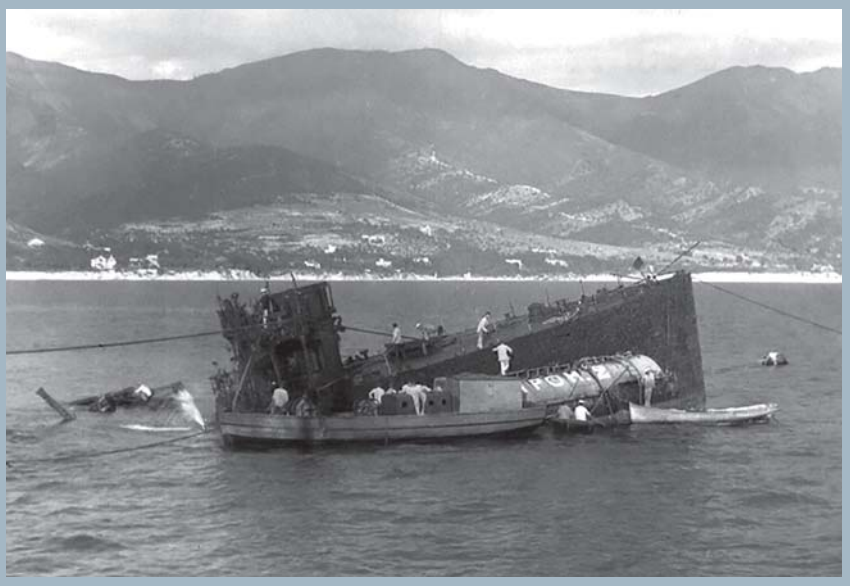
Практически с первых дней существования деятельность ЭПРОН была тесно связана с Военно-морским флотом. Некоторое число поднятых кораблей и корабельного имущества передавалось Военно-морскому флоту с частичной компенсацией понесённых экспедицией затрат. Личный состав ЭПРОН комплектовался из лиц начальствующего и рядового состава резерва РККА по контракту со сроком службы не менее чем два года. Дисциплина и внутренний порядок поддерживались в соответствии с уставами РККА. Личный состав носил военно-морскую форму, но без знаков различия. При объявлении мобилизации ЭПРОН подлежал немедленной передаче в Наркомат Военно-морского флота. По мере становления ЭПРОН как судоподъёмной организации связи его с Военно-морским флотом только крепли.

Сфера деятельности ЭПРОН постепенно расширялась, охватывая спасательные и подводно-технические работы. 9 марта 1930 года вопрос о монопольном положении ЭПРОН в области водолазных работ на судоподъёме и при гидротехническом строительстве был решён окончательно. В его ведение была передана Центральная водолазная база Народного комиссариата путей сообщения в её полном составе, включая Центральные водолазные мастерские в Севастополе. В 1932 году в дополнение к существовавшим Черноморской, Балтийской, Мурманской и Архангельской партиям ЭПРОН были сформированы Астраханская и Отдельная Дальневосточная партии. Таким образом, ЭПРОН превратился в организацию всесоюзного масштаба.

Подъём тральщика «Перванш»
1925 г.



Подъём эсминца «Калиакрия»
1925 г.



Эсминец «Калиакрия» в бухте Новороссийска
1925 г.

В 1934 году в регионах были сформированы экспедиции, а вместо партий образованы аварийно-спасательные отряды (АСО), отряды и группы подводно-технических работ[7].

В функции АСО, кроме выполнения судоподъёмных и других водолазных работ, входило своевременное оказание помощи кораблям и судам, терпевшим бедствие на море.

Первой крупной работой стал подъём в 1924 году подводной лодки «Пеликан», затопленной интервентами у входа в Одесский порт на глубине 16 м

С момента формирования основной деятельностью ЭПРОН являлся судоподъём. Первой крупной работой стал подъём в 1924 году подводной лодки «Пеликан», затопленной интервентами у входа в Одесский порт на глубине 16 м. В 1925 году были подняты миноносец № 266 и тральщик «Перванш», танкер «Эльборус» и землечерпалка[8]. При этом применялся разнообразный набор технических средств — плавкраны, понтоны, водоотливные насосы. Под Новороссийском были обнаружены и обследованы 10 кораблей, затопленных моря-

Спасательное судно «Волхов», вошедшее в состав ЭПРОН под названием «Коммуна»

ками Черноморского флота в 1918 году, в т.ч. 6 современных на тот момент эсминцев типа «Новик». Подъём одного из них — эсминца «Калиакрия» водоизмещением 1400 т с глубины 28 м стал наиболее сложной работой, выполненной ЭПРОН в 1925 году. Работы под руководством Ф.А. Шпаковича проводились по проекту инженера Н.И. Горюнова. После ремонта эсминец под новым названием «Дзержинский» вошёл в состав Черноморского флота и позднее участвовал в Великой Отечественной войне.

1926 год стал для ЭПРОН наиболее плодотворным в области судоподъёма. В тот год были подняты 19 объектов, в т.ч. Севастопольской партией — подводные лодки «Орлан» и «Карп», а Новороссийской партией — эсминцы «Пронзительный», «Стремительный», «Сметливый», «Капитан-лейтенант Баранов»[9].

В 1928 году ЭПРОН успешно выполнил правительственное задание по подъёму английской подводной лодки L-55, потопленной в Финском заливе в 1919 году эсминцами «Азард» и «Гавриил». Работы производились Севастопольской партией с применением специализированного судоподъёмного судна Балтийского флота «Коммуна»[10], входившего ещё до революции в состав первой бригады подводных лодок и долгое время находившегося в составе сил постоянной готовности. Подъёмом руководил лично начальник ЭПРОН Л.Н. Захаров. Главным инженером был корабельный инженер Т.И. Бобрицкий, начальником водолазной группы — Ф.А. Шпакович, а начальником медицинской службы — врач К.А. Павловский. Поднятая и поставленная в сухой док Кронштадтского морского завода английская подводная

Л.Н. Захаров (Мейер)

лодка была восстановлена и включена в состав советского Военно-морского флота с проведением различного рода испытаний. Результаты научных исследований были использованы при проектировании отечественных подводных лодок. В тот же год была поднята затопленная интервентами на Чёрном море подводная лодка АГ-21[11], также впоследствии возвращённая в состав Военно-морского флота.

В 1931 году ЭПРОН получил государственный заказ на подъём судов и другого имущества со дна морей и рек общей массой 8000 т. К концу года были подняты 12 объектов, в т.ч. кормовая часть океанского лайнера «Байролея», тральщик «Лучинский» и две артиллерийские башни линкора «Императрица Мария». С использованием специально построенных для этого кольцевых понтонов грузоподъёмностью 1100 т в 1935 году были подняты ещё две башни линкора «Императрица Мария» и две башни однотипного линкора «Свободная Россия», орудия которых укрепили береговую оборону страны. Стволы башен линкора «Императрица Мария» Обуховского завода до наших дней продолжают свою службу на легендарной 30-й артиллерийской батарее в Севастополе.

В 1932 году по государственному заказу были подняты 27 затонувших объектов общей массой более 22 тыс. т. Интересными работами 1932—1933 гг. были подъёмы затопленных интервентами в Чёрном море подводных лодок «Судак», «Лосось», «Налим» и погибшего в Белом море в 1916 году ледокола «Садко». Были применены специализированные средства — мягкие и цилиндрические стальные судоподъёмные понтоны, улучшенные модификации которых до сих пор стоят на вооружении Военно-морского флота[12].

Начиная с 1934 года доля судоподъёмных работ в общей деятельности ЭПРОН существенно сократилась. Они уступили место спасательным, подводно-техническим работам, а также обеспечению перевода судов по внутренним водным путям и по Северному морскому пути. Исключением являлся подъём затонувших в военное и особенно в мирное время подводных лодок, а также крупных или ценных судов, затонувших на сравнительно небольшой глубине, таких как ледоколы, танкеры, землечерпалки. На Чёрном море были подняты затонувшая при отработке учебных задач подводная лодка АГ-16, затопленные интервентами подводные лодки «Кит» и «Краб», на Балтике — погибшие в ходе учений подводные лодки Б-3 «Товарищ» и Б-9 «Рабочий», на Тихом океане — затонувшие из надводного положения подводные лодки М-8 и Щ-103[13]. С увеличением

водоизмещения подводных лодок спасение их экипажей методом подъёма самой подводной лодки становилось всё менее реальным, поэтому в исследовательских работах ЭПРОН был сделан акцент на обеспечении самостоятельного спасения подводников свободным всплытием в индивидуальном спасательном снаряжении, образцы которого были созданы у нас в стране и превосходили зарубежные аналоги. На подводных лодках появились выгородки аварийно-спасательных устройств для подключения рукавов вентиляции отсеков и прочные узлы для крепления судоподъёмных средств.

На Северном флоте до начала Великой Отечественной войны были подняты 74 судна общим водоизмещением 25 760 т, в т.ч. пароходы «Ямал», «Бенартур» и транспорт «Буревестник», на Чёрном море — более 100 кораблей и судов общим водоизмещением около 60 тыс. т, в т.ч. крупные транспорты «Женероза», «Фредерик», «Сербия», пароходы «Борис» и «Пётр Великий» (самый крупный объект, поднятый ЭПРОН, водоизмещением 9200 т)[14]. На Каспийском море подняли ледокол «Каспий», танкер «Советская Армения», пароход «Пушкин».

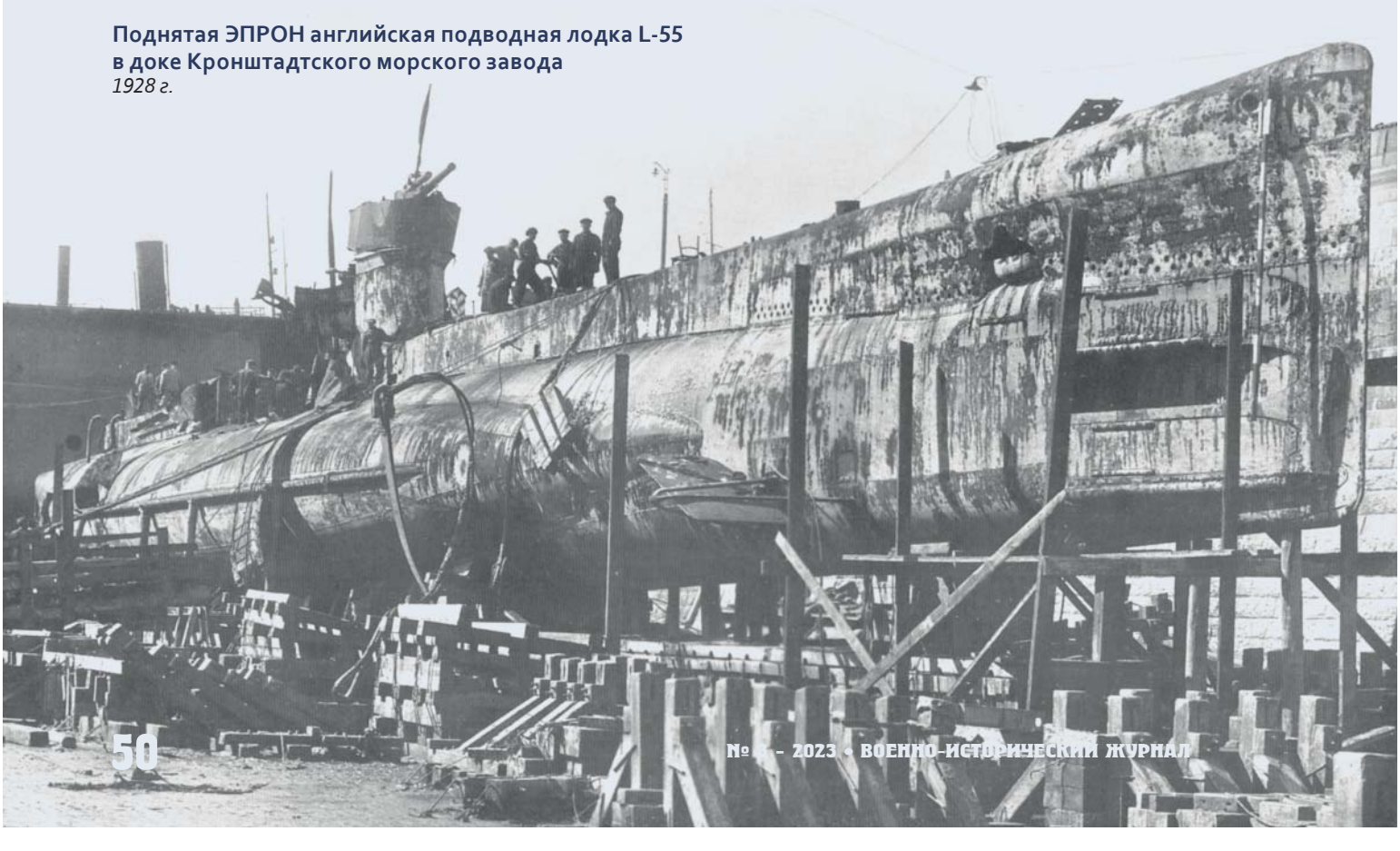
В 1931—1933 гг. спасатели ЭПРОН предотвратили гибель 12 крупных транспортов в различных районах Мирового океана. Это были советские и иностранные суда: теплоход «Ильич», транспорты «Питеас», «Харьков», «Сталинград», «Кола», «Алкаид», танкер «Зорроза», пароходы «Альбатрос», «Веста», «Хаугланд», «Восток», ледокол «Малыгин». В 1936 году был спасён ставший знаменитым в годы Великой Отечественной войны ледокольный пароход «А. Сибиряков», в 1939 году — разломившийся на две части теплоход «Челюскинец».

В отчёте ЭПРОН за первые 15 лет его деятельности было упомянуто спасение 188 кораблей и судов общим водоизмещением 420 тыс. т, из них 33 иностранных судна

В отчёте ЭПРОН за первые 15 лет его деятельности было упомянуто спасение 188 кораблей и судов общим водоизмещением 420 тыс. т, из них 33 иностранных судна, из которых 8 судов общим водоизмещением 41 тыс. т перешли к СССР, а за спасение остальных получено вознаграждение 80 тыс. фунтов стерлингов.

Начиная с 1938 года ЭПРОН организовал регулярную проводку кораблей и судов из Ленинграда по Свири и Беломорско-Балтийскому каналу

Поднятая ЭПРОН английская подводная лодка L-55 в доке Кронштадтского морского завода
1928 г.



в Белое море, а также по Мариинской водной системе до Астрахани. В рамках ЭОН-1 и ЭОН-2 боевыми кораблями, осуществившими межтеатровый манёвр, был пополнен Северный флот[15].

Основная часть подводно-технических работ, проводившихся ЭПРОН, была связана с сооружением различных народнохозяйственных объектов, в т.ч. имевших стратегическое значение. Большой объём дноуглубительных подрывных работ был выполнен при строительстве Беломорско-Балтийского канала. Переведённые впоследствии по нему боевые корабли составили ядро создававшегося Северного флота. Партии ЭПРОН строили и ремонтировали причальные стенки, пирсы, молы, набережные и гидротехнические сооружения, прокладывали трубопроводы и электрокабели в портах и военно-морских базах, установили первую морскую нефтяную вышку на Каспии, строили и обслуживали спускоподъёмные сооружения на верфях. К началу Великой Отечественной войны в состав ЭПРОН входили 9 отрядов и групп подводно-технических работ — Ленинградский и Московский ОПТР, группы ПТР в Новороссийске, Одессе, Баку, Астрахани, Владивостоке, Мурманске и на о. Сахалин.

Возраставший объём задач и постоянно приобретавшийся опыт выполнения спасательных, судоподъёмных и подводно-технических работ требовали научного осмысления. В 1931 году был создан Научно-технический совет ЭПРОН, в который наряду со специалистами его главного управления вошли ведущие учёные в области судостроения: академик А.Н. Крылов, члены-корреспонденты Академии наук СССР П.Ф. Попкович и Ю.А. Шиманский, профессор В.Г. Власов. Судоподъёмные и спасательные работы обеспечивали видные организаторы и инженеры ЭПРОН А.Г. Авотин, Л.А. Белецкий, Т.И. Бобрицкий, И.А. Загвоздин, В.Ф. Кюнстлер, Н.А. Максимец, А.К. Михайлов, В.М. Рогов, Г.Г. Русецкий, Н.П. Чикер, Ф.А. Шпакович. Их научные труды до настоящего времени остаются актуальными[16].

Ф.И. Крылов

В ЭПРОН получило широкое развитие водолазное дело[17]. Слава о водолазах ЭПРОН С.Е. Буленкове, В.И. Правдине, А.Д. Разуваеве, В.Т. Сергееве, Ф.К. Хандюке, А.Г. Хмелике, В.Н. Чертане гремела на всю страну. В 1937 году водолаз В.И. Медведев в обычном вентилируемом водолазном снаряжении при дыхании воздухом спустился на глубину 137 м[18]. Этот рекорд остаётся недостижимым до настоящего времени. С точки зрения действующих на этой глубине парциальных давлений кислорода и азота, ведущих к кислородному отравлению и азотному наркозу, а также плотности вдыхаемого воздуха это достижение находится за гранью физиологических возможностей человека. В области водолазной медицины, создавая режимы декомпрессии, в интересах ЭПРОН продуктивно трудились академик Л.А. Орбели, главный врач ЭПРОН К.А. Павловский, врачи Е.М. Крепс, Б.Д. Кравчинский, С.П. Шистовский. Уже в 1936 году начались опыты по применению под водой гелийсодержащих дыхательных смесей. Эта технология стала впоследствии прорывной в области глубоководного водолазного дела[19].

Преемником всемирно известной Кронштадтской водолазной школы стал Военно-морской водолазный техникум в Балаклаве, основанный в 1931 году на базе Водолазной школы ЭПРОН из сформированных в 1925 году Водолазных курсов. Интенсивность деятельности техникума по подготовке кадров характеризуют следующие сведения о количестве ежегодно выпускавшихся водолазов: в 1938 году — 210, в 1939 — 260, в 1940 — 298, в 1941 году — 460 человек. Документальным свидетельством тому является известная фотография «Марш водолазов», строго привязанная к месту события изображением на заднем плане башни генуэзской крепости в Балаклаве[20].

Спасательная подготовка аварийно-спасательных групп ЭПРОН проводилась комплексно с боевой подготовкой флотов. Особое внимание обращалось на подготовку к оказанию помощи аварийной подводной лодке. Для этого в составе ЭПРОН стали появляться специализированные спасательные суда. Согласно постановлению СНК СССР для Черноморской экс-

педиции в Бельгии был приобретён спасательный буксир «Меркурий», для Балтийской экспедиции — в Голландии спасательное судно «Сигнал». В 1939—1941 гг. в состав ЭПРОН вошли три новых спасательных судна уже отечественной постройки — «Водолаз», «Сталинец» (для Балтийского флота) и «Шлем» (для Каспийской флотилии). Кроме того, в состав ЭПРОН были переданы: на Северном флоте — спасательный буксир «Память Руслана», на Тихоокеанском флоте — спасательные суда «Находка», «Тельман» и СС-16, плавбаза «Кречет», на Балтийском флоте — спасательные буксиры «Колывань» и «Метеор», на Черноморском флоте — спасательный буксир «Юпитер». Для ЭПРОН промышленностью строились морские, рейдовые и речные водолазные боты, а также быстроходные катера. Малые боты строились непосредственно в мастерских ЭПРОН. В итоге накануне Великой Отечественной войны в состав ЭПРОН входили 28 спасательных судов, из них 7 современных, специальной постройки, 50 водолазных ботов, несколько плавбаз для судоподъёмных работ, барж, киллекторов, плавкранов. Лучше всех судами была обеспечена Балтийская экспедиция.

Во время войны с Финляндией 1939—1940 гг. Балтийская экспедиция ЭПРОН получила опыт по аварийно-спасательному обеспечению боевых действий Краснознамённого Балтийского флота и частей Красной армии. В постоянной готовности на акватории Финского залива находились спасательные суда «Сигнал», «Колывань» и плавбаза «Трефолев», а на Ладоге — спасательное судно «Водолаз». Спасательное судно «Сигнал» сняло с мели сторожевые корабли «Снег» и «Циклон», тральщик ТЩ-41 и плавкран, спасло от сжатия льдами тральщики ТЩ-211 и ТЩ-214. Плавбаза «Трефолев» участвовала в устранении аварии на ледоколе «Ермак». Спасательное судно «Водолаз» подняло 4 провалившиеся под лёд боевые машины, оказало помощь получившей боевые повреждения канонерской лодке «Ораниенбаум», обследовало в боевых условиях погибшие тральщики ТЩ-34 и ТЩ-35. Пять аварийно-спасательных групп ЭПРОН в сложных условиях суровой зимы из рек и озёр Карельского перешейка и со дна прилегающих акваторий подняли и передали частям Красной армии 34 танка и 6 грузовых автомобилей.

Полученный боевой и практический опыт позволил ЭПРОН успешно выполнять задачи в период Великой Отечественной войны. В первый же день войны был издан совместный приказ народных комиссаров ВМФ и морского флота № 0525/22с «О включении в состав Военно-морского флота всех органов и средств ЭПРОН» с подчинением начальника Главного управления ЭПРОН контр-

Ветеран ЭПРОН спасательное судно Черноморского флота «Коммуна»
Современный снимок

адмирала Ф.И. Крылова заместителю наркома ВМФ адмиралу Л.М. Галлеру. Исходная штатная численность личного состава 2922 человека в ходе войны требовала увеличения в соответствии с возраставшим объёмом задач. Новый штат на 4707 человек был утверждён приказом наркома ВМФ от 2 июня 1942 года № 0469. Этим же приказом ЭПРОН был переименован в Аварийно-спасательную и судоподъёмную службу Военно-морского флота (АССС ВМФ). Аббревиатура ЭПРОН ушла со страниц служебной переписки.

Однако память об ЭПРОН жива. Заложенные им основы спасательного, водолазного дела и судоподъёма получили своё развитие на новом техническом уровне[21]. На всех без исключения современных подводных лодках крышки аварийно-спасательных устройств в память об ЭПРОН официально именуются «эпроновскими» и по традиции обозначаются буквой «Э». Правопреемником ЭПРОН является Служба поисковых и аварийно-спасательных работ Военно-морского флота[22], в составе которой активно действуют и находятся в готовности к оказанию помощи аварийным кораблям и судам спасательное судно «ЭПРОН» проекта 05275, названное в память о легендарной экспедиции[23], и входившее непосредственно в ЭПРОН судоподъёмное судно «Коммуна», являющееся свидетелем многих связанных с деятельностью экспедиции событий.

Примечания

[1] Спасатели Военно-морского флота. М.: Воениздат, 1996. С. 29—71.

[2] Морские спасатели России / Под ред. В.И. Карева. М.: Морской флот, 2007. С. 11—14.

[3] ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923—1931 г.): архивные документы и материалы / Ответ. ред. В.С. Христофоров. М.: Граница, 2015. С. 14, 15.

[4] Там же. С. 19—22.

[5] Там же.

[6] *Следков А.Ю.* Очерки истории водолазного дела. Кн. 3. Т. 1. СПб.: Гангут, 2015. С. 224—315.

[7] 100 лет Аварийно-спасательной службе Военно-морского флота России: к юбилею службы поисковых и аварийно-спасательных работ Военно-морского флота. СПб.: Главное командование Военно-морского флота, 2021. С. 10, 11.

[8] Хронология деятельности ЭПРОН в период с 1923 по 1930 г. (по записям Л. Захарова (Мейера)) // ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923—1931 гг.). С. 334—338.

[9] Там же. С. 338—344.

[10] *Бессонов О.И., Краморенко А.В., Смирнов В.А.* Спасательное судно «Карпаты» // Гангут. 2012. № 72. С. 78—98.

[11] Подъём подводной лодки «АГ-21» (из бюллетеня ЭПРОНа № 8 за 1929 г.) // ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923—1931 гг.). С. 469—478.

[12] *Агеев А.С., Чумаров Р.И., Краморенко А.В.* Перспективы развития технических средств выполнения подводно-технических и судоподъёмных работ // Средства и методы аварийно-спасательных, водолазных и глубоководных работ. 2014. Вып. 31. С. 27—56.

[13] *Молчанов В.А.* Возвращение из глубин. Л.: Судостроение, 1982. С. 74—78.

[14] *Муру Н.П.* Обзор некоторых крупных судоподъёмных операций и характерных способов судоподъёма: учебное пособие. СПб.: ВМИИ, 1999. С. 211.

[15] *Крылов А.Н.* Статика судоподъёма // Собрание трудов. Т. IX. Ч. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948.

[16] Там же; *Кюнстлер В.Ф.* О теории всплытия затонувшего судна // Сборник ЭПРОН. 1936. XIII—XV; *Шиманский Ю.А.* Теория всплытия затонувшего судна // Там же. 1935. X—XII; *Бобрицкий Т.И.* Такелажные работы аварийно-спасательной службы. М.: Воениздат, 1956. 416 с.; Справочная книга по аварийно-спасательному делу. Ч. 1. Судоподъёмное и аварийно-спасательное дело / Под общ. ред. А.А. Фролова. М., Л.: УВМИ НКВМФ СССР, 1945. 340 с.

[17] *Боровиков П.А.* Иллюстрированная история Водолазного Дела России. М.: МОРКНИГА, 2008. С. 107—115.

[18] *Он же.* Водолазное дело России: с конца 1930-х годов до наших дней. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Нептун, 2017. С. 82—109.

[19] *Краморенко А.В., Соловьёв Л.А., Тарануха Е.В.* Разрывая давление глубины // Армейский сборник. 2020. № 6. С. 39—44.

[20] 100 лет Аварийно-спасательной службе Военно-морского флота России... С. 116.

[21] *Краморенко А.В., Чумаров Р.И.* Судоподъём как сплав передовых морских технологий. Освоение морских глубин. М.: Оружие и технологии, 2018. С. 443—450.

[22] Там же.

[23] *Краморенко А.В., Овчинников А.В., Тарануха Е.В., Шайхутдинов Д.Г.* Ратный труд во имя спасения // Морской сборник. 2021. № 1(2086). С. 38—44.

N.A. Yevmenov

RUSSIA'S NAVY RESCUERS

On the centenary of the Special Purpose Underwater Rescue Party

Information about author. *Nikolai Yevmenov — Russian Navy Commander-in-Chief, Admiral of the Fleet (No.1 Admiralteisky Prospekt, 190098 St. Petersburg).*

Summary. *The paper offers a historical survey of the work by the Underwater Special Purpose Rescue Party (EPRON) whose centenary will be marked in 2023. The stress is on EPRON's ties with the Navy, and its impact on the establishment of the contemporary Search and Rescue Service of the RF Navy.*

Keywords: *emergency and rescue operations; diver work; participation of the Navy in crew rescue; ship; U-boat; ship-raising; EPRON.*

Е.О. Наумов

«ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ НАПРАВЛЯТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В РАСПОРЯЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА»

Распределение комиссаров и агитаторов Красной армии во второй половине 1918 года на примере 1-й армии Восточного фронта

Сведения об авторе. *Наумов Евгений Олегович — научный сотрудник отдела современной истории Мордовского республиканского объединённого краеведческого музея имени И.Д. Воронина, кандидат исторических наук (г. Саранск. E-mail: naumoveo@mail.ru).*

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности налаживания политическим руководством Красной армии системы последовательного и равномерного распределения комиссаров и агитаторов на Восточном фронте в рамках формировавшейся организационной структуры (центр — фронт — армия — дивизия). Цель исследования заключается в выявлении проблем, препятствовавших созданию данной системы, а также анализе способов решения центральным, фронтовым и армейским командованием возникавших трудностей. Несмотря на многочисленные попытки, предпринимавшиеся прежде всего фронтовым начальством, наладить процесс правильного распределения политработников во второй половине 1918 и даже в первой половине 1919 года так и не удалось. Это было обусловлено стремлением центрального и армейского командования работать без длительного по времени и якобы ненужного посредничества фронтового руководства, что значительно ускоряло процесс назначения комиссаров и агитаторов на те или иные должности. Однако имелись и отрицательные последствия нарушения субординации — неравномерное распределение политработников по фронту, а также невозможность ведения их правильного и точного учёта.*

Ключевые слова: *Гражданская война; Красная армия; Восточный фронт; военные комиссары; РВС; субординация; Л.Д. Троцкий; М.М. Миронов; О.Ю. Калнин; И.Н. Смирнов.*

Одним из важнейших факторов, обусловивших победу Красной армии на фронтах Гражданской войны в России 1917—1922 гг., являлась масштабная и результативная работа большевистской партии, которой её члены занимались в тылу и непосредственно в вооружённых силах, — агитация и организационная деятельность. В войсках реализация этих функций была возложена на политических комиссаров, которым в советской историографии было посвящено значительное количество исследований[1]. В настоящее время, несмотря на методологический плюрализм и отсутствие существовавших в советскую эпоху ограничений в использовании архивных источников, эта проблема историками практически не затрагивается. Исключением являются работы, посвящённые созданию военно-революционных трибуналов и участию комиссаров в данном процессе[2], а также содержанию агитационно-пропагандистской работы в войсках[3]. Тем не менее, несмотря на неоспоримые достижения советских учёных, многие аспекты данного вопроса по-прежнему остаются малоизученными. К ним можно отнести особенности кадровой политики партийного руководства и военного командования в области распре-

деления политических комиссаров между воинскими объединениями Красной армии и их назначения на соответствующие должности. Между тем многочисленные документы, хранящиеся в Российском государственном военном архиве, свидетельствуют о том, что эта проблема, возникшая на начальном этапе формирования Вооружённых сил Советского государства во второй половине 1918 года, волновала не только фронтовое и армейское руководство, но и центральное партийное начальство.

К моменту начала широкомасштабной Гражданской войны в России, связанной с выступлением солдат Чехословацкого корпуса и созданием в Самаре антибольшевистского комитета членов Всероссийского учредительного собрания, а также Народной армии, в конце мая — начале июня 1918 года центральный аппарат распределения военных комиссаров в Красной армии фактически отсутствовал. Так, созданное 8 апреля 1918 года Всероссийское бюро военных комиссаров (Всебюровоенком), которое должно было контролировать деятельность политкомов в масштабе всей страны, находилось в состоянии становления вплоть до конца 1918 года[4]. Поэтому указанные функции довольно часто осуществляли другие органы, среди которых в первую очередь следует выделить военно-политическое отделение оперативного отдела (оперод) Народного комиссариата по военным делам[5]. Именно Наркомвоен, который возглавлял Л.Д. Троцкий, занимался общим руководством Красной армией на внутренних фронтах страны и отправкой туда необходимых специалистов, в т.ч. комиссаров, вплоть до осени 1918 года[6]. Кроме того, отправкой комиссаров и агитаторов непосредственно в войска занимались территориальные комитеты РКП(б), прежде всего Московский и Петроградский[7].

На фронтовом и армейском уровнях решением данной проблемы занимались политические отделы и комиссары, которые также отвечали за назначение прибывавших работников на различные должности. Создание фронтового политотдела, а также определение его функций произошли 11 июня 1918 года на заседании комиссаров Чехословацкого фронта[8], которое состоялось в Москве под председательством Л.Д. Троцкого. На собрании было принято решение о формировании Революционного военного совета (РВС). Перед ним была поставлена задача осуществлять руководство всеми вооружёнными силами на востоке страны непосредственно на месте событий[9]. Спустя два дня, 13 июня 1918 года, постановлением, подписанным В.И. Лениным и Л.Д. Троцким, в состав РВС вошли главнокомандующий М.А. Муравьёв и комиссары П.А. Кобозев и Г.И. Благонравов[10]. В принятом на совещании постановлении указывалось, что «все военные специалисты и все революционные деятели (комиссары, агитаторы) поступают в распоряжение Революционного Военного Совета и распределяются им на соответствующие участки фронта»[11]. После прибытия членов РВС и комиссаров в район расположения войск вместо коллегии декретом РВС № 6 от 23 июня 1918 года при штабе Восточного фронта в Казани был создан политический отдел[12].

Однако на протяжении длительного времени процесс налаживания работы данного органа происходил с большим трудом. Об этом достаточно подробно сообщал заведующий отделением связи и информации политотдела Н.И. Яковлев в докладе от 31 июля 1918 года. Он писал, что «постановка дела вообще в Отделе и в частности в моём Отделении была далеко не на высоте и не продуктивной… К моменту образования Политического отдела части армий не имели ни между собой, ни с центром никакой связи, агитационная работа не велась, политических комиссаров в отрядах почти не было… С другой стороны, работа самого Отдела велась не систематично: никто не знал своих обязанностей, никому не было известно, где начинается сфера влияния одного лица и кончается другого и т.д.»[13]. Наилучшим образом деятельность фронтового политотдела летом 1918 года описал его заведующий И.Н. Смирнов на совещании заведующих политотделами армий Восточного фронта 20—24 октября 1918 года: «Политический отдел существовал до меня только как штабной, и чувствовалась его оторванность от армий. Через него в Арзамасе (место нахождения штаба Восточного фронта. — **Прим. авт.**) много прошло товарищей для политической работы из Петрограда, Москвы в армию, но распределение шло безответственно, не было условлено — куда и как их посылать в войсковые части»[14].

Комиссар
Художник В.В. Токарев, 1965—1967 гг.

Л.Д. Троцкий — народный комиссар по военным и морским делам

О.Ю. Калнин (в центре) — политический комиссар 1-й армии Восточного фронта

По словам Н.И. Яковлева, одной из причин сложившегося положения являлась «калейдоскопическая смена заведующих отделом»[15]. Например, декретом РВС № 6 от 23 июня 1918 года начальником фронтового политотдела был назначен Н.А. Ефимов[16]. Однако уже 26 июня декретом РВС № 7 указанную должность занял участник заседания 11 июня левый эсер М.М. Миронов. Причём из документа следовало, что заведующим политотделом и секретарём РВС его необходимо было считать с 14 июня[17]. На этой должности он пробыл недолго. В связи с антибольшевистским выступлением партии левых социалистов-революционеров в Москве 6—7 июля 1918 года многие её члены были лишены возможности работать в гражданских и военных органах. Так, из фронтового политотдела 9 июля 1918 года было уволено большое количество составлявших его основу левых эсеров во главе с М.М. Мироновым. Вместо него заведующим политотделом был назначен П.С. Шушков[18]. Однако и при новом начальнике «за неимением людей с одной стороны и средств с другой» наладить работу данного подразделения также не удалось[19]. Приказом РВС № 36 от 28 июля 1918 года П.С. Шушков был уволен с указанной должности «согласно прошению». Вместо него заведующим политотделом был назначен член ВЦИК Машкевич[20]. Но согласно приказу РВС № 34 от 28 июля все комиссары должны были обращаться в совет исключительно через члена РВС Ф.Ф. Раскольникова, «в ведении которого находится политический отдел»[21]. Логично предпо-

ложить, что, исходя из указанных документов, политработой на фронте управляли сразу два человека, что не способствовало её регламентации.

Похожая ситуация имела место на армейском уровне. Процесс создания 1-й армии Восточного фронта берёт своё начало с декрета РВС Восточного фронта от 16 июня 1918 года, согласно которому командующим объединением назначался А.И. Харченко[22]. Тогда же политическим комиссаром 1-й армии стал О.Ю. Калнин, который был командирован на фронт президиумом Московского совета рабочих и крестьянских депутатов Рогожско-Симоновского района ещё 7 июня. Официальное вступление его в указанную должность произошло после подписания членами РВС декрета № 8 от 26 июня 1918 года[23]. Несмотря на то что уже в конце июня согласно сведениям О.Ю. Калнина при штабе армии действовал политический отдел под начальством М.Л. Мазо, данный орган длительное время являлся скорее канцелярией при политическом комиссаре, нежели центром руководства политработой в объединении[24]. Лишь в конце июля — начале августа в документах стала фигурировать должность заведующего политическим отделом. На протяжении второй половины 1918 года заведующие политотделом 1-й армии менялись в среднем раз в месяц (Р.Я. Сална-Зведрис: конец июля — 13 августа, П.М. Войтик: 13 августа — 10 сентября, К.А. Козлов: 10 сентября — 18 октября, М.Л. Мазо: 18 октября — 6 ноября, А. Савельев: 6 ноября 1918 — начало января 1919 г.), что также не давало возможности работникам полноценно войти в курс дела[25]. Лишь после вступления в должность А. Савельева «наметилась вполне правильная систематичная организация Политода»[26].

Неудивительно, что в сложившихся условиях чёткая регламентация распределения комиссаров и агитаторов, отправлявшихся на Восточный фронт из Центра, между воинскими объединениями и соединениями отсутствовала. Например, центральное руководство и местные большевистские организации, игнорируя фронтовой политотдел как главный политический орган того или иного объединения, довольно часто направляли партийных работников напрямую в войска либо в распоряжение представителей командного состава. Очевидно, что подобный способ вызывал недовольство заведующих фронтовыми политотделами. Так, в телеграмме, направленной Л.Д. Троцкому и заведующему оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам С.И. Аралову 25 июня 1918 года, М.М. Миронов жаловался, что Центр отправляет политработников в распоряжение главкома М.А. Муравьёва, а не в политотдел. Это создавало «нежелательные трения, ибо главнокомандующий посылает их ко мне уже с определёнными директивами на весьма ответственные должности, не зная даже их...». Поэтому М.М. Миронов настаивал на необходимости подчинения всех комиссаров Восточного фронта себе и Г.И. Благонравову[27]. Аналогичную просьбу «всех ответственных политических работников непосредственно направлять в политический отдел» отправил в Центр Г.И. Благонравов 28 июня 1918 года[28]. Вскоре такая установка была продублирована на более высоком уровне. 13 июля 1918 года В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий дали указание председателю Высшей военной инспекции Н.И. Подвойскому в Курск: «Партийных работников направлять исключительно в распоряжение Революционного военного совета»[29]. Однако данное требование не всегда соблюдалось. Об этом свидетельствуют удостоверения, которые выдавались комиссарам в оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам. Например, в одном из них, подписанном 24 июля 1918 года, значилось: «Предъявитель сего тов. Карл Лукка, агитатор, член партии коммунистов-большевиков, командируется в распоряже-

«Много прошло товарищей для политической работы из Петрограда, Москвы в армию, но распределение шло безответственно, не было условлено — куда и как их посылать в войсковые части»

ние В-Рев. Сов. 1 армии [в] г. Инзу для агитации на местах»[30]. 13 августа 1918 года похожее удостоверение было выдано Н.А. Александровичу в том, что он, «член партии коммунистов-большевиков, командируется в распоряжение ВРС в гор. Инза для агитации на местах»[31]. Эта информация подтверждается и политическими сводками по 1-й армии конца июля — начала августа 1918 года, где также сообщалось о прибытии комиссаров и агитаторов напрямую из Москвы или Петрограда[32]. Тем не менее определённая часть работников попадала в 1-ю армию через фронтовой политотдел.

О.Ю. Калнин сообщал М.М. Миронову: «Что касается принципа, запрещающего непосредственные информации центра, я нахожу необязательным, так как бывают случаи экстренного разрешения вопросов, касающихся техническ[ой] стороны всей армии»

Например, 2 августа 1918 года РВС докладывал о прибытии из Москвы 36 агитаторов, которые сразу же были направлены «в район войск, отступающих из-под Симбирска», т.е. в 1-ю армию[33]. Об этом также свидетельствуют тексты удостоверений, выданных комиссарам 1-й армии во фронтовом политотделе в августе[34] и сентябре 1918 года[35].

Одной из причин, обусловивших такую тенденцию при распределении политических работников, являлось непосредственное обращение армейских комиссаров и заведующих политотделами в центральные органы и местные партийные организации с требованиями прислать необходимые кадры по причине отсутствия помощи со стороны фронтового политотдела. При этом его заведующие всегда выступали против нарушения субординации, что вызывало очевидное недовольство армейских комиссаров. Например, в телеграмме от 4 июля 1918 года О.Ю. Калнин сообщал М.М. Миронову: «Что касается принципа, запрещающего непосредственные информации центра, я нахожу необязательным, так как бывают случаи экстренного разрешения вопросов, касающихся техническ[ой] стороны всей армии». Реакция М.М. Миронова на это замечание была достаточно бурной, о чём свидетельствует его резолюция: «Срочно указать Калнину на его бестактность и в выражениях порекомендовать ему быть более воздержанным, а также указать ему, что Калнин ответственен перед Револ[юционным] Воен[ным] Сов[етом] и только который имеет право потребовать более уважительного отношения к себе»[36]. Тем не менее в телеграмме от 5 июля 1918 года О.Ю. Калнин вновь протестовал «против единоличного запрещения [в] крайне необходимых случаях снестись мимо политического отдела с центром». При этом политический комиссар обращал внимание М.М. Миронова, что «все сношения с центром также будут извещаться Вам...»[37]. Примечательно, что курс О.Ю. Калнина на налаживание взаимоотношений с Москвой и Петроградом без посредничества фронтовой инстанции вскоре стал приносить свои плоды. Так, в политической сводке от 16 июля 1918 года сообщалось: «Из Москвы по требованию через отправляющегося туда товарища прибыло 8 человек хороших политических работников, которые уже распределены в вышеозначенные пункты»[38].

Попытки фронтового политотдела наладить процесс распределения политкомов и агитаторов на армейском и дивизионном[39] уровнях также встречали сопротивление. М.М. Миронов считал, что именно он должен заниматься назначением и отстранением ответственных работников в отдельных частях и подразделениях, а не политический комиссар объединения. Кроме того, Миронов в своих распоряжениях, датируемых концом июня — началом июля 1918 года, настаивал, чтобы комиссары частей и отрядов подчинялись непосредственно ему, а не армейскому руководству[40]. Например, в начале июля он отозвал во фронтовой политотдел сразу несколько армейских работников, которые уже были назначены на различные должности[41]. Очевидно, что О.Ю. Калнин был категорически не согласен с данной точкой зрения. 5 июля 1918 года он отправил М.М. Миронову телеграмму с протестом «против назначения

без моего ведома политических комиссаров при группах, напр[имер] Симбирской, несмотря на это, я повторяю, если Вы требуете нормальную централизованную работу, то сообщайте при каких отрядах помимо меня Вами назначены политические комиссары... Я удивлён, по какой причине Ваш политический отдел затребовал в Казань т.т. Андреева и Шерепова. Требование исполнено, но остаюсь недоволен подобными действиями». В ответ заведующий отделением связи и информации политотдела фронта Н.И. Яковлев сообщил О.Ю. Калнину, что «комиссары и агитаторы не будут назначаемы без вашего ведома». Примечательно, что политический комиссар 1-й армии не требовал монопольного права самостоятельно распоряжаться кадрами. Единственная просьба, которую он высказал, касалась лишь уведомления его о том или ином назначении[42]. Помимо М.М. Миронова осуществлять контроль над комиссарами пытался главком М.А. Муравьёв. Например, 29 июня 1918 года помощник командующего Симбирской группой войск Х.Г. Гинтер телеграфировал О.Ю. Калнину, что «главнокомандующий Муравьёв считает возможным политического комиссара в Симбирской группе не назначать», так как её командующий «вместе [с] тем и военный комиссар, и член местного исполкома [и] выдвинут фракцией левых эсеров»[43].

Осенью 1918 года в процессе распределения политических работников по Восточному фронту и их назначения на ответственные должности произошли некоторые изменения, многие из которых были инициированы И.Н. Смирновым, назначенным приказом РВС № 3

Г.И. Благонравов — член РВС Восточного фронта

К.Х. Данишевский — член РВС Восточного фронта

Ш.Н. Ибрагимов (в центре) — председатель мобилизационного отдела штаба 1-й армии, командирован на Восточный фронт Московским комитетом РКП(б)
Ноябрь 1918 г.
Из собрания Мордовского республиканского объединённого краеведческого музея имени И.Д. Воронина. ОФ. 2349/48

от 3 сентября на должность заведующего политотделом фронта[44]. Местные работники ждали его прибытия с большим нетерпением по причине продолжавшейся неорганизованности в политической работе. Ещё 1 сентября член РВС К.Х. Данишевский телеграфировал Л.Д. Троцкому: «Работа политического отдела, особенно издательство, ужасно терпит из-за отсутствия должного руководителя. Прошу [в] виду этого немедленно командировать Смирнова Ивана Никитича в Арзамас для постановки на фронте издания газет, воззваний и пр.»[45]. Однако произошедшее спустя несколько дней событие чуть было не поставило планы фронтового РВС под угрозу. 6 сентября 1918 года постановлением ВЦИК был создан Революционный военный совет Республики (РВСР) — высший коллегиальный орган управления Красной армией, членом которого стал упомянутый выше И.Н. Смирнов. 2 октября 1918 года при РВСР был создан политический отдел, председателем которого также был назначен И.Н. Смирнов[46]. Несмотря на то что РВСР и РВС Восточного фронта находились в одном городе — Арзамасе, необходимость выполнения обязанностей сразу

Смерть комиссара
Художник К.С. Петров-Водкин, 1928 г.

на нескольких ответственных должностях играла свою негативную роль.

Вопреки тому, что создание РВСР должно было ликвидировать существовавшую до того момента децентрализацию в руководстве Вооружёнными силами, в деле координации деятельности политкомов подобной регламентации пока добиться не удалось, так как сформированный при РВСР политический отдел, отвечавший за работу фронтовых комиссаров, действовал наряду с Всероссийским бюро военных комиссаров, который хоть и был подчинён РВСР, но контролировал только специалистов в тылу[47]. И.Н. Смирнов на совещании заведующих армейскими политотделами Восточного фронта 20—24 октября 1918 года отмечал: «Между П[олитическим] О[тделом] и Бюро идёт конкуренция из-за распределения политических работников»[48].

В первые дни после назначения на должность заведующего фронтовым политотделом И.Н. Смирнов предпринял попытку наладить процесс распределения комиссаров и агитаторов между армиями Восточного фронта. На упомянутом совещании заведующих политотделами он заявил: «Я установил правильное распределение и вошёл в соглашение с ЦК, чтобы т.т. присылались на фронт только через Арзамас»[49]. Соглашению, о котором говорилось в данной фразе, предшествовало письмо, направленное в начале сентября 1918 года во ВЦИК, ЦК РКП(б) и оперод Наркомвоена:

«До сего времени каждая из армий, действующая в этом районе, удовлетворяла свои нужды в живых партийных силах (комиссарах, организующих и агитаторах) и в агитационной литературе совершенно самостоятельно, сносясь непосредственно с Москвой.

Неизбежным следствием такого кустарничества явилось крайне неравномерное распределение партийных работников по армиям, во-первых, и, во-вторых, бессистемное, случайное снабжение литературой.

В дальнейшем это положение вызвало во всех армиях нарекание на Центральные (Московские) учреждения за их якобы небрежное отношение к нуждам армии. Правды в этих нареканиях, конечно, не было, но есть налицо следствие анархического пользования живыми силами и литературой. Есть оторванность армий друг от друга и неосведомлённость в Московских центрах о положении политической работы на местах.

Необходимость организационной политической работы по всему фронту осознана теперь всеми, и мы должны вместе с Вами немедленно начать действовать планомерно». Далее И.Н. Смирнов предлагал: «Всех людей, посылаемых Вами для 5, 4, 3, 2 и 1 армий, необходимо посылать в Арзамас. Здесь и ведётся учёт всем партийным силам в армиях и происходит распределение»[50].

Однако данная попытка вновь не принесла никаких результатов, о чём свидетельствует возобновившаяся практика отправки армейскими комиссарами требовательных телеграмм непосредственно в Центр. 26 сентября 1918 года заведующий политическим отделом 1-й армии К.А. Козлов писал в Московский городской комитет РКП(б): «Присылайте работников [в] первую армию... Шлю привет Московским товарищам»[51]. Заведующий политотделом 1-й армии А. Савельев, назначенный 6 ноября, также телеграфировал в Хамовнический районный комитет партии (г. Москва), членом которого он был до отправки в Красную армию, с требованием отправки необходимых кадров: «Будучи посланы на фронт вами, мы просим вас оказать нам помощь... Прислать в 1-ю армию необходимых партийно-политических работников, особенно военно-политических комиссаров, квалифицированных пропагандистов и лекторов...»[52]. Справедливости ради стоит отметить, что подобные телеграммы в конце сентября и первой половине октября 1918 года направлялись и во фронтовой политот-

«До сего времени каждая из армий, действующая в этом районе, удовлетворяла свои нужды в живых партийных силах и в агитационной литературе совершенно самостоятельно, сносясь непосредственно с Москвой»

дел[53]. На этот раз их результативность была неоднозначной. Резюмируя опыт общения с вышестоящими органами, К.А. Козлов на совещании заведующих политотделами 21 октября 1918 года сообщил, что «Москва и Арзамас на запросы не отвечали». Но далее он добавил: «По отношению [к] П[олитическому] О[тделу] питерское партийное бюро одно время играло контролирующую роль, самостоятельно посылало в отряды политических работников»[54].

Отсутствие регламентации в деле распределения комиссаров и агитаторов между РВСР и Всебюровоенкомом было фактически ликвидировано в ноябре 1918 года, когда политотдел РВСР был влит во Всебюровоенком. Ему же было передано право руководства армейскими комиссарами. Тогда же в состав Всебюровоенкома вошло военно-политическое отделение оперода (оперативного отдела. — **Прим. авт.**) Наркомвоена[55]. Однако на армейском уровне решить проблему нарушения субординации и игнорирования фронтового политотдела на тот момент так и не удалось. В докладе, подготовленном И.Н. Смирновым и полученном в ЦК РКП(б) 2 декабря 1918 года, сообщалось, что «случаи обращений отдельных воинских групп непосредственно к председателю ЦК и Совнаркома» в политической сфере по-прежнему происходили «сплошь и рядом».

Образование политического отдела при Реввоенсовете Республики должно было положить конец «кустарничеству» в политической деятельности, однако «сепаратизм преодолевается с большим трудом, преодолеть же его необходимо, иначе невозможно правильно распределять партийные силы по фронтам и армиям»[56].

Забегая вперёд, отметим, что и в 1919 году наблюдались случаи игнорирования фронтового политотдела. На совещании заведующих политотделами армий Восточного фронта (20—23 июля) заведующий учётно-распределительным отделом фронтового политотдела отмечал: «С момента призыва ЦК партии “Все на Восточный фронт”[57] и мобилизации, в связи с этим призывом партийных сил, прошло через Секретариат Востфронта 550 человек, направленных в Политотделы армий. Это незначительное количество прошедших через Секретариат товарищей объясняется тем, что значительная часть их направлялась непосредственно в Политотделы армий»[58].

Таким образом, как в 1918 году, так и по крайней мере в первые месяцы 1919 года создать систему грамотного и равномерного распределения политработников на Восточном фронте так и не удалось. Первоначально это было обусловлено неналаженностью работы главных органов, занимавшихся решением данного вопроса на центральном, фронтовом и армейском уровнях, а также отсутствием чёткой регламентации процесса. Несмотря на то что осенью 1918 года указанную проблему удалось решить, главной причиной сложившегося положения являлось частое игнорирование центральным и армейским руководством посредничества фронтового политотдела при распределении комиссаров и агитаторов, а также при отправке требовательных телеграмм о присылке нужных политработников. Примечательно, что, выступая против подобной практики, фронтовое начальство некоторое время также нарушало субординацию при назначении комиссаров и агитаторов непосредственно в войсках, игнорируя армейский политотдел.

Примечания

[1] См. основные работы по данной теме: *Живилов В.М.* Военные комиссары — руководители и организаторы партийно-политической работы в Красной Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971. 222 с.; *Петров Ю.П.* Военные комиссары в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1956. 148 с.; *он же.* КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920). М.: Воениздат, 1961. 440 с.

[2] *Абрамов В.В.* Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918—1922 гг.) (по материалам Пензенской губернии): дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004. 283 с.; *Гороховский Н.Н.* Становление и правовой статус военных трибуналов в Среднем Поволжье: ноябрь 1917 г. — 1922 г.: дисс. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. 161 с.

[3] *Алёхин И.А., Кузнецов А.С.* Военные комиссары — предвестники военно-политических органов в Рабоче-крестьянской Красной армии // Мир образования — образование в мире. 2020. № 1(77). С. 9—14; *Арзамаскин Ю.Н.* Институт военных комиссаров в годы Гражданской войны в России // Военный академический журнал. 2019. № 1(21). С. 45—50; *он же.* Комиссары. 1917—1942 гг. М.: Вече, 2020. 464 с.; В дыму походов, в огне боёв...: к 100-летию создания института военных комиссаров в Красной Армии. М.: ВУ, 2018. 560 с.; Военные комиссары // Россия в Гражданской войне 1918—1922: энциклопедия в 3 т. Т. 1: А — З. М.: РОССПЭН, 2021. С. 376, 377; *Иполитов Г.М.* Из истории агитационной работы политических органов Восточного фронта (1918—1920 гг.): фрагмент будущей монографии // Клио. 2021. № 9(177). С. 45—51; *он же.* Моральный дух Красной армии и его укрепление (1918—1923 гг.): исторический опыт. Самара: Ас Гард, 2010. 386 с.; *Калашни-*

кова Е.Б. Идеологическая деятельность органов советской власти в войсках действующей армии: 1918—1920 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. 236 с.; *Киселёв А.С., Половецкий С.Д.* Партийно-политическая работа в Красной армии в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции в России // Военный академический журнал. 2019. № 1(21). С. 51—59; *Лысенков С.Г.* Военные комиссары — организаторы воспитательной работы в Красной армии в период Гражданской войны в России // Научное мнение. 2018. № 12. С. 32—37; *Посвятенко О.Н.* Деятельность органов государственной власти и военного управления по политическому воспитанию военнослужащих Красной армии: 1918—1924 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 245 с.

[4] *Петров Ю.П.* КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920). С. 49.

[5] Там же. С. 155.

[6] Из истории Гражданской войны в СССР (май 1918 — март 1919) в 3 т. Т. 1. М.: Советская Россия, 1960. С. 142—144.

[7] См., например: *Петров Ю.П.* КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920). С. 221—226.

[8] Чехословацкий фронт был создан приказом народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого от 31 мая 1918 г. (См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969. С. 95).

[9] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 121—122.

[10] Декреты Советской власти в 18 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1959. С. 429, 430.

[11] РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 58. Л. 121—122.

[12] Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

[13] Там же. Оп. 2. Д. 19. Л. 3, 3 об.

[14] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. Л. 1—2.

[15] Там же. Ф. 106. Оп. 2. Д. 19. Л. 3, 3 об.

[16] Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

[17] Там же. Л. 8.

[18] Данная кадровая перестановка была оформлена декретом РВС № 15 от 9 июля 1918 г. См.: РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

[19] РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 19. Л. 3, 3 об.

[20] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258. Л. 37.

[21] Там же. Л. 35.

[22] Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

[23] *Калнин О.Ю.* Борьба на Восточном фронте // Годовщина Первой революционной армии. М.: Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. С. 70; РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

[24] *Калнин О.Ю.* Указ. соч. С. 73; РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44. Л. 179.

[25] Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя. М.: Индрик, 2009. С. 283, 284; *Башкирцев И.С.* Политработа в 1-й армии // За счастье народное: воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969. С. 220; РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 19. Л. 182, 182 об.; Д. 112. Л. 33, 33 об.; Ф. 157. Оп. 2. Д. 156. Л. 236, 386—387 об.

[26] *Лопухов В.* Из истории политической работы в Первой армии // Годовщина Первой революционной армии. М.: Литературно-издательский отдел Политического Управления Революционного Военного Совета Республики, 1920. С. 35.

[27] РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 197—198.

[28] Там же. Оп. 1. Д. 232. Л. 265 об.

[29] *Ленин В.И.* Неизвестные документы, 1891—1922. М.: РОССПЭН, 1999. С. 242.

[30] РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 156. Л. 446.

[31] Там же. Д. 9. Л. 209.

[32] Там же. Ф. 106. Оп. 2. Д. 4. Л. 94, 99, 104.

[33] *Бритов В.В.* Рождение Красной Армии. М.: Госуд. учебно-педагогич. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1961. С. 72.

[34] РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 9. Л. 106.

[35] Там же. Д. 156. Л. 226.

[36] Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 28. Л. 6.

[37] Там же. Л. 13.

[38] Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 581. Л. 128—129.

[39] Во второй половине 1918 г. в состав 1-й армии входили следующие соединения — Симбирская группа войск, реорганизованная в конце июля 1918 г. в Симбирскую дивизию, а также Пензенская и Инзенская дивизии. Последняя в декабре 1918 г. была переправлена на Южный фронт.

[40] РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 198; Ф. 106. Оп. 7. Д. 25. Л. 76.

[41] Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 569. Л. 55—56, 298, 299.

[42] Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 28. Л. 13—18.

[43] Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 569. Л. 151—152.

[44] Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

[45] Там же. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 24. Л. 25, 25 об.

[46] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. Л. 1—2.

[47] *Петров Ю.П.* КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920). С. 156—158.

[48] РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. Л. 11.

[49] Там же. Л. 1.

[50] Там же. Ф. 106. Оп. 2. Д. 19. Л. 115, 115 об.

[51] Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 575. Л. 224—225.

[52] *Сибельдин Н.П.* Борьба коммунистической партии за укрепление Восточного фронта в начале иностранной военной интервенции и гражданской войны // Из истории борьбы КПСС за власть Советов. [М.]: [б.и.], 1959. С. 126.

[53] РГВА. Ф. 106. Оп. 2. Д. 112. Л. 12, 25, 25 об., 27, 27 об.

[54] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451. Л. 4.

[55] *Петров Ю.П.* КПСС — руководитель и воспитатель Красной Армии (1918—1920). С. 156—158.

[56] Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (ноябрь—декабрь 1918 г.). М.: Госполитиздат, 1970. Сб. 5. С. 354, 355.

[57] Речь идёт о партийной мобилизации весной 1919 г., целью которой являлась отправка политических работников на Восточный фронт для борьбы с вооружёнными силами А.В. Колчака.

[58] РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 190. Л. 11 об.

Ye.O. Naumov

«PARTY FUNCTIONARIES TO BE PLACED STRICTLY AT THE DISPOSAL OF THE REVOLUTIONARY MILITARY COUNCIL»

Distribution of Red Army commissars and agitators in the second half of 1918 as exemplified by the 1st Army of the Eastern Front

Information about author. *Yevgeny Naumov — researcher at the I.D. Voronin Modern History Section of the Mordovia Republican Amalgamated Local Lore, History and Economy Museum, Cand. Sc. (Hist.) (city of Saransk. E-mail: naumoveo@mail.ru).*

Summary. *The paper examines the specific features of the Red Army leadership setting up a system of consistent and even distribution of commissars and agitators at the Eastern Front as part of the organizational entity of center-front-army-division then in the making. The point of the research is to discover things that hampered the system creation, and also analyze the methods of dealing with the emerging problems used by the central, front and army command. Despite the numerous previously undertaken attempts, above all by the front authorities, they failed to set going the process of correct distribution of political workers in the second half of 1918 and even in the first half of 1919. The reason was the desire of the central and army command to work without the lengthy and allegedly unnecessary mediation of the front leadership, which greatly speeded up the business of appointing commissars and agitators to various posts. However, violation of subordination also had negative effects, such as uneven distribution of political workers across the front while it was impossible to keep correct and accurate records thereof.*

Keywords: *Civil War; Red Army; Eastern Front; military commissars; RWS; subordination; L.D. Trotsky; M.M. Mironov; O.Yu. Kalnin; I.N. Smirnov.*

А.Ю. Лашков

«НЕ ДОПУСТИТЬ НИ ОДНОГО САМОЛЁТА ПРОТИВНИКА К ГОРОДУ ЛЕНИНГРАД»

Организация противовоздушной обороны Ленинграда в годы Советско-финляндской войны

Сведения об авторе. *Лашков Алексей Юрьевич — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, доктор исторических наук, доцент (Москва. E-mail: lashkov3@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье рассмотрены организация противовоздушной обороны Ленинграда в ходе Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и её роль в общей системе ПВО Северо-Западного региона страны в зоне военных действий. Отсутствие до начала 1940 года единого поля воздушного обнаружения на войсковом уровне в зонах ответственности советских объединений позволяло вражеским самолётам периодически проникать в наш глубокий тыл. Автор также отмечает многочисленные случаи нарушения своей авиацией правил полётов в зоне ответственности ПВО Ленинграда. Актуальность темы обусловлена современной военно-политической обстановкой, связанной со стремлением руководства блока НАТО превратить территорию Финляндии в очередной плацдарм своих агрессивных устремлений против Российской Федерации. Содержание работы построено на материалах государственных и ведомственных архивов. Часть документов впервые вводится в научный оборот.*

Ключевые слова: *Советско-финляндская война; Ленинград; противовоздушная оборона; 2-й корпус ПВО; истребительная авиация; зенитная артиллерия; войска ВНОС; аэростаты заграждения; М.М. Процветкин; Ф.Я. Крюков; В.М. Добрянский; А.С. Благовещенский.*

Город Ленинград в межвоенный период являлся стратегически важным административным пунктом противовоздушной обороны страны. Для его защиты от воздушного нападения в октябре 1937 года на базе управления ПВО Ленинграда и подчинённых ему частей был сформирован 2-й корпус ПВО[1] (1-го формирования, полковник М.М. Процветкин[2] (врио), позднее — комбриг Ф.Я. Крюков[3]), включавший в себя части всех родов войск противовоздушной обороны[4] (кроме истребительной авиации (ИА)) с решением соответствующих для них задач.

С началом Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. командованию корпуса ПВО была поставлена конкретная задача: «Не допустить ни одного самолёта противника к городу Ленинград»[5]. В 8.00 30 ноября 1939 года в городе была объявлена первая воздушная тревога. При этом организация противовоздушной обороны города на Неве строилась «несколько в иных принципах, чем это предусматривалось при обороне пунктов в тылу страны»[6].

Для прикрытия города с воздуха из состава ИА Ленинградского военного округа (ЛенВО) была выделена 54-я истребительная авиабригада[7] (иабр, 168 самолётов)[8] под командованием полковника А.С. Благовещенского[9]. Авиабригада состояла из 19, 26-го и 44-го истребительных авиационных полков (иап)[10]. Для истребительной авиации были выделены четыре зоны патрулирования, три зоны сбора частей в воздухе (в районе аэроузлов) и система постов наведения. Полки 54 иабр базировались на аэродромы Горелово, Углово, Б. Манушкино, Ропша, Витино и Горская в непосредственной близости от Ленинграда[11].

В радиусе 20—25 км от центра города была организована зона зенитной артиллерии (ЗА), полностью обеспеченная световым полем прожекторных частей. Для борьбы с низколетящими самолётами противника отдельные объекты пункта (железнодорожные мосты, транспортные узлы, важные предприятия) прикрывались, кроме того, зенитными пулемётными частями. Все зенитные средства подчинялись начальнику артиллерии 2-го корпуса ПВО майору П.Г. Слепченко[12].

По границе города проходили зоны аэростатов заграждения (АЗ). В состав 2-го корпуса ПВО входили 3-й и 4-й полки АЗ (с сентября 1939 г.)[13]. На их вооружении стояли одиночные аэростаты заграждения и аэростаты заграждения системы тандем «КВ-КН» и «КТВ-КТН», а также несколько экспериментальных систем триплет «ТВ-ТС-ТН». Высота подъёма одиночного аэростата заграждения составляла 2,5 км, а тандема — до 4,5 км. Они должны были прикрывать воздушное пространство непосредственно над объектом и на подступах к нему, не допуская противника на высоту менее 2,5(2,8) — 4,5 км и исключая его снижение над объектом и бомбометание с пикирования. Согласно установленным нормам корпус ПВО должен был прикрывать аэростатами заграждения площадь 200—400 кв. км[14].

Посты АЗ выставлялись вокруг Ленинграда в несколько рядов, а в центральной части — в шахматном порядке. Наибольшая плотность постов аэростатов заграждения отмечалась в северо-западной части города, наиболее близкой к театру военных действий.

М.М. Процветкин

Вскоре к воздушному патрулированию города и его ближайших окрестностей приступили лётчики. Однако оно носило периодический характер (в зависимости от степени опасности воздушных налётов финской авиации).

Одновременно поступило распоряжение об организации светомаскировки Ленинграда. Впервые временный режим светомаскировки в качестве тренировки местной противовоздушной обороны (МПВО) был введён в городе 16 ноября 1939 года, т.е. ещё до начала военных действий[15].

Штаб МПВО УНКВД СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области главной задачей в своей работе определил «приведение в готовность сил и средств МПВО районов и городов угрожаемой зоны и установление такого светомаскировочного режима, обеспечивавшего бы скрытность г. Ленинграда от воздушного противника в радиусе 100—130 км вокруг г. Ленинграда»[16]. Для решения этой задачи (на основании приказа начальника ПВО ЛенВО от 29 ноября 1939 г.) штаб МПВО области распорядительным порядком привёл в готовность систему местной противовоздушной обороны районов и 24 городов в 100-км зоне вокруг Ленинграда[17].

В соответствии с ранее принятой директивой военного совета Ленинградского военного округа от 22 августа 1937 года № 3034/сс в ожидании воздушного налёта на Ленинград в первые недели войны были приняты меры по организации режима ра-

Впервые временный режим светомаскировки в качестве тренировки местной противовоздушной обороны был введён в городе 16 ноября 1939 года, т.е. ещё до начала военных действий

диомолчания. В частности, прекращалась работа всех раций (кроме военных) в диапазоне 50—120 МГц и в радиусе 100 км от города, а также всех длинноволновых и радиовещательных радиостанций[18].

Для организации боевой работы в составе штаба 2-го корпуса ПВО были созданы две группы под руководством исполнявшего должность помощника командира корпуса комбрига М.М. Процветкина и начальника штаба полковника В.М. Добрянского[19], которые поочерёдно несли дежурство.

В первый же день войны под обстрел своих зенитных средств попали советские самолёты, нарушившие режим полётов над запретной зоной в границах города. В этой связи командование 2-го корпуса ПВО было вынуждено признать, что «полёты без предварительного предупреждения штаба ПВО и в запретной зоне над Ленинградом по-прежнему имеют массовый характер, что не гарантирует безопасности полётов наших самолётов и создаёт условия, при которых возможен пролёт к городу (Ленинграду) самолётов противника»[20].

2 декабря в воздух были подняты аэростаты заграждения в диапазоне высот 2000—3500 м[21]. При этом не обошлось без аварий. В результате обледенения троса восемь АЗ оторвались и были отнесены за пределы зон дежурства. Позднее, чтобы снизить процент аварийности, стали временно ограничиваться высотами 1800—2500 м. Тем не менее в результате технических причин и плохих метеоусловий к 27 декабря 1939 года был

Ф.Я. Крюков

потерян (приведён в негодность) 21 аэростат заграждения (3-й полк АЗ — 18, 4-й полк АЗ — 3)[22].

На следующий день постами воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) были зафиксированы отдельные полёты самолётов-разведчиков противника севернее Ленинграда в тылу наших войск. С целью раннего обнаружения неприятельских воздушных целей с 4 декабря посты ВНОС стали перемещать на территорию Карельского перешейка, занятую советскими частями. Вскоре к ним добавились радиолокаторы РУС-1 «Ревень», принятые на вооружение ПВО РККА в 1939 году.

В составе Краснознамённого Балтийского флота (КБФ) к 8 декабря 1941 года также выставлялись посты ВНОС. Они были расположены на островах Финского залива: Сескари (Сескар), Нарви (Нерва), Лавен-Саари (Мощный), Малом и Большом Тютерс, Суур-Саари (Гогланд). Связь с ними штаб 2-го корпуса ПВО поддерживал по радио[23].

Тем временем не прекращавшиеся нарушения режима полёта вблизи Ленинграда своей авиации заметно беспокоили штаб 2-го корпуса ПВО. Так, 20 декабря в 18.30 в районе военного городка Сертолово средства ВНОС обнаружили четыре неизвестных самолёта. Зенитными расчётами 115-го артиллерийского полка по ним был открыт заградительный огонь (выпущено 79 снарядов). После уточнения данных самолёты оказались из состава ВВС 7-й армии, своевременно не оповестившие подразделения противовоздушной обороны о своём маршруте[24].

Создавшимся положением, несомненно, пользовался противник. Для проникновения в тыловые районы советских частей финские лётчики иногда использовали наши опознавательные знаки на своих самолётах. Так, по донесению оперативного дежурного города-крепости Шлиссельбург, 19 декабря 1939 года финский самолёт с надписью «СССР» на борту и крыльях подверг бомбардировке район лесозавода Ильинский (без видимого для него ущерба)[25]. Информацию об этом факте штаб 2-го корпуса ПВО довёл до всех подчинённых частей и подразделений, а также потребовал от них ещё раз ознакомить личный состав войск ВНОС и ЗА с опознавательными знаками ВВС РККА в зоне боевых действий.

В свою очередь лётчики ИА ПВО помимо организации воздушного прикрытия города периодически

задействовались в интересах действующей армии на Карельском перешейке. Имели место и боевые потери. В частности, 24 декабря из очередного вылета не вернулся адъютант 2-й эскадрильи 26-го истребительного авиационного полка младший лейтенант И.Ф. Мансуренко[26]. При штурмовке позиций противника его самолёт был подбит зенитным огнём[27] и упал в оз. Рахка-ярви (Нарядное) в 2—3 км к югу от оз. Пюхя-ярви (Отрадное). Это стало первой боевой потерей в составе 54 иабр.

До конца 1939 года ИА ПВО в установленных зонах патрулирования в районе Ленинграда выполнила 1002 самолёто-вылета.

Утром 1 января воинов противовоздушной обороны города на Неве с Новым годом поздравил второй секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) А.А. Кузнецов, пожелавший «ещё больших успехов в деле повышения боевой и политической подготовки частей и усиления бдительности по защите гор. Ленинграда»[28].

Отсутствие единого поля воздушного обнаружения на войсковом уровне в зонах ответственности советских объединений позволяло вражеским самолётам периодически проникать в наш глубокий тыл. С целью частичного исправления создавшегося положения в начале 1940 года в границах 2-го корпуса ПВО были скорректированы места расположения радиолокационных станций (РЛС) РУС-1 «Ревень». Они размещались на следующих участках: 01 — Лигово, Ванха-Яами; 10 — Ванха-Яами, Сипарила;

А.С. Благовещенский

20 — Сипарила, Перкярви; 19 — Перкярви, Руси; 18 — Руси, Кандакюля, 21 — Руси, Курголово[29]. Вскоре к ним добавилась РЛС на участке № 15 — Миеттая, Тайвола[30]. При этом радиолокационная станция не была способна решать задачи по опознаванию самолётов и определению курса их полётов[31]. Одновременно на Карельском перешейке, в районе Токсово, в Ленинградском физико-техническом институте Академии наук СССР начали конструировать первую более совершенную РЛС РУС-2 «Редут»[32].

С целью исключения ночных пролётов финской авиации к Ленинграду 12 января 1940 года к северу от города было создано единое световое поле, которое охватывало в том числе и территорию, ранее занятую частями вновь образованного Северо-Западного фронта (СЗФ)[33].

С поступлением на вооружение 2-го пулемётного полка крупнокалиберных пулемётов Дегтярёва — Шпагина ДШК (до 100 единиц) появилась возможность заметно усилить противовоздушную оборону наиболее важных городских объектов в диапазоне малых высот. Для формирования новых команд к полку были прикомандированы 160 красноармейцев, большей частью из состава запасного зенитного пулемётного батальона. Это позволило также сформировать две пулемётные роты в составе 84 человек личного состава и 12 установок[34].

В середине января 1940 года штаб 2-го корпуса ПВО проанализировал многочисленные случаи нарушения своей авиацией правил полётов в зоне ответственности противовоздушной обороны города на Неве и его ближайших районов и пришёл к неутешительным выводам. В частности, в боевом донесении № 44 указывалось следующее: «Части ВВС округа по-прежнему не выполняют указания командующего ВВС и летают без заявок в запретной зоне над Ленинградом и его окрестностями — в зоне огня З.А. /12.01 — полёты 18 СБ [скоростных бомбардировщиков] в Восточном секторе, там же полёты П-5, У-2, Р-5, чем создаются: 1. Условия, при которых /в условиях плохой видимости/ под видом своих могут пролететь к Ленинграду совершенно безнаказанно самолёты противника; 2. Излишне часто и бесцельно /по своим самолётам/ поднимаются по тревоге части, чем притупляется бдительность при несении службы по тревоге; 3. Полёты в запретной зоне, без заявок и с нарушением их, могут в отдельных случаях привести к обстрелу своих

Лётчик-истребитель В.А. Мациевич около истребителя И-16 тип 5
Аэродром Горелово, октябрь 1939 г.

Аэростаты заграждения в небе Ленинграда

Зенитный расчёт за боевой работой
1940 г.

самолётов или наскоку их на трос А.З. и гибели»[35].

16 января командование корпуса противовоздушной обороны отдало распоряжение подчинённым частям о прекращении работы на волне «178 — Воздух», так как посты ВНОС и подразделения связи в условиях боевой обстановки часто принимали донесения о появлении «самолётов неустановленной формы» и требовалось дополнительное время для установления их государственной принадлежности. В частности, в полосе действия объединений, прикрывавших Ленинград на Карельском перешейке, за период с 30 ноября 1939 до 15 января 1940 года было обнаружено несколько десятков таких летательных аппаратов. С целью исключить появление в небе города на Неве подобных самолётов, а также снизить риск поражения собственной авиации комбриг Ф.Я. Крюков приказал: «Ночные полёты на боевое задание с аэродромов в зоне З.А. Ленинграда не производить, т.к. при возвращении с задания самолёты блудят над Ленинградом и подвергаются возможности обстрела. Особенно это касается Левашевского аэродрома[36]»[37]. Прожекторным командам была дана команда: «Наши самолёты для опознавания освещать не более как двумя-тремя лучами. По опознавании освещение прекратить»[38].

За первый месяц 1940 года для организации воздушного патрулирования города и ближайших районов самолёты ИА выполнили 1267 самолёто-вылетов. В феврале численность их вылетов возросла до 4341.

П.Г. Слепченко

К сожалению, вследствие недостаточного взаимодействия с противовоздушной обороной КБФ имели место случаи обстрелов своих самолётов. Так, вечером 15 февраля при возвращении с боевого задания зенитной артиллерией ПВО КБФ был обстрелян истребитель из состава 54 иабр (несмотря на своевременное оповещение о своём полёте). 20 февраля под огонь морских зенитчиков вновь попали наши самолёты[39].

К началу марта 1940 года штаб 2-го корпуса ПВО оценил состояние аварийности в полках аэростатов заграждения города. Так, за период с 1 декабря 1939 по 1 марта 1940 года имели место 68 обрывов аэростатов (в 3-м полку АЗ — 40, в 4-м полку АЗ — 28)[40]. Основными причинами обрывов стали: «1) обледенение тросов — провис на высоковольтные провода и перегорание, 19 шт.; 2) переплетение А.З. в воздухе при разных направлениях ветра, 12 шт.; 3) внезапные порывы шквального ветра, 21 шт.; 4) недостаточный практический опыт у личного состава и халатность»[41].

Для исправления создавшегося положения руководство противовоздушной обороны Ленинграда приняло ряд первоочередных мер, направленных на повышение боевой готовности подразделений аэростатов заграждения. В частности, при организации подъёмов АЗ предусматривалось удаление их от проводов высокого напряжения на расстояние от 500 м до 1 км. Для уменьшения провисания верхних тросов они укорачивались на 300—500 м. Заметно увеличивался интервал между точками расположения АЗ в воздухе (в зависимости от типов аэростатов) на расстояние от 800 до 1200 м. Были улучшены работа метеостанций и кольцевое обслуживание постов АЗ. С личным составом полков дополнительно проведены теоретические и практические занятия по организации эксплуатации и техническому обслуживанию воздушных шаров и другого оборудования.

Одновременно была усилена готовность системы воздушного наблюдения и оповещения к своевременному обнаружению полётов вражеских самолётов в направлении к городу на Неве. И такие случаи имелись. Так, днём 3 марта 1940 года пост ВНОС № 0209 (д. Кириясалы[42]) зафиксировал на большой высоте (за облаками) шум моторов самолётов. Такая же информация поступила и от поста ВНОС № 0214 (д. Хартонен). Учитывая возможность налёта финской авиации на Ленинград, начальник штаба корпуса полковник В.М. Добрянский отдал распоряжение группе ИА, осуществлявшей воздушное прикрытие города, выйти на перехват противника в районе Нового Белоострова (вблизи Ленинграда). Одновременно в воздух по тревоге в зоны патрулирования были подняты 48 истребителей 54 иабр. Финских самолётов обнаружено не было. Согласно дальнейшим сообщениям постов ВНОС неприятельская авиагруппа повернула в сторону линии фронта. В этой связи силы и средства ПВО были переведены в обычный режим боевого дежурства[43].

«Части ВВС округа по-прежнему не выполняют указания командующего ВВС и летают без заявок в запретной зоне над Ленинградом и его окрестностями — в зоне огня З.А.»

В течение трёх дней (1—3 марта) финская авиация подвергла бомбардировке три железнодорожные станции севернее Ленинграда (Белоостров, Куоккола

(Репино) и Тероки (Зеленогорск)). В частности, на станцию Куоккола, где имелся большой запас боеприпасов и горючего, противник сбросил пять фугасных бомб. В ходе проведённого расследования было установлено, что в бомбардировке приняли участие три двухмоторных финских самолёта (неустановленного типа).

В связи с действиями авиации противника в ближнем районе города на Неве штабом 2-го корпуса ПВО были определены первоочередные задачи, включавшие в себя следующее: «1) Армейскими средствами прикрыть станции Белоостров, Куоккола и Тероки, где сосредоточены склады авиационного горючего и бомб; 2) потребовать от лётного состава строжайшего соблюдения запретных зон полётов; 3) закрыть коридор Стрельна — Сестрорецк, запретить аэродромные полёты в запретной зоне Ленинграда на аэродромах Комендантском, Гребной порт, Корпусном, Аэропорт, Левашово, Косимово, Кавголовское озеро, Горская и Сестрорецкий разлив; 4) полёты в 100-км зоне от Л-да производить на высотах не более 800—1000 м и не ниже кромки облаков на 200 м в облачную погоду; 5) разграничить зону действия И.А. ПВО Ленинграда и фронта»[44].

С окончанием военных действий (с 12.00 13 марта 1940 г.) командир 2-го корпуса ПВО комбриг Ф.Я. Крюков отдал распоряжение полностью снять светомаскировку по городу и Ленинградской области. Всего в марте ИА противовоздушной обороны совершила 582 самолёто-вылета (из них только 13 марта — 139). За весь период войны для организации воздушного патрулирования в районе Ленинграда ИА ПВО осуществила 8584 самолёто-вылета с общим налётом 8987 часов[45]. Согласно журналу боевых донесений 2-го корпуса ПВО в зонах патрулирования истребительной авиации над городом и ближайшими окрестностями были выполнены 7192 самолёто-вылета[46].

В условиях близости Ленинграда к театру военных действий и определённой активности финской авиации в течение войны для прикрытия города с воздуха использовался барраж. Способ «дежурство на аэродроме» практически не применялся, так как наши истребители могли «опоздать и в лучшем случае только “наказать” противника, не решив задачи его отражения»[47].

Более 35 раз в воздух поднимались аэростаты заграждения. Основной причиной отказа их подъёмов являлись плохие метеоусловия (сильный ветер, низкая температура).

С середины марта 1940 года в составе противовоздушной обороны Ленинграда и его ближайших районов начался перевод подразделений и частей на мирное положение. К 6 апреля было полностью свёрнуто световое поле (в интересах зенитной артиллерии), а к 10 апреля завершено свёртывание частей аэростатов заграждения.

Новое испытание для системы ПВО города на Неве началось с первых дней Великой Отечественной войны, которое оно с достоинством вынесло, превратившись в серьёзный щит от воздушного нападения немецко-фашистской авиации.

Примечания

[1] Противовоздушная оборона страны (1914—1995 гг.): военно-исторический труд. М., 1998. С. 78.

[2] **Процветкин Михаил Максимович** (15(28) июля 1897 — 5 ноября 1954) — советский военачальник, генерал-майор артиллерии (1940 и 1943). На военной службе с мая 1916 г. Окончил учебную команду при 1-й запасной горной батарее в г. Киеве (1917), артиллерийскую школу комсостава армий Южного фронта (1919), КУКС зенитной артиллерии (1926), Артиллерийскую академию РККА имени Ф.Э. Дзержинского (1934). В ходе Советско-финляндской войны (1939—1940) — исполняющий должность помощника командира 2-го корпуса ПВО, г. Ленинград (октябрь 1938 — июнь 1940). С июня 1940 г. — командир того же корпуса. Великую Отечественную войну завершил в должности командира 13-го корпуса ПВО.

[3] **Крюков Филипп Яковлевич** (10(23) октября 1896 — 28 февраля 1943) — советский военачальник, генерал-майор артиллерии (1940). На военной службе с 1915 г. Окончил артиллерийскую учебную команду (1916), Школу зенитной артиллерии в Петрограде (1924), КУКС зенитной артиллерии РККА (1927), инженерно-командный факультет Артиллерийской академии РККА имени Ф.Э. Дзержинского (1936). В ходе Советско-финляндской войны (1939—1940) — командир 2-го корпуса ПВО, г. Ленинград, помощник командующего войсками ЛенВО по ПВО. Позже — командующий Северной зоной ПВО (с февраля 1941). В период Великой Отечественной войны: в прежней должности, затем начальник ПВО Северного, позднее Ленинградского фронтов (23 июля 1941 — август 1942), заместитель начальника артиллерии Юго-Западного фронта (ноябрь 1942 — февраль 1943).

[4] Рода войск ПВО в полной мере стали формироваться в годы Великой Отечественной войны.

[5] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 13613. Оп. 20352. Д. 17. Л. 1 об.

[6] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 29. Оп. 56. Д. 81. Л. 240.

[7] Приказом командующего войсками Ленинградского военного округа от 11 июля 1938 г. № 00128 54-я истребительная авиационная бригада опера-

тивно была подчинена командиру 2-го корпуса ПВО.

[8] Данные на 25 ноября 1939 г.

[9] **Благовещенский Алексей Сергеевич** (5(18) октября 1909 — 25 мая 1994) — советский военачальник, генерал-лейтенант авиации (1943), лётчик-испытатель 1-го класса (1950), Герой Советского Союза (1938). На военной службе с 1927 г. Окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу ВВС (1928), Борисоглебскую военную авиационную школу лётчиков (1929), Курсы усовершенствования командного состава при Академии Генштаба РККА (1939). Участник боевых действий в Китае (1937—1938). Командир 54-й истребительной авиабригады Ленинградского ВО. В ходе Советско-финляндской войны (1939—1940) — в прежней должности. Затем — командир 60-й истребительной авиабригады (апрель—август 1940), 27-й истребительной авиационной дивизии (август 1940 — январь 1941), заместитель командующего ВВС Дальневосточного фронта (с января 1941). Великую Отечественную войну завершил в должности командира 2-го истребительного авиакорпуса.

[10] *Лашков А.Ю.* Противовоздушная оборона Красной армии и Краснознамённого Балтийского флота в Советско-финляндской войне (1939—1940 гг.) // Военно-исторический журнал. 2019. № 11. С. 4.

[11] ВВС Красной Армии в Зимней войне 1939—1940 // Спецвыпуск журнала «История Авиации». 2006. № 2. С. 80.

[12] **Слепченко Пётр Григорьевич (29 июня** (12 июля) 1902 — 28 февраля 1978) — советский военачальник, генерал-майор артиллерии (1944). На военной службе с июня 1917 г. (с перерывами). Окончил Московскую артиллерийскую школу (1927), курсы подготовки комсостава зенитной артиллерии в г. Севастополь (1927), курсы переподготовки комсостава механической тяги при Артиллерийской технической школе в Ленинграде (1930), КУКС зенитной артиллерии в Москве (1936), ВАК при Артиллерийской академии имени Ф.Э. Дзержинского (1950). Проходил службу на различных командных должностях. В ходе Советско-финляндской войны (1939—1940) — начальник артиллерии 2-го корпуса ПВО, г. Ленинград. Великую Отечественную войну завершил в должности командира 10-го корпуса ПВО.

[13] Историческая справка 6-й отдельной Краснознамённой армии ПВО. С. 8.

[14] *Бернштейн А.И.* Аэростаты заграждения Войск ПВО страны на обороне Москвы в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во МАИ, 2003. С. 10, 11.

[15] *Тягур М.И.* Ленинград во время Советско-финляндской войны 1939—1940 гг.: трансформация повседневной и хозяйственной жизни города // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 2(33). С. 79.

[16] РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 775. Л. 29.

[17] Там же.

[18] Там же. Д. 765. Л. 16.

[19] **Добрянский Валериан Митрофанович** (6(19) января 1909 — 2 октября 1993) — советский военачальник, генерал-майор артиллерии (1944). На военной службе с сентября 1924 г. Окончил Украинскую военно-подготовительную школу (1926), 1-ю Ленинградскую артиллерийскую школу (1928), Севастопольскую школу зенитной артиллерии (1929), курсы инструкторов-парашютистов 1-й авиационной бригады в г. Красногвардейске (1931), КУВНАС при Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе (1941). Проходил службу на командных и штабных должностях. В ходе Советско-финляндской войны (1939—1940) — начальник штаба 2-го корпуса ПВО, г. Ленинград. Великую Отечественную войну завершил в должности заместителя начальника штаба Западного фронта ПВО.

[20] РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 765. Л. 12.

[21] ЦАМО РФ. Ф. 13613. Оп. 20352. Д. 17. Л. 2.

[22] РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 765. Л. 11.

[23] ЦАМО РФ. Ф. 13613. Оп. 20352. Д. 17. Л. 3 об.

[24] Там же. Л. 8 об.

[25] РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 765. Л. 28.

[26] ЦАМО РФ. Ф. 13613. Оп. 20352. Д. 17. Л. 10.

[27] ВВС Красной Армии в Зимней войне 1939—1940... С. 87.

[28] ЦАМО РФ. Ф. 13613. Оп. 20352. Д. 17. Л. 13.

[29] РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 765. Л. 44.

[30] ЦАМО РФ. Ф. 13613. Оп. 20352. Д. 17. Л. 16 об.

[31] Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. Т. 1. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1954. С. 101.

[32] *Барышников Н.И.* Отечественная радиолокация на защите Ленинграда 1941—1945 гг. // Управленческое консультирование. Научно-практический журнал Северо-западной Академии государственной службы. 2005. № 1. С. 10.

[33] Северо-Западный фронт — оперативно-стратегическое объединение Красной армии в Советско-финляндской войне (1939—1940). Образован в соответствии с директивой наркома обороны СССР от 7 января 1940 г. № 0977/оп на базе управления, учреждений и войск Ленинградского ВО в целях объединения действий 7-й и 13-й армий. Расформирован 26 марта 1940 г. в связи с окончанием военных действий.

[34] ЦАМО РФ. Ф. 13613. Оп. 20352. Д. 17. Л. 20.

[35] РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 765. Л. 60.

[36] Аэродром Левашово построен в 1937 г. как аэродром авиаремонтного завода на юго-западе посёлка Левашово.

[37] ЦАМО РФ. Ф. 13613. Оп. 20352. Д. 17. Л. 26 об.

[38] Там же. Л. 33.

[39] Там же. Л. 34 об.—35 об.

[40] Там же. Л. 40 об.

[41] Там же.

[42] В настоящее время упразднённая деревня в междуречье Волчьей и Смородинки на территории Куйвозовского сельского поселения Всеволожского района Ленинградской обл.

[43] ЦАМО РФ. Ф. 13613. Оп. 20352. Д. 17. Л. 41 об., 42.

[44] Там же. Л. 43 об.

[45] РГВА. Ф. 29. Оп. 56. Д. 81. Л. 242.

[46] Данные неточные, так как в журнале боевых донесений 2-го корпуса ПВО не всегда указывалось количество самолёто-вылетов.

[47] РГВА. Ф. 29. Оп. 56. Д. 81. Л. 242.

A.Yu. Lashkov

«NOT ONE ENEMY AIRCRAFT MUST APPROACH THE CITY OF LENINGRAD»

Organizing the air defense of Leningrad during the Soviet-Finnish War

Information about author. *Alexei Lashkov — senior researcher at the Military History Research Center of the RF AF General Staff Military Academy, colonel (res.), D. Sc. (Hist.), associate professor (Moscow. E-mail: lashkov3@yandex.ru).*

Summary. *The paper looks at the organization of air defense in Leningrad in the course of the Soviet-Finnish War of 1939—1940 and its role in the overall AD system of the country's Northwest region in the hostilities area. Since there was no uniform field of air detection at the army level in responsibility zones of Soviet associations until the beginning of 1940, the enemy aircraft managed to get deep into our rear at regular intervals. The author also mentions numerous cases of own aircraft violating flight rules in the Leningrad AD responsibility zone. The subject is rendered topical by the current military-political situation connected with the desire of the NATO leadership to turn Finland's territory into yet another bridgehead of their aggressive intent against the Russian Federation. The contents of the work rely on materials from state and departmental archives. Some of the documents have not been previously in scientific circulation.*

Keywords: *Soviet-Finnish War; Leningrad; air defense; 2nd AD Corps; fighter aircraft; AA artillery; Air Observation, Warning and Communication Troops; barrage balloons; M.M. Protsvetkin; F.Ya. Kryukov; V.M. Dobryansky; A.S. Blagoveshchensky.*

О.В. Фаллер,
О.Л. Мальцева

«ВОЙНА ПРЕВРАТИЛА ВСЕХ В БОРЦОВ… ПОСЛЕДУЕМ ЖЕ И МЫ, ЖЕНЩИНЫ, ПО ЭТОМУ ПУТИ»

Женское патриотическое движение в Императорской и Советской России

Сведения об авторах. *Фаллер Ольга Владимировна — начальник отдела культурных программ Департамента культуры Министерства обороны РФ, кандидат психологических наук, доцент (Москва. E-mail: ofaller@mail.ru);*

Мальцева Ольга Львовна — доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича, полковник в отставке, кандидат военных наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: malcevakvn@mail.ru).

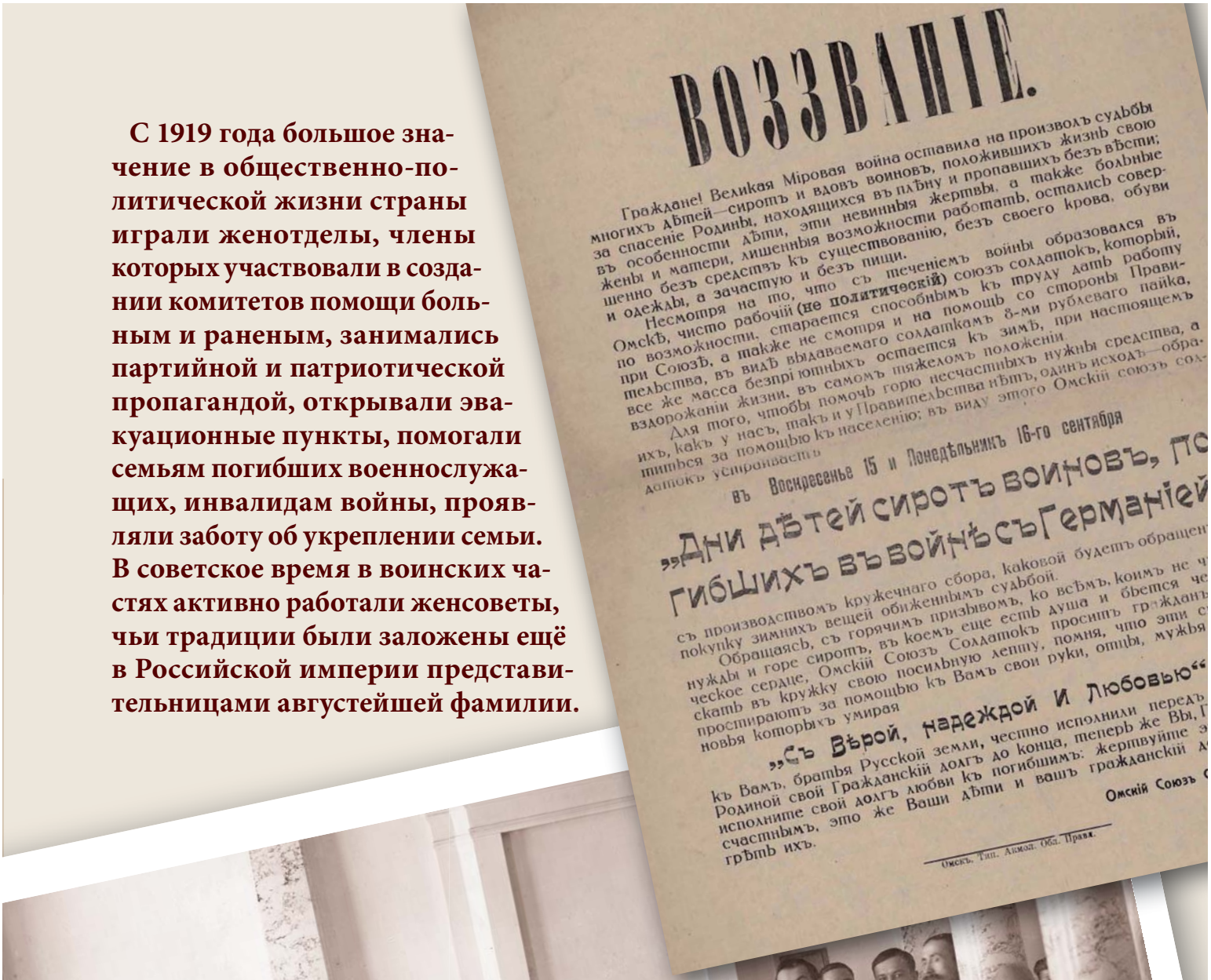
Аннотация. *В статье исследуется феномен женского патриотического движения, зародившегося в Российской империи в период Отечественной войны 1812 года, особо проявившегося во время Первой мировой войны и на начальном этапе построения нового, социалистического государства. Первые женские организации, основанные на традициях шефства венценосных особ царствующей фамилии Романовых над различными полками Императорской армии, уделяли большое внимание помощи семьям погибших и увечных военнослужащих, воспитанию детей-сирот, учреждению казённых или частных больниц и богаделен, вопросам женского профессионального образования. В дальнейшем представительницы этих обществ по примеру императриц и великих княгинь занимались сестринским делом в военных и тыловых госпиталях, облегчая страдания раненых. Многие женщины шли на фронт добровольцами, где служили не только сёстрами милосердия, но и в боевых порядках действующей армии. В первые годы советской власти при партийных комитетах были созданы женотделы, объединявшие своей заботой большинство работниц и крестьянок молодого социалистического государства. Существовавшие в воинских частях женсоветы активно работали с офицерскими семьями и личным составом подразделений вплоть до распада СССР.*

Ключевые слова: *женские патриотические организации; Санкт-Петербургское женское патриотическое общество; Русское женское взаимно-благотворительное общество; Российская лига равноправия женщин; женский ударный батальон смерти; Всероссийское общество сестёр милосердия; женотдел; женсовет.*

Почтовая открытка «Дорогу женщинам»
Художник С. Кущенко, 1917 г.
РНБ

«Ударницы»
Петроградского женского «Батальона смерти»
1917 г.

С 1919 года большое значение в общественно-политической жизни страны играли женотделы, члены которых участвовали в создании комитетов помощи больным и раненым, занимались партийной и патриотической пропагандой, открывали эвакуационные пункты, помогали семьям погибших военнослужащих, инвалидам войны, проявляли заботу об укреплении семьи. В советское время в воинских частях активно работали женсоветы, чьи традиции были заложены ещё в Российской империи представительницами августейшей фамилии.



ВОЗЗВАНІЕ.

Граждане! Великая Міровая война оставила на произволъ судьбы многихъ дѣтей—сиротъ и вдовъ воиновъ, положившихъ жизнь свою за спасеніе Родины, находящихся въ плѣну и пропавшихъ безъ вѣсти; въ особенности дѣти, эти невинныя жертвы, а также больные жены и матери, лишенныя возможности работать, осталисъ совершенно безъ средствъ къ существованію, безъ своего крова, обуви и одежды, а зачастую и безъ пищи.

Несмотря на то, что съ теченіемъ войны образовался въ Омскѣ, чисто рабочій (**не политическій**) союзъ солдатокъ, который, по возможности, старается способнымъ къ труду дать работу при Союзѣ, а также не смотря и на помощь со стороны Правительства, въ видѣ выдаваемаго солдаткамъ къ зимѣ, по 8-ми рублеваго пайка, все же масса безпріютныхъ остается къ зимѣ, при настоящемъ вздорожаніи жизни, въ самомъ тяжеломъ положеніи.

Для того, чтобы помочь горю несчастныхъ нужны средства, а ихъ, какъ у насъ, такъ и у Правительства нѣтъ, одинъ исходъ—обратиться за помощью къ населенію; въ виду этого Омскій союзъ солдатокъ устраиваетъ

въ Воскресенье 15 и Понедѣльникъ 16-го сентября

„Дни дѣтей сиротъ воиновъ, по
гибшихъ въ войнѣ съ Германіей

съ производствомъ кружечнаго сбора, каковой будетъ обращен
покупку зимнихъ вещей обиженнымъ судьбой.

Обращаясь, съ горячимъ призывомъ, ко всѣмъ, коимъ не ч
нужды и горе сиротъ, въ коемъ еще есть душа и бьется че
ческое сердце, Омскій Союзъ солдатокъ проситъ гражданъ
ствовать въ кружку свою посильную лепту, помня, что эти с
простираютъ за помощью къ Вамъ свои руки, отцы, мужья
новья которыхъ умирая

„Съ Вѣрой, надеждой и Любовью“

къ Вамъ, братья Русской земли, честно исполнили передъ
Родиной свой Гражданскій долгъ до конца, теперь же Вы,
исполните свой долгъ любви къ погибшимъ: жертвуйте э
счастнымъ, это же Ваши дѣти и вашъ гражданскій д
грѣть ихъ.

Омскій Союз

Омскъ. Тип. Акмол. Обл. Прав.

Императрица Александра Фёдоровна с дочерями среди раненых и персонала Царскосельского дворцового лазарета
ГА РФ

Екатерина I первой из русских государынь 28 января 1725 года стала шефом отдельного воинского подразделения — лейб-гвардии Преображенского полка. Её примеру со второй четверти XIX до начала XX века следовали все русские императрицы, а также большинство великих княгинь и великих княжон. Венценосные представительницы семьи Романовых, не пытаясь претендовать на командные роли, вникали в нужды нижних чинов, заботились об офицерах, расходовали личные деньги на благоустройство гарнизонов и поощрение личного состава, жаловали награды, организовывали образовательный процесс. Такое шефство имело и большую патриотическую составляющую, способствовало поддержанию боевого духа военнослужащих, использованию в интересах войск монарших символов. Имя шефа всегда входило в полное наименование полка, например, «Лейб-гвардии Кирасирский её императорского величества государыни императрицы Марии Фёдоровны полк», «14-й уланский Ямбургский её императорского высочества великой княжны Марии Александровны полк», «Лейб-гвардии Уланский её величества государыни императрицы Александры Фёдоровны полк» и т.д.

В начале Отечественной войны 1812 года образовалось Общество патриотических дам, утверждённое указом императрицы Елизаветы Алексеевны от 29 декабря 1812 года для облегчения участи бедных, пострадавших от войны. В том же году оно получило название «Санкт-

Великие княжны Татьяна и Ольга с ранеными офицерами

Петербургское Женское Патриотическое Общество». В его задачи входило: «1) раздача денег на первые надобности, 2) помещение бедных, слабых и увечных в казенные или частные больницы и богадельни, 3) ходатайство о помещении бедных детей в училища на казенное содержание или поручение их честным искусным мастерам для обучения ремеслам, 4) доставление квартир тем из бедных, кои собственным трудом не могут снискать себе пропитание, 5) доставление разоренным ремесленникам средств к отправлению работ своих»[1].

Председателем общества стала княгиня Варвара Алексеевна Репнина-Волконская (жена русского военного и государственного деятеля эпохи Наполеоновских войн Н.Г. Репнина-Волконского), участница боевых баталий. В 1805 году, командуя четвёртым эскадроном Кавалергардского полка, князь Н.Г. Репнин-Волконский отличился под Аустерлицем, но был контужен и попал в плен. Варвара Алексеевна проникла во французский лагерь и ухаживала за раненым супругом и его сослуживцами вплоть до их освобождения. В Отечественную

Н.Г. Репнин-Волконский отличился под Аустерлицем, но был контужен и попал в плен. Варвара Алексеевна проникла во французский лагерь и ухаживала за раненым супругом и его сослуживцами вплоть до их освобождения

Настольная медаль «В память 100-летия Императорского Санкт-Петербургского женского патриотического общества. 1812—1912 гг.».

Участницы Всеармейского совещания жён командного и начальствующего состава РККА
Фото Г.А. Зельмы, 1936 г.

Почтовые марки «В пользу воинов и их семейств» с визой вице-председательницы Императорского Женского Патриотического Общества В.В. Бельгард «Разрешаю печатать», 16 декабря 1914 г. № 3957

Полевой Царскосельский военно-санитарный поезд

войну 1812 года, когда князь командовал арьергардом армии П.Х. Витгенштейна, его супруга вновь была рядом с ним и в боевых порядках оказывала помощь нуждавшимся.

В числе первых в Санкт-Петербургское женское патриотическое общество вступили Т.В. Голицына (жена московского генерал-губернатора Д.В. Голицына), Д.А. Державина (жена поэта Г.Р. Державина), Н.А. Зубова (дочь фельдмаршала А.В. Суворова). Каждая из дам — членов общества принимала на

себя попечение над одним из столичных районов, что позволяло более полно вникать в проблемы нуждавшихся: сирот, престарелых, увечных, вдов. В это же время в Москве, Рязани и Житомире образовались аналогичные женские благотворительные общества для помощи пострадавшим от войны 1812 года.

В феврале 1813 года Санкт-Петербургское женское патриотическое общество учредило «Училище сирот» для детей штаб- и обер-офицеров, погибших в Отечественной войне 1812 года, на 80 воспитанниц, из которых 50 содержались на суммы, полученные от особ императорской фамилии и частных благотворителей. В 1819 году училище стало Институтом женского патриотического общества (Патриотический институт). В него принимались 100 воспитанниц не моложе 10 лет, срок пребывания которых в стенах учебного заведения составлял 5 лет[2]. В 1827 году институт был передан в ведение Комитета о раненых. С 1829 года само общество состояло при «Ведомстве учреждений императрицы Марии». С этого времени главным направлением его деятельности стала забота о развитии женского профессионального образования.

В 1914 году под председательством императрицы Александры Фёдоровны была возобновлена работа Императорского женского патриотического общества, которое выпустило особого рода патриотические почтовые марки для продажи с надбавкой в 1 копейку. Вырученные таким образом средства позволили обеспечить кровом, пропи-

П.Н. Шишкина-Явейн

Императрица Александра Фёдоровна с пациентом госпиталя

танием, одеждой, образованием тысячи сирот, чьи отцы отдали свои жизни за Родину[3]. С 14 ноября под покровительством императрицы на театре военных действий курсировал полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143, оказывавший помощь раненым и больным офицерам и нижним чинам на всём протяжении фронта от Рижского района до Галиции. Сама Александра Фёдоровна работала в Царскосельском дворцовом лазарете в качестве старшей сестры милосердия. Великая княгиня Ольга Александровна — шеф 12-го гусарского Ахтырского её имени полка — служила простой сестрой милосердия на том же участке фронта, где воевали её подшефные. Позже она пожертвовала личные средства на оборудование госпиталя и возглавила его[4]. Отныне медицинское сестринское дело стало символом гражданственности для женщин России. Даже «избалованные красавицы фешенебельного общества» (по определению Мюриел Баченэн) оставили бридж, сплетни, флирт и отправились работать в медицинские учреждения.

Русские женщины не только облегчали страдания раненых в тыловых госпиталях, но и сами шли на фронт в качестве сестёр милосердия, шили бельё для воинов, жертвовали армии свои сбережения. «А.И. Коншина, известная пароходовладелица на Волге, пожертвовала миллион на помощь воинам, пострадавшим на войне. Подобного пожертвования пока ещё никто другой не сделал, — писал на своих страницах “Женский вестник”[5]. — Пусть после войны мужчины вспомнят о заслугах и самопожертвовании женщин и перестанут отказывать им в равноправии». «На эти деньги, — продолжал автор статьи, — будут устроены 25 хирургических коек в больницах, санаторий для выздоравливающих воинов и дом призрения с полным содержанием на 200 человек, потерявших трудоспособность в общеевропейской войне».

В январе 1915 года был открыт «Лазарет Российской лиги равноправия женщин» на 30 раненых воинов, которым заведовала П.Н. Шишкина-Явейн. В том же году лига организовала специальный курс по уходу за больными и ранеными для народных учительниц

Многие женские организации полностью подчинили свою деятельность потребностям фронта и тыла. Так, лидер Русского женского взаимно-благотворительного общества А.Н. Шабанова[6] меньше чем за год создала ряд учреждений для помощи жертвам войны, беженцам, покинутым детям и русским военнопленным. Аналогичные задачи решала Российская лига равноправия женщин под руководством П.Н. Шишкиной-Явейн. В изданном в августе 1915 года призыве к «дочерям России» говорилось: «Мы, женщины, должны объединиться: и каждая из нас, забыв о личных неудачах и страданиях, должна выйти из узких семейных границ и посвятить свою энергию, ум и знания нашей стране. В этом наш долг перед отечеством, и это даст нам право участвовать в новой жизни победоносной России наравне с мужчинами». Лига призывала к «введению всеобщей женской воинской повинности для работы в тылу». Ей удалось объединить многие провинциальные женские организации в деле помощи жертвам войны. Самой лигой были организованы курсы сестёр милосердия, из выпускниц которых общинами Красного Креста формировались отряды на передовые позиции, на борьбу с эпидемией. Большое удовлетворение активисткам лиги приносили письма с фронта с благодарностью за хорошую организацию курсов или за работу сестёр. В январе 1915 года был открыт «Лазарет Российской лиги равноправия женщин» на 30 раненых воинов, которым заведовала П.Н. Шишкина-Явейн. В том же году

лига организовала специальный курс по уходу за больными и ранеными для народных учительниц[7]. Московское отделение организации под руководством М.К. Бурдаковой направило свою работу на оказание трудовой, юридической и медицинской помощи семьям запасных московских частей и детям жертв войны. Были открыты курсы сестёр милосердия, на которых преподавали исключительно женщины-врачи[8].

Журналы «Женское дело» и «Женский вестник» продолжали регулярно освещать работу патриотических обществ. «Во исполнение пожелания Государственной Думы военный министр В.А. Сухомлинов внес в Совет Министров законодательное представление об отпуске средств на учреждение в женских учебных заведениях Ведомства Учреждений Императрицы Марии двухсот новых стипендий для дочерей военнослужащих. В 1915 году таких стипендий военного министерства становится 391»[9]. По сообщениям журналов, «в Москве было создано Общество жен врачей, которое поставило своей целью оказать помощь всем близким медицинского персонала нашей армии, пострадавшим от войны». В Петрограде еврейская женщина образовала дамский комитет с целью собрать средства для посылки рождественских подарков в действующую армию. Симферопольский женский клуб организовал сбор денег и вещей для нужд армии. В декабре там готовили рождественские

Портрет княгини Варвары Алексеевны Репниной
Художник Ж.-А. Беннер, 1817 г.

подарки для офицеров и нижних чинов. Всего на передовые позиции было отправлено 6160 мешков. В далёком Якутске был создан Дамский комитет Красного Креста, занявшийся шитьём белья для раненых. На Ижевском заводе, в с. Ныма-Жикья и Н. Березовке Сарапульского уезда, в с. Ново-Пышминском Камышлейского уезда также были учреждены дамские комитеты Красного Креста помощи воинам. Соликамский дамский комитет изготовил комплекты белья для воинов[10].

Руководитель Всероссийского женского союза помощи Родине «Женщины за Отечество» М.А. Рычкова отмечала, что добровольческое движение женщин «многие находили и находят смешным и уродливым», «смотрят на него как на никому не нужную жертву». Но, подчёркивала она, «можно ли было в то время считать уродливым и неестественным какое-либо движение, когда вся жизнь у нас на Родине приняла такие уродливые формы? Разве оставлено было женщине то, что считалось ее уделом: семья, дом, Родина? Все было поругано и отнято почти с первых дней свободы. А сколько женщин погибло не на фронте, а на своей родной земле?»[11].

Энтузиазм добровольцев по созданию женского военного движения не ослабили ни критические замечания, ни поражения на фронте. О.К. Нечаева из Российского союза женских демократических организаций в 1917 году предложила законопроект по набору женщин на нестроевую службу. По его условиям женщины в возрасте от 18 до 45 лет (за исключением работниц, крестьянок и матерей с детьми до пяти лет) должны были быть призваны на некоторые государственные службы, чтобы освободить мужчин для выполнения воинского долга. Она выразила надежду, что этот шаг найдёт применение силам безработных в настоящее время городских жительниц среднего и высшего сословий. В результате Нечаева была назначена главой комиссии по изучению возможностей замены мужчин женщинами в рамках Военного министерства. Из-за отсутствия каких-либо дальнейших сведений можно предположить, что проект провалился. Однако до Октябрьской революции не было столь широкомас-

штабного набора женщин для работы в тылу[12].

Печатные издания постоянно подогревали патриотический дух русских женщин. Журнал «Женщина и война» призывал их раскрепоститься и держать ответственность перед Родиной: «Война превратила всех в борцов... Последуем же и мы, женщины, по этому пути, возьмемся в этот благоприятный момент за свое раскрепощение. Укрепимся на занятых нами за время войны позициях с тем, чтобы эти позиции остались за нами и по окончании войны!»[13]. И далее: «В области народного труда и общественной деятельности на смену ушедшему на войну мужчине встает женщина. Нынешняя историческая година раскрывает перед русской женщиной ряд новых, до сей поры остававшихся для нее замкнутыми областей! Тысячи русских женщин — сестер милосердия утоляют страдания раненых на театре военных действий и немало женщин-добровольцев сражаются в рядах наших доблестных войск. Многие из них награждены знаками отличия за проявленную ими личную доблесть».

На страницах журнала «Женский вестник» звучали призывы идти сражаться в действующую армию, «образовать отряд амазонок, воинов-женщин». С.П. Юрьева писала: «Хочу пролить свою кровь за Отечество, отдать свою жизнь родине!.. В этом я вижу свое призвание, свое назначение, свое счастье!»[14].

Женщины стремились на фронт и после нескольких ранений, даже тогда, когда уже не могли находиться в строю. «Жаль вот только на войну идти не придется: хромать буду, — жаловалась корреспондентам георгиевский кавалер Анна Красильникова. — Как подумаю, что там — в окопах — бой идет: сердце так и горит. За родину заступиться хочется. Не могу переносить, что на нее враг нападает. И злоба против него у меня подымается»[15].

«Как подумаю, что там — в окопах — бой идет: сердце так и горит. За родину заступиться хочется. Не могу переносить, что на нее враг нападает. И злоба против него у меня подымается»

Некоторые из созданных в 1917 году боевых подразделений называли себя «Ударными батальонами» или «Батальонами смерти», что подчёркивало их готовность умереть за Отчизну. Среди них были и образованные в мае—ноябре Главным управлением Генерального штаба добровольческие женские формирования — Женский ударный батальон смерти, команды для связи, караульная дружина, рота по охране железных дорог, специальное флотское формирование — морская команда[16]. В то время, когда мужчины дезертировали с фронта, женщины стремились на защиту Отечества под лозунгом «Мы идем умирать». «Конечно, их мало, и они мало могут сделать, — писал автор “Женского вестника”. — Но они могут служить личным примером. Если полк начнет колебаться, женский отряд, бросившись вперед, может увлечь его за собой»[17].

27 августа 1917 года в Москве состоялся учредительный съезд Всероссийского общества сестёр милосердия. Его делегаты представляли различные женские батальоны, местные военные союзы и медицинские подразделения. О.К. Нечаева и другие доложили о планах по мобилизации женщин, а Е.К. Брешко-Брешковская вспомнила яркие дни своей революционной молодости, проведя параллель между героическими подвигами того времени и текущей борьбой за победу России. На съезде царил дух патриотизма[18].

Вскоре был создан неофициальный комитет — Союз солдаток, в который вошли А.М. Коллонтай, около 35 солдаток и несколько членов исполкомов Советов[19]. Подобные объединения были созданы и в других городах, например, Казанский союз солдаток[20]. Омский союз солдаток в сентябре 1918 года выступил с воззванием о помощи детям-сиротам воинов, погибших за спасение Родины, находившихся в плену

и пропавших без вести[21]. В Иваново-Вознесенске первой массовой женской организацией стал Союз солдатских жён, который оказывал материальную помощь солдатам и их семьям, вёл политическую работу среди работниц, стал инициатором создания первых детских учреждений, участвовал в деле охраны материнства и младенчества. Уже к началу 1918 года количество членов Союза солдатских жён выросло до 7000 человек[22].

А.М. Коллонтай

Всероссийское женское взаимно-благотворительное общество, Лига равноправия женщин и Петроградский клуб женской прогрессивной партии продолжали работать с огромным энтузиазмом под руководством своих лидеров А.Н. Шабановой, П.Н. Шишкиной-Явейн и М.И. Покровской. Но все они действовали достаточно изолированно друг от друга. «Женских муравейников в России немало, все они стремятся к одной цели, но связующие нити между ними натянуты очень слабо, и чувствуется настоятельная потребность в создании центра, который бы сплотил все силы, работающие в одном направлении, в одну мощную коллективную организацию»[23], — писала в своей книге А.Н. Шабанова. Она сумела объединить эти группы и провозгласила образование Всероссийского женского общества, впоследствии переименованного в Национальный женский совет, который в свою очередь присоединился к Международному женскому совету. В мае 1917 года Международный женский совет был признан Временным правительством. Несмотря на то что Национальный женский совет с момента создания имел 30 отделений, своё первое заседание он провёл только в декабре 1917 года.

1-й Всероссийский съезд работниц и крестьянок (16—21 ноября 1918 г.), созванный по инициативе И.Ф. Арманд, А.М. Коллонтай и К.Н. Самойловой, заложил организационные основы женского движения в социалистическом государстве. На съезде В.И. Ленин особо отметил возможность широкого применения труда женщин в военных условиях. Красная армия должна видеть и чувствовать, что о ней заботятся, о ней пекутся. Эту заботу об армии женщины могут проявлять в различной форме: и в самой армии, и для армии в тылу. Здесь советская власть ничто не может так ценить, как помощь широкой массы беспартийных женщин-работниц[24].

В декабре 1918 года по решению ЦК РКП(б) при губкомах были созданы комиссии по пропаганде и агитации среди женщин. В сентябре 1919 года они были преобразованы в отделы партийных комитетов по работе среди женщин (женотделы), а Центральная комиссия — в Отдел ЦК РКП(б) по работе среди женщин (Женотдел). Женотделы создавались при губернских, уездных и районных комитетах партии. Штаб-квартира «центрального» Женотдела, называвшаяся некоторыми остряками «ЦентроБаба», находилась в доме № 5 на Воздвиженке, рядом с Кремлём. Согласно штатному расписанию в отделе состояли 22 оплачиваемых работника — заведующая отделом, её заместители, помощники и технические секретари. Ответственная перед Секретариатом ЦК РКП(б) заведующая контролировала не только внутренние дела Женотдела, но и распространяла своё влияние на любую сферу жизни, затрагивавшую интересы женщин[25]. К примеру, она поддерживала постоянную связь с Отделом охраны материнства и младенчества при Комиссариате государственного призрения, Комиссией по борьбе с проституцией, ЦК РКСМ, советскими и профсоюзными организациями, а также с другими административными органами, занимавшимися вопросами продовольствия, страхования, об-

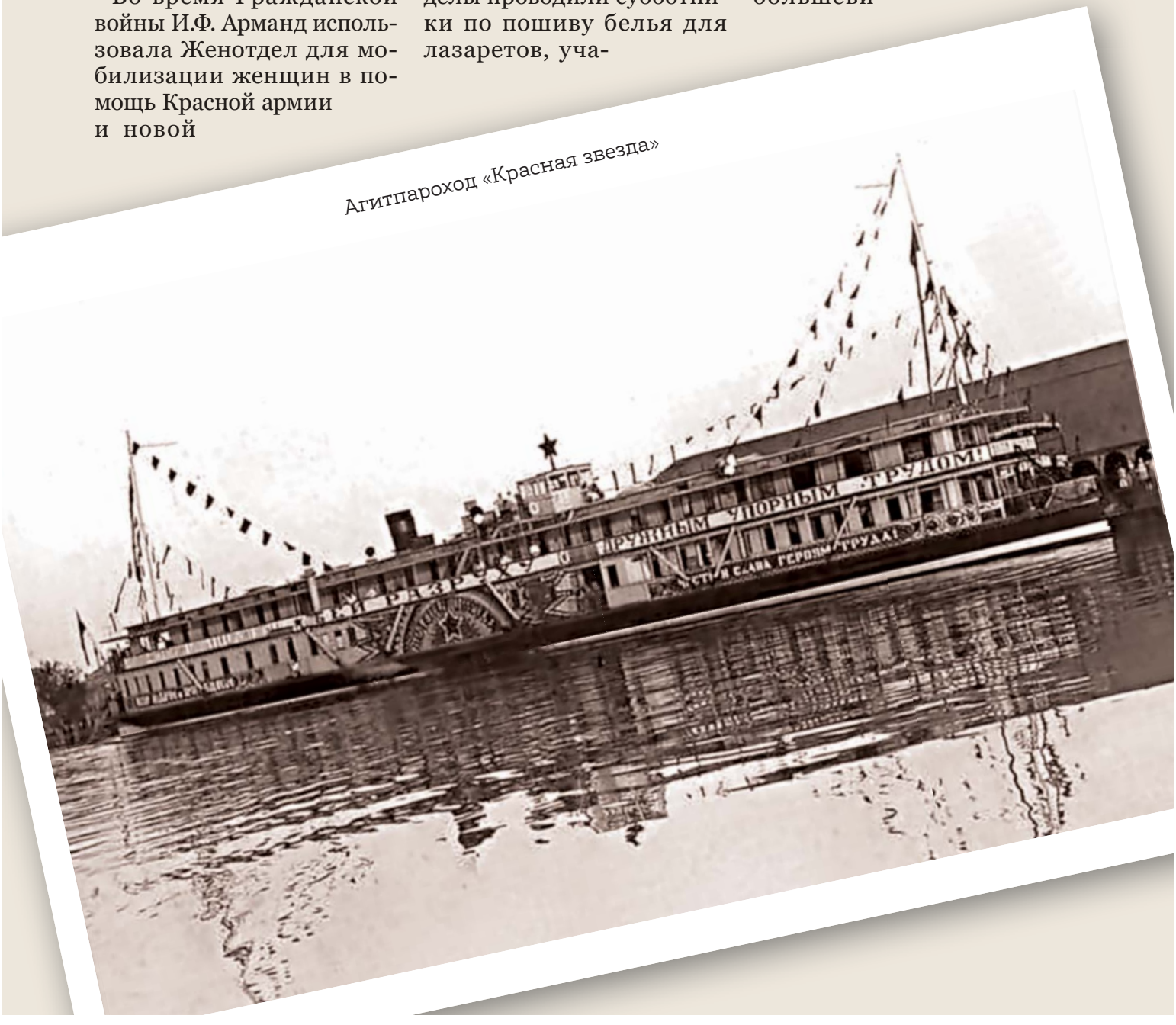
разования, печати, литературы и искусства. При этом женщины — партийные руководители имели каждая свою сферу ответственности: В.П. Лебедева занималась вопросами материнства, Н.К. Крупская — народным просвещением, М.И. Ульянова — журналистикой. Заведующими Женотделом до его упразднения в 1930 году были: Инесса Арманд (1919—1920), Александра Коллонтай (1920—1921), Софья Смидович (1922—1924), Клавдия Николаева (1924—1926), Александра Артюхина (1926—1930)[26].

Во время Гражданской войны И.Ф. Арманд использовала Женотдел для мобилизации женщин в помощь Красной армии и новой власти. Группы пропагандистов в агитпоездах и на агитпароходе «Красная звезда» добирались до областей, занятых красными, останавливались в отдалённых деревнях и выступали перед местным населением, используя плакаты, песни и пляски. Начальник политотдела агитпарохода К.И. Самойлова во время поездки по Волге выступала с палубы «Красной звезды» с докладами о международном положении Советской республики, о хозяйственной политике в стране[27].

На местном уровне женотделы проводили субботники по пошиву белья для лазаретов, участвовали в организации помощи раненым красноармейцам, открывали эвакуационные пункты, детские интернаты, посылали девушек на курсы красных сестёр. Агитационные кампании, связанные с помощью фронту, — «Неделя против Врангеля», «День Красной Казармы», «Пошивочная кампания», «Неделя раненого и больного красноармейца», «Неделя помогите красноармейцу, который мёрзнет на фронте» — были встречены работницами и крестьянками с огромным энтузиазмом[28].

Руководство партии большеви-

Агитпароход «Красная звезда»



ков отчётливо осознавало значение женщин в общественной жизни. Опыт успешной женской работы был особо отмечен В.И. Лениным: «Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих уменьем наладить практическое дело с участием большого числа работников и ещё большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т.п., чем болеет наша постоянно мнящая о себе непомерно много “интеллигенция” или скороспелые “коммунисты”»[29].

И.Ф. Арманд

А.М. Коллонтай в статье «Работница и крестьянка в Советской России», адресованной женщинам, призывала «вовлекать работниц и крестьянок в армию, к использованию их сил в целях самообороны трудовой республики», поддержать «Красный фронт», включая и участие в военных действиях: «С призывом женщины в войска окончательно закрепляется представление о ней как о равноправном и равноценном члене трудового государства»[30]. Уже в октябре 1919 года Женотдел более точно определил функции женщин в армии и создал механизм широкомасштабного и регулярного их набора для участия в военных действиях. В мае 1920 года состоялся выпуск работниц Петроградского курса войсковой связи, а летом выпускницы Самарского и Симбирского курсов телефонисток и телеграфисток пополнили ряды связистов на Южном и Юго-Западном фронтах. Первый призыв Всевобуча состоялся в Москве 1 июня 1920 года. По всей России тысячи работниц прошли всеобщее воинское обучение, постепенно образуя необходимый кадровый резерв для обороны республики. К концу 1920 года начался призыв молодых женщин на нестроевую службу, многие из них заняли высокие посты в военно-революционных комитетах и политотделах Красной армии.

В Женотделе средством пропаганды было печатное слово, хотя оно передавало новости и инструкции относительно небольшому количеству грамотных женщин. Центральным печатным органом оставалась «Работница», а журналом, посвящённым теоретическим вопросам, была «Коммунистка» Н.К. Крупской. Некоторыми женотделами издавались отдельные ежемесячные газеты для работниц и крестьянок: в Туле «Красная Тулячка», в Москве «Работница и Крестьянка», в Сибири «Красная Сибирячка», на Украине «Коммунарка Украины», в Пензе «Крестьянская газета», в Донбассе «Пролетарка Донбасса», в Тюмени «Работница и Крестьянка»[31].

Поскольку печатной пропаганды было недостаточно для страны, в которой большая часть женщин не умела читать, было решено «пойти в народ». Глава парторганизации Петрограда Г.Е. Зиновьев в 1920 году заявил: поскольку большинство работниц безграмотны, не умеют читать и не приходят на собрания, партия сама должна пойти к ним, направив команды пропагандисток в бани, в которых женщины всегда собираются, чтобы поговорить. «Они должны сорганизовать ячейку, как это ни смешно на первый взгляд, банную ячейку»[32]. Данный почин был творчески развит на местах. Так, работница табачной фабрики, участница Гражданской войны, глава местного женотдела Вера Алексеева приглашала женщин в швейный кружок, где читала им лекции о политике, кооперации и гигиене[33]. Лозунги типа «Долой кухонное рабство! Даёшь новый быт» вызывали энтузиазм у большей части женского населения и отражали атмосферу новой эпохи.

Деятельность женотделов была крайне разнообразной: попечительство над детьми и сиротами, школь-

ная служба и инспекция, распределение продуктов питания, надзор за жилищным строительством, профилактическое лечение и общественное здравоохранение, кампания по борьбе с проституцией, военная служба, образование, законодательство, рекомендация на вакантные должности, создание службы быта, а также массовая пропаганда в поддержку любого начинания партии.

В конце двадцатых годов женотделы при партийных органах были упразднены. Несколько раньше прекратили свою работу женорганизаторы при профсоюзных комитетах предприятий. Было признано, что работу среди женщин должен вести весь состав партийных и профсоюзных руководящих органов в целом[34]. Сообщая об этом решении, Л.М. Каганович упомянул, что некоторые товарищи одобрили ликвидацию Женотдела как давно назревшую необходимость, в то время как другие сокрушались по этому поводу. И те и другие, сказал Л.М. Каганович, были неправы: Женотдел был необходим, и в своё время он делал крайне важную работу, однако сейчас большинство женщин уже освобождены, и поэтому необходимости в специальном органе больше нет, так как эту работу возьмёт на себя партия[35].

С упразднением Женотдела политическая работа среди женщин не прекратилась. Теперь она осуществлялась женсекторами, а также «делегатскими собраниями», сохранившимися в сельской местности до 1934 года. В большом количестве создавались культурные, политические и профессиональные женские организации, проводились массовые кампании и продолжали существовать женские издания. Международный женский день (8 марта) оставался одним из трёх главных советских политических праздников.

Народный комиссариат обороны, Главное политическое управление РККА пошли на создание при Домах офицеров, воинских клубах в воинских частях женских советов. Одним из центральных направлений их деятельности была работа с семьями командного и начальствующего состава. Массовое женское движение в РККА стало развёртываться во всех соединениях и частях, в т.ч. расположенных в самых отдалённых местах. Женсоветы избирались самими женщинами на собраниях гарнизона из жён начальствующего состава военнослужащих. Партийный орган полка, дивизии, штаба воинского подразделения назначал руководителя женсовета. Это была введённая в штат Дома офицеров или клуба воинской части должность — инструктор по работе среди семей военнослужащих. Остальные члены женсовета работали на общественных началах. Жёны офицеров вели большую общественную работу, проявляли разностороннюю заботу о семьях офицерского состава, велось шефство над госпиталями.

Для подведения итогов, обмена опытом и постановки задач по развитию женского движения в марте 1930 года было проведено первое Всеармейское совещание жён командиров. Нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов в своём письме горячо приветствовал участников форума и выразил уверенность, что они учтут накопленный опыт в области переустройства быта начсостава Красной армии, закрепят достигнутые успехи, наметят новые задачи и развернут дальнейшую практическую работу.

В течение 1931—1936 гг. состоялись ещё три Всеармейские совещания жён командного и начальствующего состава РККА. Целью этих совещаний было подведение итогов их политического и культурного роста, оценка вклада в дело укрепления обороноспособности страны, одновременно поднимался вопрос о подготовке кадров военных специалистов и медицинских сестёр и обсуждался опыт обучения женщин техническим специальностям в гарнизонах.

Женское патриотическое движение, основанное на традициях августейшего шефства над полками Императорской армии, на разных этапах истории объединяло работу самых разных общественных организаций, женотделов и женсоветов, внёсших немалый вклад в укрепление обороноспособности государства и выстроивших совместно с военным командованием эффективную систему воспитательной работы в армейской среде.

Примечания

[1] *Шумигорский Е.С.* Императорское женское патриотическое общество (1812—1912): исторический очерк. СПб.: Гос. тип., 1912. С. 10.

[2] Там же. С. 6—11, 22, 27.

[3] *Дубенский Д.Н.* Летопись войны 1914—1917 гг. Петроград, 1914. № 14. С. 229.

[4] *Фаллер О.В., Мальцева О.Л.* Августейшие покровительницы российских полков. М.: Граница, 2019. С. 117—119, 125.

[5] Война // Женский вестник. 1914. № 9. С. 174; 1915. № 9. С. 199.

[6] Русское Женское взаимно-благотворительное общество // *Ариян П.Н.* Первый женский календарь на 1913 год. СПб.: Бережливость, 1913. С. 17—19.

[7] Отчёт Российской лиги равноправия женщин за 1914 и 1915 гг. 1917. С. 42—44, 48, 66—72. Материалы о деятельности лиги во время войны можно найти в каждом выпуске «Женского вестника» начиная с сентября 1914 г.

[8] Отчёт Российской лиги равноправия женщин за 1914 и 1915 гг. С. 86, 87.

[9] Женский вестник. 1915. Март. № 3. С. 74.

[10] Женщина и война // Там же. 1915. Январь. № 1. С. 22; Февраль. № 2. С. 47, 48; Ноябрь. № 11. С. 190.

[11] *Рычкова М.А.* Воспоминания // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. XI. М.: Студия ТРИТЭ, 2001. С. 510.

[12] *Тыркова-Вильямс А.* Женская повинность // Речь. 1917. 10 июня. С. 3.

[13] *Яковлева А.К.* Призыв к женщинам // Женщина и война. 1915. № 1. С. 3.

[14] Женщина и война // Женский вестник. 1914. № 11. С. 234, 235.

[15] Женщина — георгиевский кавалер А.А. Красильникова // Женщина и война. 1915. № 1. С. 11.

[16] *Фаллер О.В., Мальцева О.Л.* Женщина. Война. Победа. М.: Вече, 2022. С. 141—181; *Кикнадзе В.Г.* Мария Бочкарева. Зовущая на смерть // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 20. EDN: HVAEMZ.

[17] Женский батальон смерти // Женский вестник. 1917. Июль—август. С. 90, 91.

[18] Ленинградки: воспоминания, очерки, документы. Л.: Лениздат, 1968. С. 182—184.

[19] Рабочая газета. 1917. 19 марта. С. 3; *Коллонтай А.М.* Труд женщины в эволюции. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 116.

[20] Казанский союз солдаток: устав Союза солдаток города Казани. Казань, 1917. 8 с.

[21] Воззвание. Граждане! «Великая Мировая война оставила на произвол судьбы многих детей...» // Омский союз солдаток. Омск: Тип. Акмол. обл. правл. 1918. Сентябрь. С. 1.

[22] *Хасбулатова О.А.* Партийный комитет и женский совет. М.: Политиздат, 1990. С. 4, 5.

[23] *Шабанова А.Н.* Очерк женского движения в России. СПб.: Самообразование, 1912. С. 32.

[24] *Игумнова З.П.* Женщины Москвы в годы гражданской войны. М.: Московский рабочий, 1958. С. 44, 45.

[25] РКП(б). ЦК Отд. работниц и крестьянок. Доклад Отдела по работе среди женщин Ц.К.Р.К.П.: к Международной конференции корреспонденток, созыв МЖС Коминтерна в Берлине. Октябрь 1922 г. М.: Отд. ЦК РКП, 1922. С. 6—10; Деятельность отделов по работе среди женщин РКП(б-ков) / Под ред. Отд. ЦК РКП по работе среди женщин. М.: Гос. изд., 1921. С. 10—12.

[26] Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898—1991; БСЭ: 2-е изд. Т. 16. С. 62.

[27] Ленинградки... С. 136.

[28] *Рындина А.А., Копейко В.В.* Решает женсовет. М.: Московский рабочий, 1987. С. 9; *Хасбулатова О.А.* Указ. соч. С. 5, 6; Деятельность отделов по работе среди женщин РКП(б-ков)... С. 16; *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. Пг.: Международный секретариат по работе среди женщин при исполкоме Коминтерна, 1921. С. 32.

[29] *Ленин В.И.* Великий почин (о героизме рабочих в тылу по поводу «коммунистических субботников»). 28 июня 1919 г. // Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 39. М.: Изд-во политической литературы, 1971. С. 24, 25; *он же.* К женщинам-работницам. 21 февраля 1920 г. // Там же. Т. 40. М.: Изд-во политической литературы, 1971. С. 157.

[30] *Коллонтай А.М.* Работница и крестьянка в Советской России. С. 8—10, 12.

[31] Всесоюзная коммунистическая партия (б). Центральный комитет Отдел работниц и крестьянок. К перевыборам делегатских собраний 1929/30 года: циркуляры, положение о делегатских собраниях, материалы для агитаторов. М.: тип. ЦК ВКП(б), 1929. С. 12; РКП(б). ЦК Отд. работниц и крестьянок. доклад Отдела по работе среди женщин Ц.К.Р.К.П.: к Международной конференции корреспонденток, созыв МЖС Коминтерна в Берлине. Октябрь 1922 г. М.: Отд. ЦК РКП, 1922. С. 13—15.

[32] *Зиновьев Г.Е.* Новые задачи нашей партии (от войны к хозяйству): речь, произнесённая на общем собрании членов партии, кандидатов и сочувствующих Петербургского района 28 января 1920 г. Петроград: Гос. изд., 1920. С. 17—19.

[33] *Ареншейн А.* Ранним московским утром: очерк о революционерах-профессионалах П.Г. и С.Н. Смидовичах. М.: Московский рабочий, 1967. С. 176, 177.

[34] *Рындина А.А., Копейко В.В.* Указ. соч. С. 15.

[35] *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М.: РОССПЭН, 2004. С. 465.

O.V. Faller, O.L. Maltseva

«THE WAR HAS MADE FIGHTERS OF ALL... SO LET US WOMEN FOLLOW SUIT»

The female patriotic movement in the Imperial and Soviet Russia

Information about authors. *Olga Faller — head of the Cultural Programs Section at the Culture Department of the RF Ministry of Defense, Cand. Sc. (Psych.), assistant professor (Moscow. E-mail: ofaller@mail.ru);*

Olga Maltseva — assistant professor at the Prof. M.A. Bonch-Bruyevich State University of Telecommunications at the St. Petersburg, colonel (ret.), Cand. Sc. (Mil.) (St. Petersburg. E-mail: malcevakvn@mail.ru).

Summary. *The paper explores the phenomenon of women's patriotic movement born in the Russian Empire during the 1812 Patriotic War and figuring more prominently during the First World War and at the first stage of building the new socialist state. The first women's organizations built on traditions of patronage by the Imperial Family crowned persons over various regiments of the Imperial Army paid a lot of attention to assisting the families of the dead and wounded servicemen, upbringing orphans, establishing public or private hospitals and almshouses, and issues of women's vocational training. Afterwards the members of those societies, on the example of empresses and grand duchesses took up nursing at military and rear hospitals alleviating the suffering of the wounded. Many women went to war as volunteers where they served not only as nurses, but also in combat formations of the field army. In the first years of Soviet power Party committees had women's sections attached to them which united by their care most working and peasant women in the young socialist state. Women's councils that existed at military units actively worked with officer families and unit personnel right until the collapse of the Soviet Union.*

Keywords: *women's patriotic organizations; St. Petersburg Women's Patriotic Society; Russian Women's Mutual Charity Society; Russian League of Women's Equality; Women's Shock Death Battalion; All-Russia Society of Hospital Nurses; women's section; women's council.*

В.А. Сердюк

«ПРИЕМ НА СЛУЖБУ ЖЕНЩИН ДОПУЩЕН… ВНЕ ВСЯКОЙ ПРОЦЕНТНОЙ НОРМЫ»

Труд женщин на фронтовых железных дорогах Российской империи в годы Первой мировой войны

Сведения об авторе. *Сердюк Владимир Александрович — доцент кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Омск. E-mail: a.serdyuk@mail.ru).*

Аннотация. *В статье на основе анализа делопроизводственной документации военных властей приводятся данные о женщинах (количество, соотношение и т.д.), которые занимали должности на фронтовых железных дорогах Российской империи в годы Первой мировой войны. Автором установлено, что начальная фаза изменения кадровой политики Министерства путей сообщения и органов Военно-полевого управления (в пользу привлечения большего количества женщин на железнодорожную службу) датируется второй половиной 1915 года. Изменения в кадровой политике в первую очередь были вызваны мобилизацией в ряды армии запасных чинов и ратников ополчения II разряда, многие из которых до этого трудились на железных дорогах. В 1916 году тенденция замены женщинами ушедших на фронт мужчин приобрела устойчивый характер. В статье делается вывод о постепенном расширении сферы применения труда женщин на железных дорогах театра военных действий, показан рост абсолютной численности железнодорожниц, что обусловливалось потребностями военных властей во время Первой мировой войны.*

Ключевые слова: *Российская империя; Первая мировая война; железнодорожный транспорт; женщины; женский труд.*

В результате Первой мировой войны глобальным изменениям подверглись все стороны жизни стран-участниц, включая социальную составляющую. На первый взгляд данный вопрос уже изучен (но осмыслен ли?), однако на деле некоторые его аспекты до сих пор предстают в историографии малоосвещёнными либо вовсе являются белыми пятнами. К таковым можно отнести сравнительно новую для российской науки проблематику, интерес к которой вызывается «антропологическим поворотом» в истории, — исследование места женщины в вооружённых конфликтах прошлого. В нашем случае помимо традиционных представлений о «не женском лице» войны изучение трудовой деятельности женщин на железных дорогах (ж/д) долгое время наталкивалось на другой стереотип — представление о железнодорожной отрасли как об исконно «маскулинной сфере». Женщинам либо совсем не находилось места на дореволюционных ж/д, либо их вклад в эксплуатацию магистралей виделся слишком незначительным, чтобы презентовать данную проблематику в качестве поля академических «штудий». В итоге даже в специализированных работах по истории железнодорожного транспорта Российской империи периода Первой мировой упоминания о труде женщин, по праву являвшихся членами «железнодорожного мира», чрезвычайно скудны и отрывочны[1].

Единственным исследованием, посвящённым изучению женского труда на фронтовых ж/д, является работа шотландского профессора Э.Дж. Хейвуда[2]. Поэтому правомерен вопрос: уместно ли утверждать о полноценном познании прошлого железнодорожной отрасли времён первой в истории тотальной войны, если женский социальный опыт остаётся неучтённым? Стремление восполнить данный историографический пробел стало побудительным импульсом к написанию настоящей статьи.

18 июля* 1914 года в России после объявленной накануне всеобщей мобилизации был установлен особый порядок управления путями сообщения. Он изложен в «Положении о полевом управлении войск в военное время»[3] (спешно утверждено 16 июля). В соответствии с положением всю сеть ж/д Российской империи (65 110 вёрст к началу войны) разделили на дороги:

1) Западного района (фронтовые / дороги военно-полевого района / дороги театра военных действий (ТВД)) — линии, лежавшие к западу и югу от проведённой демаркационной линии (21 734 версты, или 33 проц. от эксплуатационной длины ж/д страны)[4], на которых стали действовать законы военного времени и которые, соответственно, перешли в ведение военных властей;

2) Восточного района (тыловые / дороги внутренней сети) — линии, лежавшие к востоку от демаркационной линии (43 376 вёрст, или 67 проц. ж/д страны), оставшиеся в непосредственном распоряжении гражданских властей[5].

Рассчитывая на краткосрочную войну, российская власть не посчитала необходимым перевести всю железнодорожную сеть на военное положение. В результате дороги Восточного района остались в ведении Управления железных дорог Министерства путей сообщения (МПС) и правлений частных обществ, не претерпев существенных изменений в своей организации в сравнении с довоенным периодом. Напротив, на дорогах ТВД, где власть сосредоточилась в руках органов Военно-полевого управления, произошли серьёзные организационные изменения[6].

Несмотря на учреждение Главного управления военных сообщений, с сентября 1915 года такой существенный недостаток, как двойственность управления всей сетью дорог Российской империи, устранён не был[7].

Вышеназванные особенности системы управления железными дорогами ТВД сказались на проводившейся в ней кадровой политике. Ещё 14 июля 1914 года секретным циркуляром № 742 начальник Управления железных дорог МПС И.Н. Борисов уведомил начальников казённых ж/д и управляющих частными ж/д, что в случае объявления в стране мобилизации в силу вступят «Главные основания порядка эксплуатации железных дорог, входящих в район театра военных действий»[8].

В соответствии с этим документом перешедшие в ведение военного ведомства местные управления ж/д сохраняли свои администрации и внутренний порядок службы как в управлении, так и на линии, продолжая руководствоваться ранее установленными для эксплуатации дорог МПС «Правилами технической эксплуатации» и другими распоряжениями. Иными словами, с началом боевых действий правила, определявшие условия и порядок поступления на железнодорожную службу, принципиальным образом не менялись (за исключением определения на должности высших служащих).

12 ноября 1915 года начальник штаба Верховного главнокомандующего утвердил особое дополнение к «Положению о Главном управлении военных сообщений» — «Главные основания эксплуатации железных дорог, входящих в район театра военных действий»[9].

По вопросу заведования личным составом §7 «Главных оснований...» определял, что сохраняется действовавший в мирное время «порядок назначения, перемещения и увольнения служащих <...> то есть таковое производится местными управлениями и представляется в подлежащих случаях на утверждение МПС»[10].

Наконец 7 марта 1916 года министр путей сообщения А.Ф. Трепов подтвердил приверженность довоенным порядкам в вопросах кадровой политики: «Назначения, перемещения и увольнения служащих дорог фронта, за исключением начальников отделений и выше, производятся порядком, действовавшим в мирное время, то есть на основании Временной инструкции местным Управлениям железных дорог и в надлежащих случаях через Центральные учреждения МПС»[11].

Однако, ссылаясь на потребности военного времени,

* Здесь и далее даты даны по старому стилю.

управления железных дорог ТВД и особенно созданное осенью 1915 года Управление путей сообщения де-факто обладали значительной автономией от МПС в вопросах кадровой политики. Нагляднее всего это демонстрирует практика найма женщин на железнодорожную службу.

Можно предположить, что с первых месяцев войны для женщин открылись широкие возможности для трудоустройства на ж/д, но это не так. Действительно, на фронтовых железных дорогах уже осенью 1914 года выявился недостаток в железнодорожных служащих[12], однако по большей части это была потребность в специалистах, должности которых не могли замещаться женщинами по действовавшим довоенным правилам. В списке из 31 должности, на которую в августе 1914-го срочно требовались агенты по дорогам ТВД, только на должности младших телеграфистов к тому времени был задействован труд женщин[13].

Недостаток в служащих заставлял полевые управления обращаться в МПС с требованиями о дополнительном командировании в их распоряжение новых партий, прежде всего инженеров и техников путей сообщения[14]. Во время мобилизации министр путей сообщения С.В. Рухлов проинструктировал руководителей дорог: не препятствовать добровольцам из числа служащих уходить на военную службу. Но массового исхода не наблюдалось[15]. Когда же война затянулась, добровольный уход в армию был вовсе запрещён.

Портрет генерал-майора С.А. Ронжина. 1916 г.
Художник Н.В. Харитонов Государственный исторический музей

Такая ситуация сохранялась около года, в результате ж/д ТВД испытывали возраставшие трудности с подбором квалифицированного персонала — в связи со смертью сотрудников, выходами на пенсию, болезнями и проч. Однако основной причиной нехватки персонала стало сокращение численности служащих вследствие призыва на военную службу мужчин призывного возраста. Колоссальные потери на фронте, которые несла Российская империя, заставляли военное ведомство «давить» на МПС и управления дорог с целью увеличения числа новобранцев[16], поэтому местные управления всё сильнее испытывали недостаток в кадрах. В итоге 20 мая 1915 года Управление железных дорог МПС выпустило циркуляр № 12683/143/3468, в котором начальникам казённых железных дорог временно позволили нанимать женщин без среднего образования при условии удовлетворительной сдачи ими испытаний на должности и последующего уведомления об этом МПС[17].

Можно предположить, что с первых месяцев войны для женщин открылись широкие возможности для трудоустройства на ж/д, но это не так

С середины 1915 года давление военных усилилось и они стали брать верх над гражданскими властями. Сначала военное ведомство добилось пересмотра списка зарезервированных железнодорожных профессий, занятие которых позволяло служащим иметь отсрочку от призыва. Затем было достигнуто соглашение о том, что МПС может удерживать персонал по многим профессиям, ранее зарезервированным только на время, необходимое для подготовки соответствующей замены[18].

В результате в середине июля 1915-го Технический отдел Управления железных дорог МПС предложил позволить «лицам женского пола выполнять на железных дорогах все работы, соответствующие физическим силам и характеру женщин»[19]. Канцелярия Управления МПС, занимавшаяся кадровыми вопросами, присоединилась к озвученному предложению 28—31 июля 1915 года.

Технический отдел Управления железных дорог

МПС выпустил циркуляр № 19533/10492/424 «О применении женского труда при работах на железных дорогах». По существу, этот документ сделал для женщин доступной любую работу, которая соответствовала «физическим силам и природе женщины»[20]. Предпочтение следовало отдавать особам здоровым и работоспособным, из семей железнодорожников, ушедших на фронт, или бывших военнослужащих-инвалидов, а их рабочая одежда должна была подходить для исполнения должностных обязанностей.

На фоне начавшегося 5 сентября 1915 года первого призыва ратников ополчения II разряда (возраст 20—24 г.)[21], многие из которых прежде служили на ж/д, руководители дорог с бóльшим, чем прежде, энтузиазмом стали относиться к перспективе найма женщин на те или иные должности. Так, уже 27 сентября начальник службы тяги Риго-Орловской железной дороги инженер К.Н. Микульский предложил подведомственным ему начальникам участков тяги приступить к широкому применению женского труда на работах по ремонту подвижного состава. Инженер мотивировал своё предложение «ощущаемым ныне недостатком рабочих рук»[22]. К марту 1916 года стало известно, что на пятом участке тяги, в паровозной мастерской Орловского депо, уже трудилась 21 женщина. Из них 3 числились чернорабочими с подённой платой в 72 коп., а 18 — чистильщицами паровозов с подённой платой в 63 коп. По заключению начальника пятого участка тяги инженера Горячева применение женского труда оказалось «вполне допустимым», требовалась лишь определённая подгонка форменного обмундирования. Используя данный пример как образец, К.Н. Микульский активно призывал других начальников тяги Риго-Орловской железной дороги привлекать женщин к службе.

Поворотным моментом стала зима 1915 года.

5—6 декабря в Ставке Верховного главнокомандующего состоялось совещание представителей службы движения дорог ВПУ по вопросу о технической отчётности по работам станций и о мероприятиях по увеличению пропускной способности дорог и повышению планомерности их работы[23]. Участниками совещания стали представители дорог (Юго-Западных, Полесских, Либаво-Роменской, Риго-Орловской, Александровской, Северо-Западных, Московско-Виндаво-Рыбинской — московской и петроградской сетей и Новосольницкого отделения), а председателем выступил начальник Управления путей сообщения Г.О. Паукер.

Он доложил представителям дорог, что «в настоящее время, с разрешения Главного начальника военных сообщений, открыт самый широкий доступ на железнодорожную службу женщин вне зависимости от образовательного ценза, которые могут приниматься без всякой процентной нормы на все конторские должности, телеграфистками и даже тормозильщицами товарных поездов и стрелочницами»[24] (20 декабря 1915 г. С.А. Ронжин утвердил все решения совещания).

9 декабря 1915-го состоялось ещё одно совещание — начальников служб тяги дорог Московского узла под председательством профессора Ю.В. Ломоносова, посвящённое нехватке кадров и повышению эффективности тяговых работ на железных дорогах[25].

На этом совещании среди прочего были озвучены практические идеи о том, как эффективнее использовать женский труд во всех отраслях ремонта, где это представлялось возможным. Например, привлекать женщин к исполнению должностей чистильщиков паровозов, пробивальщиков дымогарных труб, поездных проводников, чистильщиков, истопников и проводников вагонов[26].

Для усиления личного состава паровозных бригад предлагалось задействовать мужчин — истопников вагонов, а на их место привлекать «наиболее расторопных и развитых женщин из числа работающих по уборке и очистке вагонов»[27]. Железные дороги ТВД достаточно быстро отреагировали на решения обоих совещаний.

С последующими циркулярами Управления железных дорог МПС на протяжении всего 1916 года возможности для трудоустройства женщин становились всё более широкими, что отмечалось в ВПУ. Женщин

К марту 1916 года стало известно, что на пятом участке тяги, в паровозной мастерской Орловского депо, уже трудилась 21 женщина. Из них 3 числились чернорабочими

всё чаще разрешали принимать на различные должности либо для заполнения открывавшихся вакансий, либо для замены мужчин, переводившихся на другие должности или уходивших на фронт. На ТВД в этом плане наибольшую активность проявляло руководство Александровской ж/д, деятельность которой была направлена на обслуживание нужд Западного фронта через Смоленск и Минск.

9 марта 1916 года начальник Александровской ж/д А.Л. Чернай обратился к начальнику Управления путей сообщения Г.О. Паукеру с просьбой о приёме «лиц женского пола» на должности временных караульных и станционных сторожей вместо занимавших данные должности мужчин. Последних же планировалось перевести на должности стрелочников[28]. Управление путей сообщения пошло данной просьбе навстречу.

29 марта 1916 года Управление путей сообщения выпустило циркуляр № 241781/28, в котором обратилось к начальникам и управляющим дорогами ВПУ с предложением активнее привлекать женщин для замещения вакансий младших и низших станционных служащих. В особенности на дорогах ощущался недостаток в помощниках начальников разъездов, телеграфистах, машинистах и их помощников.

Ссылаясь на циркуляры Управления железных дорог МПС (от 28—31 июня 1915 г. № 19533/10492/424 и 9 января 1916 г. № 776/3/7/18), Управление путей сообщения рекомендовало обратиться к «широкому применению женского труда для целого ряда должностей, где труд этот ещё не применяется или применяется в самом незначительном размере и где нет никаких причин к неиспользованию такового, раз это будет допускать физическое состояние данной кандидатки»[29].

Женщины на дорогах ВПУ (кроме тех, что перечислялись в циркулярах МПС) могли замещать следующие должности: помощников начальников разъездов, станционных конторщиков разных наименований, весовщиков, кондукторов, раздатчиков, тормозильщиков, стрелочников на разъездах и малых станциях, швейцаров, привратников, сторожей станций и перронов, носильщиков, сторожей по охране грузов, переездных и путевых сторожей, ремонтных рабочих. Были и иные должности, которые позволялось занимать женщинам по специальным представлениям начальников дорог в Управление путей сообщения.

Кроме того, указанным выше циркуляром Управления путей сообщения № 241781/28 от 29 марта 1916 года действовавшие на железных дорогах ТВД ограничения к кандидатам в отношении образовательного ценза на время войны были отменены. В виде временной меры разрешался приём на младшие должности как мужчин, так и женщин без среднего образования, а единственным требованием было соответствие кандидатов «по своему развитию и грамотности» той работе, какую им предполагалось поручить[30].

На периодически возникавшие в 1916 году вопросы со стороны управлений фронтовых дорог, касаются ли их ограничения, действовавшие на дорогах, подведомственных МПС[31], Управление путей сообщения ответило циркуляром № 247056/77 от 19—20 сентября 1916 года. Начальникам и управляющим дорогами ВПУ было вторично разъяснено, что в пределах дорог последнего «прием на службу женщин допущен, с разрешения Главного начальника военных сообщений, вне всякой процентной нормы»[32].

Таким образом, в отличие от дорог, подведомственных МПС, управления фронтовых магистралей получили намного больше самостоятельности в приёме женщин на железнодорожную службу.

Самая же удивительная инициатива никогда не упоминалась в циркулярах МПС, однако была широко разрекламирована на дорогах ТВД. Речь идёт о приёме женщин на должности паровозных кочегаров (исполняющих обязанности помощников машинистов) для осуществления манёвров на станциях. Когда 5 октября 1916 года начальник Александровской ж/д А.Л. Чернай обосновывал свою инициативу перед Управлением путей сообщения, он ссылался на предоставленное ему право обращаться с такими представлениями в соответствии с циркуляром № 241781/28 от 29 марта 1916 года.

К октябрю того же года на этой должности управление задействовало 44 женщины[33], которые трудились на оживлённых развязках между Смоленском и Вязьмой на главной линии Москва — Минск. Все они получили необходимую подготовку и были испытаны в знании сигналов, умении топить (правильно забрасывать уголь в паровозную топку), производить набор воды, смазку трущихся частей тендера и т.д. Стоит отметить, что А.Л. Чернай приступил к испытанию женщин в качестве помощников машинистов в августе 1916 года и лишь спустя полтора месяца обратился в Управление пу-

тей сообщения с просьбой о санкционировании права на проведение подобного опыта.

В этом случае мы наблюдаем разительный контраст с довоенными взглядами, что стало возможным только благодаря уникальной ситуации административного разделения железнодорожной сети в годы войны. Транспортные руководители в Ставке Верховного главнокомандующего оказались более склонными к ослаблению ограничительных норм, действовавших в отношении женского труда, чем руководство МПС, и сразу же согласились с инициативой руководства Александровской ж/д, предложившего использовать женщин в качестве помощников машинистов. Правда, соответствующее официальное разрешение начальник Александровской ж/д получил только 20 декабря 1916 года в ответ на своё вторичное послание (первое Управление путей сообщения приняло к сведению и не отреагировало), когда в должности помощника паровозного машиниста на его дороге трудились уже 53 женщины[34].

Управление путей сообщения периодически распространяло по дорогам ТВД информацию об удачных опытах привлечения женщин к различным должностям «для сведения», пытаясь тем самым подать пример всем железнодорожным руководителям[35]. И как минимум ещё одно управление — Риго-Орловской ж/д — заинтересовалось возможностью допустить имевших соответствующую подготовку женщин к замещению должностей паровозных кочегаров (помощников машинистов)[36].

А.Л. Чернай приступил к испытанию женщин в качестве помощников машинистов в августе 1916 года и лишь спустя полтора месяца обратился в Управление путей сообщения с просьбой о санкционировании права на проведение подобного опыта

Каковы были последствия всех указанных изменений к 1917 году? В количественном отношении численность женщин, занятых на ж/д ТВД, возрастала. Если к 1 ноября 1916-го на железных дорогах Западного района числились 21 767 служащих-женщин (10,4 проц. от общей численности персонала), то к 1 марта 1917-го их было уже 25 535 (10,5 проц.)[37]. То есть абсолютная численность железнодорожниц на железных дорогах ВПУ возросла с октября 1916 по февраль 1917 года на 3768 человек.

Тем не менее, как отмечал начальник Управления путей сообщения Г.О. Паукер, к 1 января 1917 года на дорогах ВПУ ощущался дефицит железнодорожных служащих.

Таблица

Динамика численности женщин, служивших в должности помощника машиниста (Александровская ж/д)

Дата	Численность помощников машинистов		Соотношение числа женщин к общей численности помощников машинистов
	Мужчин	Женщин	
1 ноября 1916 г.	62	48	0,43
1 декабря 1916 г.	73	53	0,42
1 января 1917 г.	80	46	0,36
1 февраля 1917 г.	83	42	0,33
1 марта 1917 г.	80	45	0,36

Подсчитана по: РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 114. Л. 35, 35 об.; 61, 61 об.; 89, 89 об.; 119, 199 об.; 145, 145 об.

Железнодорожные работы. От Петрограда до Вологды по железной дороге в апреле 1917 г.
Фото А. Томаса

И это несмотря на широкомасштабную подготовку кандидатов для занятия железнодорожных должностей всех категорий на открытых для этого специальных курсах, а также «широкое допущение на службу женщин, отмену возрастных ограничений и понижение образовательного ценза»[38].

К 1 мая 1917 года на ж/д ВПУ женщины составляли 12—13 проц. от общего числа служащих. При этом по должностям, не требовавшим специальной подготовки и приложения значительных физических усилий, их доля доходила до 30 проц., а в некоторых случаях, как, например, на конторских должностях, — до 50 проц. и выше. Затруднения встречались в укомплектовании должностей, требовавших специальной подготовки и значительного приложения физических сил, где женщин было около 10 проц. Столь невысокий показатель объяснялся небольшим денежным вознаграждением, которое могли выплачивать женщинам управления железных дорог в сравнении с другими казёнными учреждениями, общественными организациями и промышленными предприятиями страны на аналогичных должностях.

По отчётным данным, на 1 мая 1917 года на ж/д ВПУ числились около 225 тыс. служащих, из них 28 тыс. — женщин (12,4 проц.)[39].

По произведённым нами подсчётам, с 19 июля 1914 по 2—3 марта 1917 года центральными учреждениями государственной власти России были изданы 29 нормативно-правовых актов, регулировавших использование труда женщин на железных дорогах. Если в 1914 году не было издано ни одного акта, то в 1915-м

вышли 4 (циркуляры Управления железных дорог МПС), в 1916-м — 23 (из них 7 издало ВПУ, остальные — гражданские власти в лице Управления железных дорог МПС и Совета министров), в 1917-м — 2 (циркуляры Управления железных дорог МПС). Данная статистика наглядно показывает, в какой период труд женщин приобрёл максимальное значение для управлений железных дорог.

К весне 1917 года женщины добились права занимать на ж/д следующие должности:

— по всем службам: помощник — секретаря, бухгалтера, делопроизводителя; делопроизводитель, старший счетовод, счетовод; письмоводитель, техник, чертёжник, журналист, конторщик, переписчик, архивариус, сторож, посыльный, привратник;

— по службе движения: помощник — начальника станции, билетного кассира; билетный кассир, весовщик, таксировщик, технический и коммерческий конторщик, маркировщик, пломбировщик, сигналист, ламповщик, уборщик, наклейщик, стрелочник, кондуктор, истопник кубов, носильщик;

— по службе телеграфа: телеграфист, телефонист, кладовщик телеграфа;

— по службе пути: ремонтный рабочий, чернорабочий, переездный и путевой сторож;

— по службе тяги: помощник машиниста на манёврах, осмотрщик вагонов, формовщик, чистильщик и уборщик паровозов, истопник, чистильщик и уборщик вагонов, чернорабочий, кочегар паровоза и водокачек, проводник вагонов, мастер всех цехов, ученик мастерских, рабочий, прачка, смазчик, обойщик, водолив и угольщик.

Хотя война не привела к полноценному гендерному равенству на ж/д (т.к. в циркулярах подчёркивался временный характер производившихся изменений), тем не менее практика свидетельствовала: женщины оказались не просто полезны на железнодорожной службе, но достаточно успешно заменяли призванных на фронт мужчин. Не случайно томское периодическое издание «Железнодорожник» в июле 1918 года подытожило: «Война, а затем революция, разрушив целый ряд освещённых веками установившихся ценностей и взаимоотношений, выдвинула на первый план новые творческие элементы в сфере общественно-экономической и государственной жизни. И в числе этих элементов едва ли не первое место принадлежит женщине как новому трудо-

Портрет министра путей сообщения А.Ф. Трепова. 1915 г.
Левенсон М.Л. Государственный совет: [портреты и биографии]. [2-е изд.]. Пг.: Тип. Петроградской тюрьмы, 1915. С. 140.

вому фактору, влившемуся в жизнь»[40]. Железные дороги, затронутые мобилизацией, потерявшие часть своего служебного персонала, активно расширяли сферу применения женского труда.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-78-10036 «Иностранные закупки как фактор решения транспортных проблем позднеимперской России: опыт Первой мировой войны».

Примечания

[1] См.: *Лилина З.И.* Солдаты тыла: (Женский труд во время и после войны). Пг.: Петрогр. сов. р. и к.-арм. д., 1918. С. 17, 42, 43; *Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.). М.: ГОУ «УМЦ ЖДТ», 2009. С. 161; *Истомина Э.Г., Сенин А.С.* Транспортная система // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 359; *Хобта А.В.* Женщины на железнодорожном транспорте: от «интеллигентного» труда к профессиональному образованию // *Вульфов А.Б.* История железных дорог Российской империи. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 553—556.

[2] *Heywood A.* Women Workers in Wartime sarist Russia, 1914—1917: Hiring Policy in the Railroad Industry // Women and Gender in Russia's Great War and Revolution 1914—1922. Vol. 10: Russia's Great War and revolution 1914—22. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2022, P. 17-52.

[3] Пути сообщения на театре войны 1914—1918 гг.: краткий отчёт Управления путей сообщения при Штабе Верховного главнокомандующего. Ч. 1. М.: Типо-лит. Народ. комиссариата путей сообщения, 1919. С. 85—102.

[4] По другим данным, в зону Военно-полевого управления отошла 21 291 верста, или 32,7 проц. эксплуатационной длины железных дорог страны. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1576. Оп. 1. Д. 203. Л. 2.

[5] *Букин Б.* Железные дороги в мировую войну и их ближайшие задачи в подготовке страны к обороне // Война и революция. 1926. № 3. С. 104; Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну: Ч. 1—2. Ч. 2: Первое полугодие 1915 года / [Сост. инж. В. Цыгульский]. Пг.: Типолит. Н.И. Евстифеева, 1916. С. 7.

[6] Ещё 27 февраля 1914 г. в статье «Россия хочет мира, но готова к войне» военный министр В.А. Сухомлинов заявил: «Офицеры и солдаты показали себя мастерами в железнодорожном деле и могут обойтись без обычного железнодорожного персонала». Цит. по: *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке: (25 сентября 1915 — 2 июля 1916 гг.). Пг., 1920. С. 5.

[7] Что позволило служившему в Ставке Верховного главнокомандующего М.К. Лемке 7 декабря 1915 г. охарактеризовать совместную работу Главного начальника военных сообщений С.А. Ронжина и министра путей сообщения А.Ф. Трепова как «бестолковщину». См.: *Лемке М.К.* Указ. соч. С. 5.

[8] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2004. Оп. 1. Д. 18. Л. 82.

[9] Пути сообщения на театре войны 1914—1918 гг. … С. 17, 18.

[10] Там же. С. 137.

[11] РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 99. Л. 23.

[12] Перевод железнодорожных служащих // Голос Руси. 1914. 12 сентября. С. 4.

[13] РГВИА. Ф. 2004. Оп. 1. Д. 18. Л. 12, 12 об.

[14] Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

[15] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 544. Л. 245.

[16] РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 30. Л. 6, 6 об.

[17] Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 414. Оп. 2. Д. 816. Л. 56, 56 об.

[18] РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 30. Л. 6—7 об., 40, 40 об., 56, 56 об., 60—61; Д. 1898. Л. 41—42.

[19] Там же. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 64.

[20] Государственный архив Томской области. Ф. 215. Оп. 2. Д. 62. Л. 14, 14 об.

[21] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 59.

[22] РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 34. Л. 6, 6 об.

[23] Там же. Л. 8.

[24] Там же. Д. 222. Л. 12 в.

[25] Общая хроника // Вестник Рязанско-Уральской железной дороги. 1916. № 1. С. 7.

[26] РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 34. Л. 13.

[27] Общая хроника // Вестник Рязанско-Уральской железной дороги. 1916. № 1. С. 7.

[28] РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 34. Л. 3.

[29] Там же. Л. 12.

[30] Там же.

[31] Там же. Л. 17 об., 18.

[32] Там же. Д. 1. Л. 434.

[33] Там же. Д. 34. Л. 16.

[34] Там же. Л. 35, 36, 36 об.

[35] Там же. Оп. 3. Д. 114. Л. 25.

[36] Там же. Л. 28.

[37] Подсчитано по: там же. Л. 1, 7.

[38] Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 526.

[39] Там же. Д. 34. Л. 53.

[40] *Палонцов Н.* Женщина труда и профессиональное движение // Железнодорожник. 1918. 16 июля. С. 4.

V.A. Serdyuk

«WOMEN CAN BE TAKEN ON… OUTSIDE ANY PERCENTAGE QUOTAS»

The work of women at frontline railroads of the Russian Empire during the First World War

Information about author. *Vladimir Serdyuk — assistant professor of the History, Philosophy and Culture Studies Department at the Omsk State University of Communications, senior researcher at the History Institute of St. Petersburg State University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Omsk. E-mail: a.serdyuk@mail.ru).*

Summary. *The paper falls back on analysis of office documents by the military authorities to cite information about women (numbers, ratio, etc.) who held posts at the Russian Imperial front railroads during the First World War. The author establishes that the initial phase of changes in the personnel policy of the Communications Ministry and Military-Field Administration bodies (in favor of attracting more women to railroad service) dates back to the second half of 1915. The changes in personnel policies were due primarily to the fact that men in the reserve and militia fighters 2nd class had been mobilized, while many of those used to work at railroads. In 1916 the trend toward replacing fighting men with women became firmly established. The paper concludes that the sphere of women's work at the TOW railroads gradually expanded, and shows the growing absolute numbers of railroad female workers, which was conditioned by the needs of the military authorities during WWI.*

Keywords: *Russian Empire; First World War; railroad transport; women; women's work.*

«ПУТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОЗРОЖДЕНИЮ НЕОФАШИЗМА»

Две ключевые даты в истории нашего Отечества — Советского Союза: 22 июня 1941 года и 9 мая 1945 года — День памяти и скорби и День Великой Победы. Всё дальше уходят от живущих сегодня наших соотечественников эти даты, всё меньше остаётся живых свидетелей и участников Великой Отечественной войны, тех, кто сражался на полях битв, кто был за линией фронта и боролся с фашистскими оккупантами, кто прошёл через блокаду, осаду, концентрационные лагеря, тюрьмы, гетто. И если после окончания войны число участников и свидетелей исчислялось миллионами, то теперь во всех государствах на территории Союза прямых участников боевых действий и узников фашизма осталось, наверное, меньше миллиона.

И поэтому в наше очень непростое время, когда голову вновь поднимают последователи и наследники фашистов и нацистов, важно услышать и прочитать воспоминания живых представителей поколений победителей.

Именно такую книгу* подготовила Пушкинская общественная организация бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, входящая в Московское областное отделение Российского союза бывших несовершеннолетних узников фашизма — члена Международного союза бывших малолетних узников фашизма (МСБМУФ).

Книга включает в себя подборку живых воспоминаний об увиденном реальном фашизме, о массовых преступлениях фашистов и нацистов против человечности, детства и детей. Их авторами стали 58 бывших малолетних узников фашистских лагерей. Марина Андреевна Поварова вспоминает, что в июне 1943 года её родителей вместе с другими жителями села Навля Орловской области погнали в Германию: «Людей погрузили в товарные вагоны и везли, как скот. Выгрузили в чужой незнакомой местности и поместили за колючую проволоку. Так мои родители оказались в фашистском концентрационном лагере в Литве, в городе Шауляй. В декабре 1943 года в этом лагере родилась я. Что перенесла моя мама с новорождённой, трудно даже представить...».

Женщины, старики и дети для фашистских зверей были врагами, биологическим материалом для достижения своих человеконенавистнических целей. Сегодня невозможно представить, что ощущал беззащитный ребёнок, оказавшийся во вражеском концентрационном лагере. На глазах ребятишек погибали такие же, как они. И эти картины навсегда остаются в памяти.

Освобождение мира от фашистской чумы в 1945 году вернуло детей в красочный мир. И хотя послевоенный период был непрост, для детей даже он был глотком живительного воздуха. Энергия ненависти превратилась для них в энергию созидания. Они хотели жить, творить, учиться, работать, созидать. Поэтому и книга получила такое название — «Они сказали жизни ДА!!!».

Вторая часть книги — «Наши друзья» — посвящена совместной работе Пушкинской общественной организации бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей с образовательными организациями, органами власти, ветеранскими и общественными организациями, издательством «Доблесть», благотворителями и другими социальными партнёрами. Эта деятельность направлена прежде всего на воспитание молодёжи и поддержку ветеранов.

Завершает книгу не менее важный раздел — «Помните...». Он посвящён истории немецких концлагерей Маутхаузен, Заксенхаузен и Освенцим, в том числе какими их увидели в 1940-е, запомнили и вспомнили, посетив в 2000-е годы, бывшие малолетние узники из России. В этом же разделе представлена история одной фотографии — судьба Клавдии Соболевой (Нюппиевой), изображённой на широко известном фото Г.З. Санько концлагеря в Петрозаводске в июне 1944 года (это же фото вынесено на обложку книги).

Обложка книги

И здесь же история Юриюса Тракшялиса, гражданина Литовской Республики, который заложил свою квартиру и квартиры своих сыновей, чтобы на полученный кредит восстановить 12 советских воинских захоронений на территории Литвы. Платежи по кредиту затянулись, и банк отнял все квартиры... Сегодня у Юриюса квартиры нет, но он продолжает своё дело, начатое более 20 лет назад, — дело возрождения и сохранения памяти о подвигах русских и советских воинов, сражавшихся и погибших на территории современной Литвы.

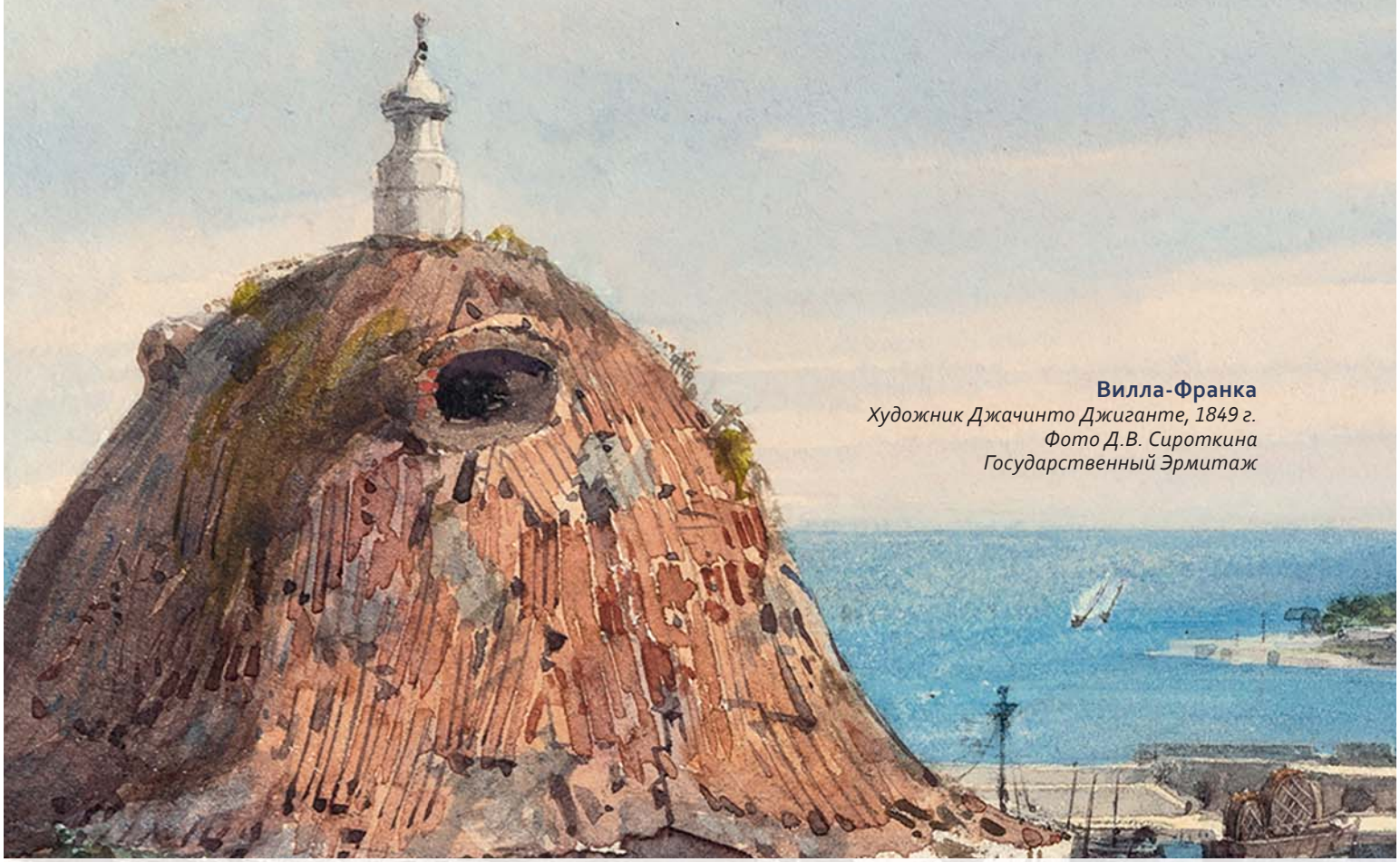
«Выпуск новой книги усилиями малолетних узников г. Пушкино является хорошим примером для районных, городских и областных объединений жертв фашизма, вставших на путь противодействия возрождению неофашизма в каждой стране и во всём мире», — отметил в предисловии к книге Н.А. Махутов, Председатель МСБМУФ, член-корреспондент РАН.

* Они сказали жизни ДА!!! М.: Доблесть, 2022. 184 с.

М.С. Олейник

РУССКИЙ БЕРЕГ ФРАНЦИИ

Императорский флот в Вилла-Франке



Вилла-Франка
Художник Джачинто Джиганте, 1849 г.
Фото Д.В. Сироткина
Государственный Эрмитаж

Сведения об авторе. *Олейник Мария Сергеевна — старший научный сотрудник Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого (Санкт-Петербург. E-mail: navalmuseum_org@mil.ru).*

Аннотация. *Присутствие Российского императорского флота в Вилла-Франке, а позже в Тулоне оказало огромное влияние на культурное развитие этого региона. В связи с заключением Парижского мирного договора 1856 года и нейтрализацией Чёрного моря была создана русская Средиземноморская эскадра, которая базировалась в Неаполе. После постройки пристани в Вилла-Франке русские военные корабли имели право на стоянку в «вольном городе». Всё чаще на средиземноморское побережье стали приезжать представители императорской семьи, а вслед за ними русская аристократия и интеллигенция. В прибрежных городах Лазурного берега были приобретены роскошные виллы, построены православные храмы и устроены русские кладбища. После Октябрьского переворота 1917 года в Канны, Ниццу, Вилла-Франку, Ментону устремились эмигранты первой волны. Вплоть до 1931 года в Вилла-Франке размещалась международная (русская) зоологическая станция.*

Ключевые слова: *Российский флот; Вилла-Франка; Вильфранш-сюр-мер; Тулон; Ницца; Ментона; сардинское правительство; эскадра Средиземного моря; Лазурный берег; Русское общество пароходства и торговли; Парижский мирный договор; Международная (русская) зоологическая станция; А.П. Боголюбов.*

Различные аспекты русско-французских отношений в сфере военно-морского сотрудничества становились предметом изучения многих отечественных специалистов. Первые советские исследования франко-русского союза в контексте военно-политических взаимоотношений появились в 1926 году[1]. В последующем в разработку данной тематики внесли большой вклад В.И. Бовыкин[2], Э.М. Розенталь[3], А.З. Манфред[4], Ю.М. Коробов[5]. Также неоднократно рассматривались дипломатические отношения между двумя странами в контексте визитов кораблей Российского флота в средиземноморские порты. Ещё одним шагом в изучении этой темы стала выставка «На пути к франко-русскому союзу. К 125-летию визита российской эскадры в Тулон»[6], организованная в 2018 году Центральным военно-морским музеем имени императора Петра Великого в Санкт-Петербурге.

Наиболее полно тема пребывания Российского императорского флота во второй половине XIX века на средиземноморском побережье и, в частности, в бухте Вилла-Франки отражена в документах Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ)[7]. Часть из них указывает на прибытие кораблей и обеспечение работоспособности Международной (русской) зоологической станции[8]. В статье «Забытые истории известных гидробиологов» украинского исследователя Б.Г. Александрова описывается работа станции после октябрьских событий 1917 года[9]. В настоящей статье рассматривается историко-культурное значение присутствия Российского императорского флота на Лазурном берегу с 1856 по 1917 год.

В 1295 году Карл Анжуйский, граф Прованса, основал вольный город Вилла-Франку и предоставил его жителям право свободной торговли. В литературных источниках и мемуаристике названия города Вилла-Франка и Вильфранш встречаются в равной степени, т.к. на Лазурном берегу зачастую сливаются воедино французская и итальянская культуры. В официальных документах Морского министерства Российской империи с середины XIX до рубежа XIX—XX вв. использовался топоним Вилла-Франка. В современной Франции за городом закреплено название Вильфранш-сюр-Мер.

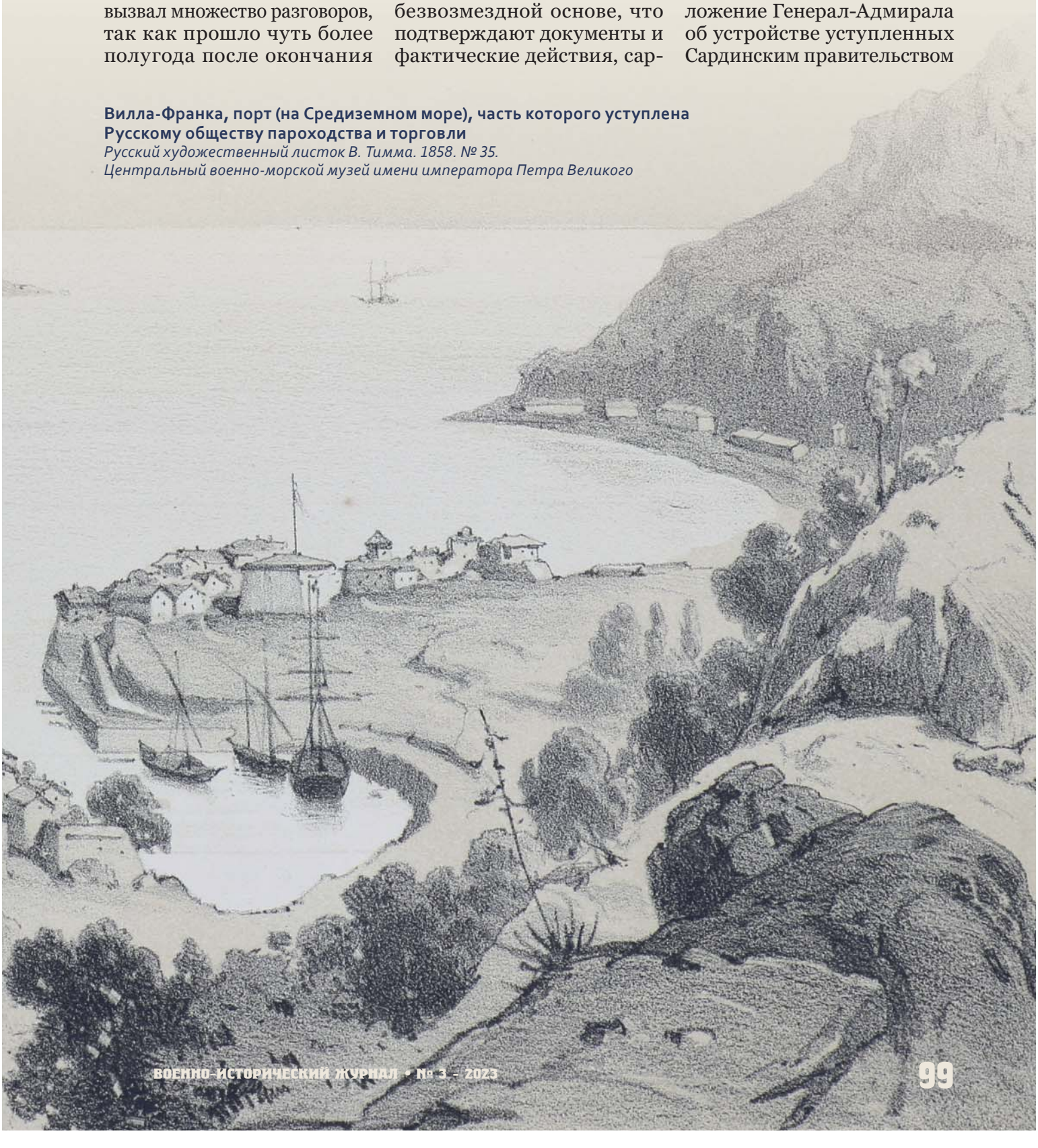
Русские моряки впервые появились на этой территории в 1770 году. Эскадра под командованием графа А.Г. Орлова выбрала бухту Вилла-Франки как место дислокации русского флота в Средиземном море. Отсюда наши корабли ушли в знаменитое Чесменское сражение (24—26 июня 1770 г.). В дальнейшем средиземноморское побережье использовалось для ремонта русских боевых кораблей. После завершения Крымской войны и заключения Парижского мирного договора в 1856 году, лишившего Россию права прохода через проливы Босфор и Дарданеллы, была сформирована эскадра Средиземного моря

под командованием капитана 1 ранга И.А. Шестакова.

Знакомство российской публики со средиземноморским побережьем Франции и Лигурийским берегом Италии началось в октябре 1856 года. Вдовствующая императрица Александра Фёдоровна отправилась в Ниццу, чтобы провести там зиму. Этот поступок вызвал множество разговоров, так как прошло чуть более полугода после окончания Крымской войны, в которой на стороне враждебной России коалиции выступал сардинский король Виктор Эммануил II — в то время суверен Ниццы. Несмотря на пересуды, Марией Фёдоровной был подписан договор об аренде бухты Вилла-Франки, имевшей подходящий фарватер для прохода кораблей большого водоизмещения. На безвозмездной основе, что подтверждают документы и фактические действия, сардинским правительством была передана городская недвижимость под нужды Российского императорского флота[10].

На средства казны были построены здания для обслуживания русских судов. Из письма в Морское министерство от 4 февраля 1856 года: «Государь Император, во 2-й день сего февраля, утвердил предположение Генерал-Адмирала об устройстве уступленных Сардинским правительством

Вилла-Франка, порт (на Средиземном море), часть которого уступлена Русскому обществу пароходства и торговли
Русский художественный листок В. Тимма. 1858. № 35.
Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого



строений нашему флоту в Вилла-Франке <...> Прошу Высочайшего соизволения для сей надобности расходов в сорок тысяч франков»[11]. Средства были выделены, а итальянскими рабочими возведена каменная пристань, что следует из полных отчётов о строительстве.

В созданный таким образом средиземноморский порт в 1856 году прибыла эскадра под командованием капитана 2 ранга С.С. Лесовского. В «Русском художественном листке» В. Тимма № 35 за 1858 год с изображением новой каменной пристани на оттиске значится, что Вилла-Франка (на Средиземном море) уступлена Русскому обществу пароходства и торговли (РОПиТ)[12]. С.С. Лесовский остался в Вилла-Франке и с повышением в чине был переведён в торговый флот РОПиТа, где служил с 1857 по 1858 год[13]. Уже с 1859 года в бухту активно заходили корабли Российского императорского флота. Так, в сентябре в Геную пришёл фрегат «Светлана», пополнивший Средиземноморскую эскадру под командованием контр-адмирала Ф.Д. Нордмана. Из Генуи «Светлана» доставила вдовствующую императрицу в Тулон, а затем свиту герцогов Лейхтенбергских в Вилла-Франку. В ноябре на рейд Вилла-Франки, где уже находились «Светлана», «Вол» и «Олаф», прибыл винтовой фрегат «Илья Муромец», 30 ноября пришёл «Медведь», а 12 декабря — «Гангут». В уступленных Сардинским королевством зданиях, построенных в конце XVIII — начале XIX века, после «переделки полов и печей» был устроен «Русский дом», где были расположены казармы, лазарет и магазины. Офицеры императорского флота, а впоследствии и служащие «Русского дома» были размещены на квартирах в Ницце[14].

С приходом Российского императорского флота, а позже и торгового флота на Лазурном берегу появилась необходимость в постройке православного храма. Под покровительством императрицы Александры Фёдоровны в декабре 1859 года в Ницце была освящена первая русская церковь святителя Николая Чудотворца и мученицы — царицы Александры. Российское консульство и состоявший в ведении российского Святейшего синода храм Николая и Александры приобрели участок земли в квартале Кокад на окраине города для создания русского православного кладбища.

В середине 1860-х годов сын императора и наследник престола цесаревич Николай Александрович — «прелестный юноша с образованным умом, с горячим и любящим сердцем, весёлый, приветливый, обходительный, принимающий во всём живое участие, распространяющий какое-то светлое и отрадное чувство»[15] — в сопровождении наставников отправился в образовательное путешествие

Вильфранш-сюр-Мер (Вилла-Франка)
Фото Жозе Гиллетта, 1904 г.
Музей «Цитадель», Вильфранш-сюр-Мер

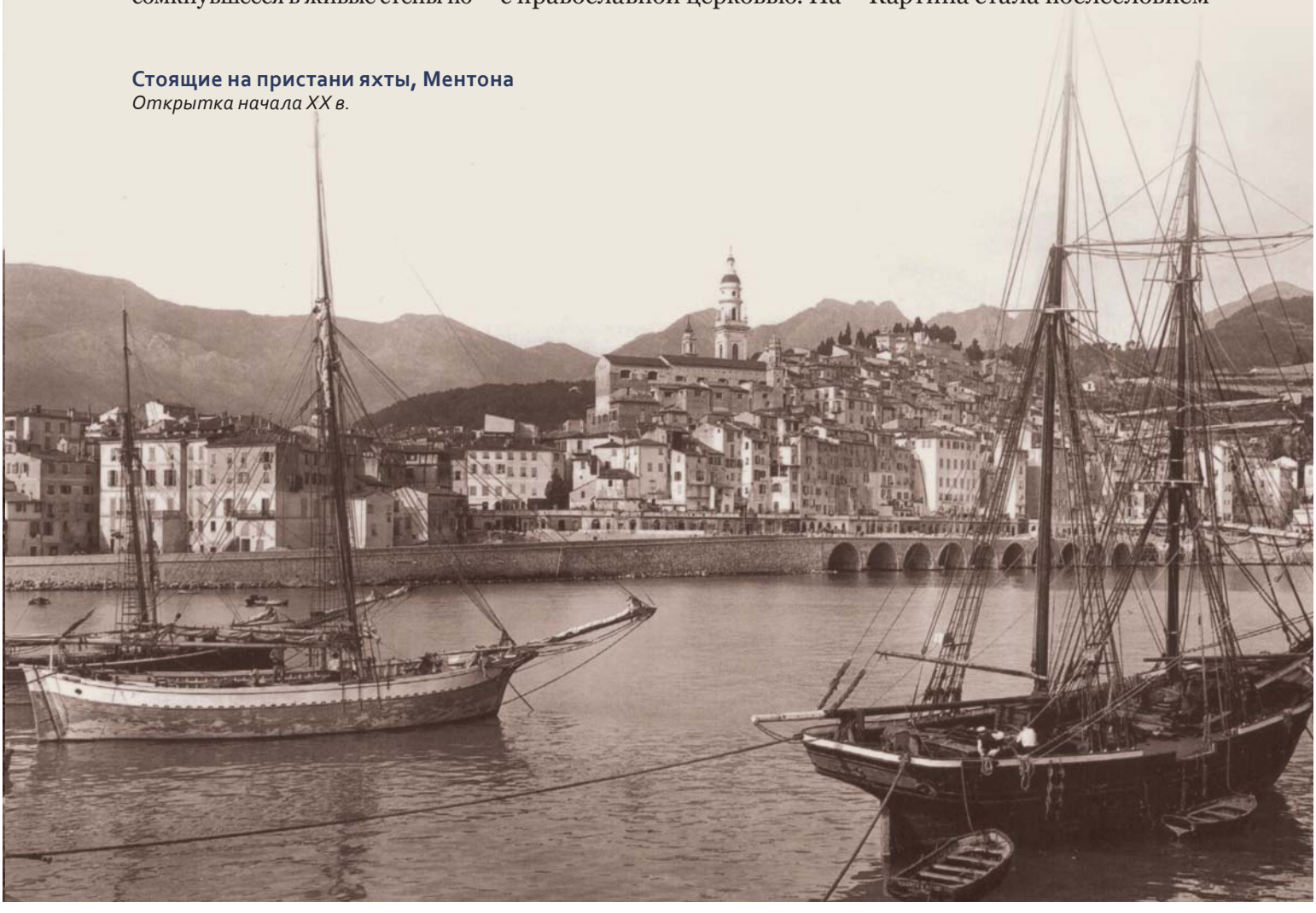
по Европе, из которого ему не суждено было вернуться. На вилле Бермон 24 апреля 1865 года цесаревич скончался. После отпевания в церкви старшего сына императора был зачитан манифест Александра II, провозглашавший наследником престола Александра Александровича. Поэт П.А. Вяземский позже описал происходившее: «Трогательно и торжественно было шествие за печальной колесницей из церкви через весь город и потом по новой дороге вдоль моря до Вильфранша. Русское духовенство было в полном, богато-блестящем облачении, слышалось стройное, величавое пение погребальных молитв. Царь, великие князья и генерал-адъютанты ехали верхом. На этот печальный обряд из разных концов Европы приехали представители иностранных дворов и многие русские. Местное население Ниццы, частью следовавшее за печальным шествием, частью сомкнувшееся в живые стены по улицам и площадям, облепило крыши домов, деревья, скалы — все это представляло невыразимо-печальную, но вместе с тем невыразимо-живописную и величественную картину»[16]. В Вилла-Франке гроб был поднят на борт фрегата «Александр Невский», который отплыл со скорбной миссией в Кронштадт.

Некогда уступленные под нужды флота здания были возвращены сардинскому правительству, а Вилла-Франка в 1860 году от Сардинского королевства перешла под юрисдикцию Франции. За Российским императорским флотом осталось право швартовки в удобной бухте, в то время как средиземноморское побережье стало традиционным местом отдыха русской аристократии.

Сближение Франции с Россией, начавшееся в конце 1880-х годов, повлекло за собой возможность российским подданным путешествовать и даже создать своё кладбище с православной церковью. На русском кладбище в Ментоне нашли покой наши достойные соотечественники: капитан 2 ранга Л.Н. Ломан, участник трёх кругосветных плаваний; полковник конной гвардии Г.К. Ризенкампф, начальник штаба 40-й пехотной дивизии Русской армии; капитан-лейтенант К.Д. Чариков и многие другие, а впоследствии и эмигрировавшие во Францию адмирал И.К. Григорович, последний морской министр Российской империи; князь В.М. Урусов, русский общественный и государственный деятель, член Государственного совета.

Именно на Лазурном берегу в 1880-е годы знаменитый русский художник А.П. Боголюбов создал своё известное полотно «Прибой в Ментоне». Это морской пейзаж, где штормовая волна бьёт по песчаному берегу, на переднем плане изображён обломок мачты, а вдалеке уходящий корабль. Картина стала послесловием

Стоящие на пристани яхты, Ментона
Открытка начала XX в.



к масштабным морским баталиям в творчестве живописца и была подарена автором Морскому музею в 1891 году.

Русские корабли покинули бухту Вилла-Франки в 1880 году. В дальнейшем морское ведомство поддерживало работу Международной (русской) зоологической станции, расположившейся в зданиях, некогда использовавшихся для нужд флота[17]. Станция была основана в 1886 году, её первым директором был русский зоолог, профессор Киевского университета Св. Владимира, член-корреспондент Петербургской академии наук А.А. Коротнев (1854—1915). Обеспечение зоологической станции осуществляли суда императорского флота. Шхуна «Псезуапе» Черноморского флота доставила из Лондона в Вилла-Франку всё необходимое для работы оборудование[18].

В конце XIX столетия в бухту по-прежнему заходили на стоянку императорские яхты и боевые русские корабли. Так, крейсер «Рында», совершая кругосветное плавание, вышел из Кронштадта 23 сентября 1892 года. В 1893 году корабль побывал в Нью-Йорке, зиму 1894/95 года провёл в Японии и летом отправился в Россию. По пути корабль зашёл в Пирей, а оттуда на Афон, пройдя часть плавания под парусами. Уже перед самым возвращением на Родину крейсер встретился у французского побережья с императорской яхтой «Штандарт», совершавшей дальнее плавание. Цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II) числился в Гвардейском экипаже, а вдовствующая императрица Мария Фёдоровна была шефом экипажа. Из воспоминаний об этой встрече: «За время стоянки в Виллафранке крейсер имел счастье видеть у себя в церкви за столом кают-компании Ея Императорское Величество и ее августейших детей. По отъезде Ея Величества, Наследник Цесаревич переехал на свою яхту для следования в Батум <...> В Кронштадт пришли 6 июня утром. Крейсер 22 июня спустил флаг и вымпел и кончил кампанию»[19].

Рассматривая тесные связи между Россией и Францией второй половины XIX — начала XX века, можно сделать вывод, что небольшой городок Вилла-Франка на Лазурном берегу стал местом сближения

Свято-Николаевский собор в Ницце
Фото автора, 2013 г.

их культур. Приход Российского императорского флота на территорию Сардинского королевства, деятельность во Франции Русского общества пароходства и торговли повлекли за собой строительство и покупку прекрасных вилл, возведение православных храмов, ставших центрами русской культуры, создание русских кладбищ. В морском пейзаже «Прибой в Ментоне» без явной военной атрибутики художник А.П. Боголюбов говорит о славе Отечества, о людях, которые вынуждены по разным причинам жить вдалеке от Родины. Сам того не подозревая, А.П. Боголюбов предсказал будущий конец Российской империи. Международная (русская) зоологическая станция в Вилла-Франке просуществовала почти 45 лет, а в 1931 году полностью перешла под юрисдикцию Франции[20].

Примечания

[1] *Зайончковский А.М.* Франко-русские отношения до войны 1914 года // Кто должник?: сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией и Францией и другими странами Антанты до войны 1914 г., во время войны и период интервенции. М.: Авиоиздательство, 1926. С. 11—50; *Андерс А.* Франко-русские отношения до войны 1914 года // Там же. С. 65—77.

[2] *Бовыкин В.И.* Из истории возникновения Первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912—1914 гг. М.: Изд. Моск. ун-та, 1961.

[3] *Розенталь Э.М.* Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М.: Соцэкгиз, 1960.

[4] *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975.

[5] *Коробов Ю.М.* Опыт сотрудничества Генеральных штабов России и Франции в 1906—1914 гг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. (Институт военной истории). М., 1997.

[6] *Васильева С.Л.* На пути к франко-русскому союзу. К 125-летию визита российской эскадры в Тулон // Интернет-ресурс: https://cdn-navalmuseum.testing.spb.ru/Files/pdf/1540396961buklet_tulon.pdf.

[7] Об исправлении зданий, уступленных нашему флоту Сардинским правительством в Вилла-Франке, и о построении пристани // Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 84. Оп. 1—2. Д. 6417.

[8] Материалы о деятельности русской зоологической станции в Вилла-Франка (отчёт за 1909—1910 гг., устав, положение, штат, переписка, чертежи) // Там же. Ф. 404. Оп. 4. Д. 254.

[9] *Александров Б.Г.* Забытые истории известных гидробиологов // Вестник ОНУ Біологія. Т. 20. Вып. 1(36). Одесса, 2015.

[10] Об исправлении зданий, уступленных нашему флоту Сардинским правительством в Вилла-Франке и о построении пристани // РГА ВМФ. Ф. 84. Оп. 1—2. Д. 6417.

[11] Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 7727. Л. 2.

[12] Вилла-Франка, порт в Пьемонте (на Средиземном море), часть которого уступлена Русскому обществу пароходства и торговли // Русский художественный листок В. Тимма. 1858. № 35.

[13] О командировании мичмана Тудера в Вилла-Франку // РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3—1. Д. 2050.

[14] В Морское министерство от заведующего Морской станцией в Вилла-Франке Алексея Алексеевича Караева // Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 7727. Л. 1—2.

[15] Николаевский собор в Ницце — кусочек «русской» Франции // Прихожанин. Православный интернет-журнал. Интернет-ресурс: https://prihozhanin.msdm.ru/home/podumat/ob-otechestve/2054-nikolaevskij-sobor-v-nitstse-kusochek-russkoj-frantsii.html.

[16] Русский XIX век на Лазурном берегу // «Монако и Лазурный берег» — печатная газета и журнал на русском языке в Монако и Франции. Интернет-ресурс: https://rusmonaco.fr/index.php/home/istoriya/item/2984-russkij-xix-vek-na-lazurnom-beregu.

[17] О предоставлении зданий в Вилла-Франке в пользование доктору Барроа для потребностей международной биологической лаборатории // РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 3. Д. 105; О предоставлении зданий Морского ведомства в Вилла-Франке для потребностей международной биологической лаборатории // Там же. Д. 261.

[18] Об отправке из Лондона в Вилла-Франку на шхуну «Псезуапе» помпы; о доставлении сведений об осмотре заводов Гомфрейса в Англии и поршневых паровых машинах, изготовляемых на этих заводах; изобретении кавалерийского карабина; результатах ходовых испытаний шхуны // Там же. Ф. 443. Оп. 1. Д. 3.

[19] О деятельности Гвардейского резервного экипажа // Там же. Ф. 935. Оп. 2. Д. 138. Л. 3—5.

[20] *Treguboff G.* Histoire de la station zooloogique de Villefranche-sur-Mer // Bul De la Section des Sci. Histoire des sciences. 1983. № 4. P. 23—131.

M.S. Oleinik

THE RUSSIAN SHORE OF FRANCE

The Imperial Navy in Villa Franca

Information about author. *Maria Oleinik — senior researcher at the Emperor Peter the Great Central Navy Museum (St. Petersburg. E-mail: navalmuseum_org@mil.ru).*

Summary. *The presence of the Russian Imperial Navy in Villa Franca, and later in Toulon had a powerful effect on the cultural progress in that area. As the 1856 Paris Peace Treaty was concluded and The Black Sea rendered neutral, the Russian Mediterranean Squadron was set up to be based in Naples. After the Villa Franca quay was built, Russian warships were entitled to anchor at the free city. Members of the Imperial Family took to arriving at the Mediterranean coast increasingly often, and the Russian aristocracy and intellectuals soon followed suit. They bought luxury villas, built Orthodox Christian churches and set up cemeteries in the Cote d'Azur cities. After the October 1917 coup first-wave émigrés surged to Cannes, Nice, Villa Franca and Mentone. Until 1931 Villa Franca housed the International (Russian) Zoological Station.*

Keywords: *Russian Navy; Villa Franca; Villefranche-sur-Mer; Toulon; Nice; Mentone; Sardinia government; Mediterranean Squadron; Cote d'Azur; Russian Shipping and Commerce Society; Paris Peace Treaty; International (Russian) Zoological Station; A.P. Bogolyubov.*

Р.С. Тавитов,
А.В. Новикова

ПОСЛУЖИТЬ «РУССКОМУ ДЕЛУ»

Герои Кавказской войны в топонимике старого Владикавказа

Сведения об авторах. *Тавитов Руслан Сергеевич — начальник Северо-Кавказского суворовского военного училища, полковник (г. Владикавказ. E-mail: vladsksv@mail.ru);*
Новикова Анна Владимировна — заведующая Музеем истории Северо-Кавказского суворовского военного училища (г. Владикавказ. E-mail: annanoller@yandex.ru).
Аннотация. *В статье исследуется старая топонимика Владикавказа, неразрывно связанная с событиями и героями Кавказской войны (1817—1864 гг.), в результате которой были укреплены южные рубежи Российской империи и преобразована из крепости в город нынешняя столица Республики Северная Осетия — Алания. Авторами представлены биографии военачальников и руководителей кавказской администрации, внёсших значительный вклад в защиту и благоустройство Владикавказа и Терской области, социально-экономическое, образовательное и культурное развитие региона.*
Ключевые слова: *Кавказская война; топонимика крепости и города Владикавказ; Терская область; П.П. Нестеров; Н.И. Евдокимов; И.А. Вревский; А.М. Смекалов; М.С. Воронцов.*

Победа Российской империи в затяжной Кавказской войне (1817—1864 гг.) не только укрепила южные рубежи Российской империи, избавила северокавказские народы от опасности стать вассалами отсталых деспотий Османской империи и Ирана, усилила геополитическое влияние страны на Востоке, но и оказала значительное влияние на развитие крепости Владикавказ, заложенной как русский форпост в 1784 году, в период правления Екатерины II, недалеко от осетинского селения Дзауджикау, на правом берегу р. Терек «при входе в ущелье Кавказских гор»[1]. В ходе Кавказской войны крепость росла и укреплялась: к 1840 году в ней дислоцировались 77-й Тенгинский, 78-й Навагинский, Виленский егерский полки, 6, 7 и 8-й Кавказские линейные полки и артиллерийские команды. Данные воинские части обеспечивали безопасность не только самой цитадели, но и прилегающих к ней осетинских земель[2].

В конце 50-х годов XIX века Владикавказ помимо своего основного военного назначения стал крупным промышленным и торговым центром. В 1861 году он получил статус города, в 1863 году — административного центра Терской области. Тогда же архитектором В.И. Грозмани был составлен первый генеральный план городской застройки. Центральная часть Владикавказа формировалась в районе дворца начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска. В тот период в топонимике крепости, а затем и города, значительное место занимали имена героев Кавказской войны как знак признательности горцев Северного Кавказа за долговечный мир в крае. К сожалению, многие из улиц позднее были переименованы, а связанные с ними фамилии военных деятелей позапрошлого столетия стёрлись из людской памяти.

В самом центре столицы Северной Осетии — Алании, с южной стороны здания Дома правительства, расположена небольшая улица, которая с июня 1928 года носит имя Михаила Самойловича Мордовцева — активного борца за советскую власть на Тереке. Первоначально она была названа в честь героя Кавказской войны Петра Петровича Нестерова. Это же имя носила центральная улица крепости, а затем и города Владикавказа (ныне — проспект Мира). История улицы, позднее бульвара, а сейчас проспекта началась в первой половине XIX века, когда комендантом крепости и начальником Владикавказского военного округа был генерал-майор Пётр Петрович Нестеров. Родился он в 1802 году. Военную службу начал в 1823 году унтер-офицером в 4-м карабинерном полку. В 1834 году был назначен адъютантом к начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса. В том же году произведён в штабс-капитаны. Через три года П.П. Нестеров в чине капитана стал командиром Кавказского линейного № 6 батальона; затем произведён в полковники и назначен комендантом Владикавказской крепости. В 1846 году генерал-майора Нестерова назначили военным начальником округа[3].

В армейской среде он слыл библиофилом. Его владикавказская библиотека содержала многочисленные труды французских писателей. Офицеры крепости часто обращались к нему с просьбой дать им почитать те или иные книги. Под его непосредственным руководством были заложены парк Комендантский возле комендатуры и городской парк, верхняя часть которого называлась «Mon plaisir» («Моё удовольствие»)[4]. Городской бульвар также носил название Нестеровский, и только в 1871 году, когда Владикавказ посетил император Александр II, был переименован в Александровский проспект. Именно при П.П. Нестерове крепость постепенно приобретает городской вид. Некогда безымянным улицам присваиваются названия, как, например, улице Дворянской (позднее ул. Лорис-Меликовская, ныне — ул. Ленина).

Скончался Пётр Петрович в Москве 8 августа 1854 года в чине генерал-лейтенанта, оставив добрую память в сердцах владикавказцев, любовно ухаживающих за своим центральным парком, некогда заложенным трудами П.П. Нестерова.

Свернув с проспекта Мира, попадаем на ул. М. Горького, которая в середине XIX века носила имя генерала от инфантерии Николая Ивановича Евдокимова[5]. Он родился в 1804 году в бедной семье фейерверкера. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он поступил вольноопределяющимся в Тенгинский пехотный полк. Его первым серьёзным боевым опытом стало участие в экспедициях против Кази-Муллы в 1830—1831 гг., где он отметился необыкновенной храбростью и воин-

Н.И. Евдокимов

ской смекалкой. В 1837 году за отличия в военной службе Николай Иванович получил звание штабс-капитана с награждением орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, а через три года был произведён в капитаны. Н.И. Евдокимов участвовал в летней экспедиции генерала А.В. Галафеева в Чечню. В 1848 году получил чин генерал-майора, в 1850 году под его военным руководством находился правый фланг Кавказской линии. Он являлся одним из разработчиков и главных исполнителей плана по окончательному разгрому отрядов Шамиля. Под его командованием российские войска захватили всю территорию Чечни, взяли штурмом резиденцию Шамиля — Ведено (1859 г). После назначения в 1862 году великого князя Михаила Николаевича главнокомандующим на Кавказе Николаю Ивановичу Евдокимову было доверено руководство действиями российских войск на заключительном этапе войны на Западном Кавказе[6].

Н.И. Евдокимов помимо ратных заслуг многое сделал для придания крепости Владикавказ городского статуса. Наместник на Кавказе А.И. Барятинский в феврале 1858 года потребовал от ставропольского губернатора сведения об экономическом положении и социальном составе этого населённого пункта. Не получив нужных справок, он отправил чиновника своей канцелярии Ю.Я. Рудаковского во Владикавказ с целью сбора необходимых данных. Рудаковский описал хозяйственные занятия жителей крепости, дал численную, сословную, этническую характеристику населения. На основе этих материалов был составлен проект преобразования военной цитадели в городское поселение и разработано «Положение о городе», включавшее 94 параграфа. Проект был представлен для обсуждения кавказской администрации. Активное участие в его составлении принял командующий армией левого крыла Н.И. Евдокимов. Он решительно высказался против подчинения будущего города ставропольскому губернатору и предложил переселить казаков из Владикавказской станицы в Камбилеевскую и Сунженскую, а освободившуюся площадь причислить к городу[7]. С большим вниманием комиссия отнеслась к территории, примыкавшей непосредственно к крепости и носившей название Осетинской слободки. Рассматривались два предложения. Часть членов комиссии выступала за включение Осетинской слободки в состав города Владикавказа, часть настаивала на переселении осетин в другой район Терской области. В начале дискуссии по данной теме Николай Иванович придерживался идеи о переселении жителей слободки, но затем изменил своё мнение в пользу её включения в состав города[8].

И.А. Вревский

Одной из самых старых улиц Владикавказа считается Армянская, получившая своё название в 1935 году. Ранее её часть между пересечением с улицами Ч.В. Баева и П.Л. Войкова носила имя барона Ипполита Александровича Вревского — начальника Владикавказского военного округа[9]. Он родился в Санкт-Петербурге в апреле 1814 года — был внебрачным сыном российского дипло-

мата князя А.Б. Куракина. Учился в Дерптском университете, по окончании которого в 1833 году поступил в Военную академию, затем был зачислен в Генеральный штаб и направлен на Кавказ, где и прошла вся его дальнейшая служба. В конце 1840 года Ипполит Александрович выступил с отрядом генерал-адъютанта П.Х. Граббе в район р. Валерик, проявив себя храбрым воином. В 1844 году полковник И.А. Вревский был назначен командиром Навагинского пехотного полка, дислоцировавшегося во Владикавказской крепости. В течение четырёх лет он непрерывно участвовал со своим полком в боевых операциях на левом фланге Кавказской линии. За храбрость и воинское мастерство в 1849 году был произведён в генерал-майоры. Назначенный в 1852 году начальником Владикавказского военного округа, И.А. Вревский в течение трёх лет руководил охраной пограничной линии от неоднократных набегов Шамиля. За доблесть и расторопность в горных экспедициях был награждён золотым оружием с бриллиантами и надписью «За храбрость», а также орденом Св. Георгия 4-й степени[10]. И.А. Вревский был известен во Владикавказе не только своей воинской отвагой, но и благотворительностью, лично пожертвовав 700 рублей на строительство церкви Рождества Пресвятой Богородицы, — огромные по тем временам деньги[11].

Имя Георгиевского кавалера генерал-лейтенанта Алексея Михайловича Смекалова — наказного атамана Терского казачьего войска — носила одна из центральных улиц города Владикавказа. С 1925 года она была переименована в ул. С.Я. Огнева (член Владикавказского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в молодой Терской республике)[12]. А.М. Смекалов — выпускник 1-го Московского кадетского корпуса, Николаевской академии Генерального штаба. По окончании учёбы был прикомандирован к главному штабу Кавказской армии. Мечтавший о славе и сражениях молодой офицер получил назначение... делопроизводителем при канцелярии по управлению горцами Кавказа. Тем не менее Алексей Михайлович со всей ответственностью подошёл к канцелярской службе, обнаружив редкие способности и усердие, быстро продвигался по карьерной лестнице: от помощника правителя канцелярии начальника области до правителя канцелярии начальника Терской области (в должности подполковника). А.М. Смекалов принял самое активное участие в разработке и реализации «Положения об освобождении зависимых сословий горских народов Кавказа», повысив социальный статус многих тысяч горцев[13]. В 1871 году он был назначен вице-губернатором

М.С. Воронцов

Терской области с зачислением по армейской пехоте, а через 5 лет — помощником начальника Терской области с зачислением по Генеральному штабу. Неоднократно приходилось Алексею Михайловичу участвовать и в сражениях, проявляя при этом отвагу и доблесть. Отечество отметило его подвиги орденами Св. Станислава 1-й степени с мечами и Св. Георгия 4-й степени, он был произведён в генерал-лейтенанты[14]. 11 февраля 1887 года А.М. Смекалов был назначен начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска. В этой должности он принял участие в разработке нового «Положения об управлении Терской областью», в котором впервые прописывалась воинская обязанность мужского населения региона. За разработку и реализацию данного положения Алексей Михайлович был удостоен монаршего благословения и награждён орденом Белого орла. А.М. Смекалов любил Северный Кавказ и принимал активное участие в его общественной жизни. Например, он был председателем комитета по строительству памятника поэту Михаилу Лермонтову, торжественно открытого в Пятигорске 16 августа 1889 года (Пятигорск в тот период входил в состав Терской обл.)[15].

Ещё одна центральная улица старого Владикавказа была названа в честь участника Кавказской войны графа Михаила Семёновича Воронцова (переименована в 1922 г. в честь революционера Якова Бутырина). Детство и юность Михаила Семёновича прошли в Англии, где его отец исполнял обязанности российского посла. В 1801 году он вернулся в Россию и поступил на службу в гвардию в чине поручика, а через два года по собственному желанию перевёлся на Кавказ в армию князя П.Д. Цицианова. Вскоре отличился при штурме Гянджи (1804 г.), при этом вынес из боя раненого П.С. Котляревского, впоследствии известного героя Русско-иранской войны 1804—1813 гг.

В 1844 году, когда Михаилу Семёновичу шёл 62 год и за плечами была блестящая военная карьера, он получил назначение главнокомандующим войсками на Кавказе и наместником кавказским с неограниченными полномочиями. По прибытии в Тифлис в марте 1845 года он принял начальство над войсками левого фланга Кавказской линии, готовившимися к походу против Шамиля. Хотя этот поход не увенчался успехом, именным высочайшим указом от 6 августа 1845 года наместник кавказский генерал-адъютант граф Михаил Семёнович Воронцов был возведён в княжеское достоинство. Успешными были его походы 1848 года в Дагестан. В ожесточённом Салтинском сражении его войска окружили и уничтожили значительный отряд горцев наиба Идриса[16].

В период правления М.С. Воронцова были проведены важные преобразования и изменения в судебной системе на Кавказе, основой которых стало включение норм обычного права горцев как законодательной базы при вынесении решений по гражданским и уголовным делам[17]. Большое внимание он уделял вопросам местного образования. По инициативе М.С. Воронцова и при его непосредственном участии был основан Кавказский учебный округ[18]. В 1848 году открылась школа военных воспитанников при Навагинском полку во Владикавказе. Кроме детей русских семей, сюда принимались мальчики из знатных осетинских фамилий. Перед школой стояла задача подготовить из детей горцев «почётных сословий» будущих военнослужащих для российской армии, переводчиков и других чинов гражданской службы на Кавказе, могущих послужить «русскому делу»[19]. Михаил Семёнович первым решился открыть женщинам Кавказа доступ к образованию без учёта их материального положения. Профессор В.В. Дегоев писал о его многочисленных нововведениях: «Воронцов мечтал превратить этот край в мирную и процветающую провинцию империи — источник благоденствия как для России, так и для местных народов»[20]. В день коронации императора Александра II 26 августа 1856 года М.С. Воронцов был пожалован чином генерал-фельдмаршала. Скончался он 6 ноября 1856 года. На долгие годы сохранились среди солдат в русских войсках на Кавказе рассказы о простоте и доступности верховного наместника. После смерти князя там возникла поговорка: «До Бога высоко, до царя далеко, а Воронцов умер»[21].

Изучая биографии военных, чьи имена некогда носили улицы Владикавказа, хотелось бы отметить, что многие из них были в приятельских отношениях с М.Ю. Лермонтовым. Так, поэт был знаком с Петром Петровичем Нестеровым и трижды упомянул его в романе «Герой нашего времени» как полковника «Н», приятеля Печорина. Хорошо знал М.Ю. Лермонтов и генерала

от инфантерии Николая Ивановича Евдокимова, в момент знакомства имевшего чин штабс-капитана, так же как и Максим Максимыч из романа «Герой нашего времени». Н.И. Евдокимов вместе с поэтом участвовал в сражении на р. Валерик. В дружеских отношениях М.Ю. Лермонтов был и с бароном Ипполитом Александровичем Вревским, неоднократно посещая его как во Владикавказе, так и в Ставрополе.

Помимо владикавказских улиц, названных именами героев Кавказской войны, были на карте города и другие военные топонимы: Тенгинская улица — в честь дислоцировавшегося здесь 77-го Тенгинского полка (ныне ул. Триандафиллова); Кадетская улица — в честь Владикавказского кадетского корпуса (ныне ул. Герцена); Солдатская улица (ныне ул. генерала Мамсурова); Офицерская улица (ныне ул. Красноармейская); Генеральская улица (ныне ул. Пашковского). В этих бывших названиях — дань уважения горожан к нелёгкому ратному труду по защите Отечества. К сожалению, время стёрло имена героев Кавказской войны с топонимической карты города, но память о них должна жить в сердцах следующих поколений. В Музее истории Северо-Кавказского суворовского военного училища уже запланировано открытие передвижной выставки «Улицы в погонах», посвящённой славным вехам российской военной истории, отражённым в топонимике Владикавказа.

Примечания

[1] *Ракович Д.В.* Прошлое Владикавказа. Тифлис, 1911. С. 4.
[2] *Он же.* Тенгинский полк на Кавказе 1819—1846. Тифлис, 1900. С. 194.
[3] *Половцов А.А.* Русский биографический словарь в 25 т. Т. 11. П.П. Нестеров. СПб.; М., 1896—1918.
[4] *Ракович Д.В.* Прошлое Владикавказа. С. 14.
[5] *Половцов А.А.* Указ. соч. Т. 4. Н.И. Евдокимов.
[6] *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 4. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887—1889. С. 131.
[7] *Бетоева М.Д., Бирюкова Л.Д.* История Владикавказа (1781—1990 гг.): сборник документов и материалов. Ч. 1. Владикавказ: Адыгея, 1991. 1022 с.
[8] *Киреев Ф.С.* По улицам Владикавказа. Ростов-н/Д: Ростовский издательский дом, 2007. С. 42.
[9] *Торчинов В.А.* Владикавказ — Дзауджикау: краткий историко-краеведческий справочник. Владикавказ: Северо-Осетинский научный центр, 1999. С. 94.
[10] *Ткаченко Д.С.* Барон И.А. Вревский // Ежегодный краеведческий сборник Ставропольский хронограф на 2014 г. Ставрополь, 2014. С. 71—79.
[11] *Торчинов В.А.* Указ соч. С. 129.
[12] Там же. С. 120.
[13] *Кузьминов П.А.* Эпоха реформ 50—70-х годов XIX в. у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении: монография. Нальчик: Каб.- Балк. ун-т, 2009. С. 38—71.
[14] *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках различий Кавказских войск. Издание военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа под редакцией генерал-майора В.А. Потто. Тифлис,1901. С. 238, 239.
[15] «Дело о постановке памятника поэту М.Ю. Лермонтову в Пятигорске» за 1871—1889 гг. Т. 5. Л. 413. // Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Санкт-Петербург.
[16] *Гизетти А.Л.* Указ соч. С. 96.
[17] *Мунаев В.С.* Деятельность М.С. Воронцова на Кавказе в 1844—1854 гг. // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 105—118.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] *Захарова О.Ю.* Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. С. 219.
[21] Там же.

R.S. Tavitov, A.V. Novikova

SERVING THE RUSSIAN CAUSE

Heroes of the Caucasian War in the place names of old Vladikavkaz

Information about authors. *Ruslan Tavitov — chief of the North Caucasus Suvorov Military College, colonel (city of Vladikavkaz. E-mail: vladsksv@mail.ru);*
Anna Novikova — head of the History Museum at the A.V. Suvorov Military College in North Caucasus (city of Vladikavkaz. E-mail: annanoller@yandex.ru).
Summary. *The paper explores Vladikavkaz old place names inextricably tied to the events and heroes of the Caucasian War of 1817—1864 that resulted in strengthening the southern frontiers of the Russian Empire while the current capital of the Republic of North Ossetia-Alania became a city instead of a fortress. The authors present biographies of military leaders and heads of the Caucasus administration who made a major contribution to the protection and improvement of Vladikavkaz and the Tersky Region.*
Keywords: *Caucasian War; place names of fortress and city of Vladikavkaz; Tersky Region; P.P. Nesterov; N.I. Yevdokimov; I.A Vrevsky; A.M. Smekalov; M.S. Vorontsov.*

Г.Ф. Гасанова

«В ОЗНАМЕНОВАНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ К САМООТВЕРЖЕННОЙ ХРАБРОСТИ ВОЙСК НАШИХ»

Памятные награды Русско-японской войны

Сведения об авторе. *Гасанова Гюнель Фархад кызы — научный сотрудник отдела нумизматики Государственного исторического музея (Москва. E-mail: gunelgasanova@mail.ru).*

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы сохранения военно-исторической памяти о Русско-японской войне 1904—1905 гг. на примере коммеморативных наград, являвшихся формой поощрения офицерского состава, нижних чинов и гражданских лиц (находившихся на театре боевых действий), а также выполнявших важную пропагандистско-воспитательную функцию. Для понимания методов и инструментов формирования исторического сознания через объекты фалеристики приведена история создания медалей и памятных знаков, посвящённых дальневосточным событиям начала XX столетия, проанализирован их внешний вид, а также рассмотрены основные мифы, связанные с учреждением памятной наградной символики.*

Ключевые слова: *Русско-японская война 1904—1905 гг.; коммеморация; историческая память; фалеристика; награды памятного характера; нагрудные знаки; крейсер «Варяг»; канонерская лодка «Кореец»; бой при Чемульпо; оборона Порт-Артура; РОКК; Цусимское сражение; Николай II; З.П. Рожественский.*

В период Русско-японской войны 1904—1905 гг. многие офицеры и нижние чины сухопутной армии и военного флота Российской империи за проявленные мужество и героизм были удостоены высоких правительственных наград, а в честь знаковых событий кампании императором Николаем II были учреждены особые памятные медали. Сам феномен наград памятного характера представляет отдельный интерес, поскольку их получение не влекло за собой материальных привилегий для награждённого. Они имели скорее социокультурный и знаково-символический посыл: узнаваемость героя определённой войны или сражения в обществе, память о конкретном событии, моральное поощрение или, возможно, даже признание со стороны государства. Рассматривать награды памятного характера стоит в хронологическом порядке их учреждения, что позволяет понять приоритеты, расставленные властью и обществом в увековечении тех или иных событий.

Первая памятная награда периода Русско-японской войны 1904—1905 гг. — медаль «За бой “Варяга” и “Корейца”», посвящённая событиям 27 января 1904 года в корейском порту Инчхоне (Чемульпо). Эта медаль была единственной, учреждённой во время боевых действий на дальневосточном фронте. Вопрос о награждении участников боя стал обсуждаться сразу же после отправки на Родину героев Чемульпо. 17 февраля 1904 года наместник на Дальнем Востоке генерал-адъютант Е.И. Алексеев в телеграмме из Мукдена обратился к генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу с ходатайством «о награждении командиров, офицеров и команд соответственными их боевым заслугам всемилостивейшими наградами, причем, согласно пункта 72 статьи 295 Учреждения орденов, командиров считать заслуживающими награждения орденом Св. Георгия четвертой степени»[1]. Кроме того, капитан «Варяга» В.Ф. Руднев обратился к начальнику Главного морского штаба

Медаль «За бой “Варяга” и “Корейца”»

контр-адмиралу З.П. Рожественскому с представлением к награждению офицеров двух команд, а также со списком 32 членов экипажа крейсера «Варяг» и 26 нижних чинов «Корейца» для награждения Знаком отличия Военного ордена.

23 февраля 1904 года император распорядился наградить личный состав обоих кораблей. Командиру крейсера «Варяг» В.Ф. Рудневу был пожалован орден Св. Георгия IV степени (ему также присваивалось звание флигель-адъютанта). Той же награды удостоились все офицеры крейсера и специалисты, приравненные к офицерским чинам (судовые врачи и механики), а также командир лодки «Кореец» Г.П. Беляев. Все нижние чины экипажей крейсера «Варяг» и лодки «Кореец» получили Знаки отличия Военного ордена[2]. Корабельный священник отец Михаил (Руднев) был удостоен золотого наперсного креста для ношения на ленте ордена Св. Георгия. За всю историю существования ордена Св. Георгия случай с награждением всех участников битвы при Чемульпо был в своём роде уникальным и беспрецедентным.

16 апреля 1904 года во время торжественной встречи членов героических экипажей в Петербурге, которая состоялась несмотря на недавние трагические события на театре военных действий (гибель «Стерегущего» и «Петропавловска»), Николай II объявил о своём повелении отчеканить медаль для увековечения памяти о подвиге флота при Чемульпо. Очевидно, такое решение было принято императором заранее. Создание проектных рисунков

Награждение всех членов экипажей «Варяга» и «Корейца» георгиевскими наградами являлось единственным в своём роде

Медаль Российского общества Красного Креста в память Русско-японской войны

Медаль
«В память Русско-японской войны» (серебро)

Медаль
«В память Русско-японской войны»
(светлая бронза)

Медаль «В память
Русско-японской войны»
(тёмная бронза)

и резку штемпелей поручили известному медальеру Санкт-Петербургского монетного двора А.Ф. Васютинскому[3], который к этому моменту выполнил немало работ, посвящённых флотской тематике[4]. Из письма великого князя Георгия Михайловича к двоюродному брату, генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу, от 5 июля 1904 года известно, что уже 10 апреля император одобрил проект медальера. К сожалению, проектные рисунки А.Ф. Васютинского до сих пор обнаружить не удалось.

К 5 июля 1904 года медали были готовы, всего было отчеканено 697 экземпляров — по числу участников боя. На лицевой стороне медали внутри лаврового венка изображён знак ордена Св. Георгия на ленте. Это редкий, возможно, даже первый в Российской империи случай изображения ордена на наградной медали (на памятных медалях и полковых знаках уже помещали изображения орденов). Выбор этого образа должен был подчеркнуть, что награждение всех членов экипажей «Варяга» и «Корейца» георгиевскими наградами являлось единственным в своём роде. На оборотной стороне изображалась батальная сцена: на переднем плане — крейсер и канонерская лодка, на заднем — японская эскадра. Сверху этой композиции был помещён крест. Медаль следовало носить на ленте с изображением Андреевского флага.

Награждение участников боя при Чемульпо продолжалось довольно долго. Выдача медалей, по докладам Главного морского штаба, стала производиться в июле 1904 года, а последнее награждение зафиксировано в июле

1912 года — младшему врачу «Корейца» В. Меркушеву[5].

Следующая медаль, имеющая отношение к Русско-японской войне, скорее гражданская, нежели военная. Это медаль Российского общества Красного Креста (РОКК). В середине января 1904 года руководство РОКК сформировало Исполнительную комиссию, которая всю войну организовывала помощь пострадавшим как на фронте, так и в тылу[6]. Приказ об учреждении медали был издан 19 января 1906 года по Министерству юстиции, которому подчинялось РОКК[7], хотя идея создания этой специальной награды появилась значительно раньше: 22 марта 1905 года было подано ходатайство председателю Наградной комиссии при Главном управлении РОКК В.К. фон-Анрепу, в котором говорилось о необходимости разработать знак или медаль в память Русско-японской войны по примеру знака отличия РОКК за Русско-турецкую войну 1877—1878 гг.[8], учреждённого 19 февраля 1878 года[9]. После разработки и утверждения дизайна награды и правил её ношения медаль была одобрена Николаем II. Всем награждённым Главное управление общества выдавало свидетельства на право её ношения. Сама же медаль изготавливалась в частных фирмах и мастерских (например, фирмой «Эдуард»[10]), т.к. Санкт-Петербургский монетный двор не выпускал изделий с эмалью[11]. Всего награждённых этой медалью, по списку Особого комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны, было 2634[12]. При этом награды рассылались при условии уплаты авансового сбора — 1 рубль. Деньги переводились в кассу Главного управления РОКК[13].

Е.В. Лозовский описывает эту медаль как серебряный диск с выступом по ободу, диаметр диска чаще всего был равен 24—25 мм, однако встречаются экземпляры диаметром 28 мм, сделанные по спецзаказу для ношения на общей колодке с другими медалями[14]. На самом деле это утверждение ошибочно, поскольку медали малого размера полагались для младшего медицинского персонала, а медали 28 мм — для врачей. Материал, из которого изготавливалась медаль, — серебро, однако встречается упоминание о медной или тёмно-бронзовой медали, выданной бывшей сестре милосердия санитарного отряда Санкт-Петербургского дамского комитета Александре Колмовской[15].

На аверсе медали изображён равноконечный крест, залитый красной эмалью, — символ Красного Креста, а на оборотной стороне размещены слова «Русско-японская» по верхнему краю, под ушком. По нижнему краю идёт слово «война», а в центре диска указаны годы «1904—1905». Носилась медаль на груди, левее всех других медалей, на ленте ордена Св. Александра Невского[16].

Самая массовая наградная медаль памятного характера — «В память Русско-японской войны» — была учреждена также после войны и породила массу дискуссий по поводу дизайна и даже самого факта учреждения. Указ о её создании Николай II подписал 21 января 1906 года[17]. В документе, в частности, говорилось: «В ознаменование признательности к самоотверженной храбрости и беззаветной преданности войск Наших в войну против японцев в 1904 и 1905 годах и перенесенных трудов в местностях, объявленных на военном положении, признали Мы за благо установить медаль в память японской войны, для ношения на груди на ленте <...>». Исполнение указа было возложено на Военное министерство, где был подготовлен соответствующий приказ, опубликованный 26 января в «Правительственном вестнике»[18].

«В ознаменование признательности к самоотверженной храбрости и беззаветной преданности войск Наших в войну против японцев в 1904 и 1905 годах и перенесенных трудов в местностях, объявленных на военном положении, признали Мы за благо установить медаль в память японской войны»

Проекты медали и рисунки были разработаны великим князем Георгием Михайловичем, что подтверждается письмом Н.П. Фоллендорфа, начальника Санкт-Петербургского монетного

Медаль
«В память Русско-японской войны»
(светлая бронза, частная чеканка)

Медаль
«В память Русско-японской войны»
(тёмная бронза, частная чеканка)

двора, от 27 сентября 1905 года: «Препровождая при сем составленные, согласно приказанию его императорского высочества вел. кн. Георгия Михайловича, проекты рисунка медали в память Русско-японской войны, а также проект этой медали, составленный и рисованный его высочеством лично, и собственноручно им писанный адрес, имею честь покорнейше просить Вас переслать все вышеуказанные рисунки в Ай-Тодор»[19]. К письму были приложены проектные рисунки и пояснения к ним.

12 декабря 1905 года помощник начальника Военно-походной канцелярии князь В.Н. Орлов направил канцлеру орденов барону В.Б. Фредериксу записку Николая II, в которой содержалось следующее распоряжение: «В память Японской войны 1904—1905 гг. учредить медали трех категорий: 1) серебряная — для защитников Порт-Артура, 2) светло-бронзовая — для всех участников <...> бывших в сражениях и 3) темно-бронзовая — для всех, не принимавших участия в боях, но бывших на Дальнем Востоке в районе военных действий»[20]. Фредерикс в свою очередь переслал эту записку и экземпляр рисунков медалей военному министру А.Ф. Редигеру, особенно указав на то, что «крестик синим карандашом у лицевого изображения медали под № 1 проставлен рукою государя императора, равно и надпись для оборотной стороны медали (наверху рисунков. — **Прим. авт.**) также начертана собственной его величества рукой»[21].

Собственно, из-за проектных рисунков и якобы неграмотности военных чиновников появился исторический анекдот, приведённый А.А. Игнатьевым в мемуарах «Пятьдесят лет в строю». На лицевой стороне медали по аналогии с медалью в память о войне 1812 года изображалось Всевидящее Око и указывались годы войны. На оборотной стороне конечного варианта медали была помещена почти точная фраза из Первого послания апостола Петра: «Да вознесет вас Господь в свое время» славянской вязью. Однако существует иная версия, изложенная Игнатьевым. Мемуарист свидетельствовал: «Царь, видимо, колебался и против предложенной надписи: “Да вознесет вас Господь” — написал карандашом на полях бумаги: “В свое время доложить”. Когда потребовалось передать надпись для чеканки, то слова “в свое время”, случайно пришедшиеся как раз против строчки с текстом надписи, присоединили к ней»[22]. Эту же версию высказывает и Д.Н. Семёновский, который приводит её в своих воспоминаниях со слов А.М. Горького.

Данная версия не выдерживает критики. Во-первых, точная цитата из апостольского послания содержит слова «в свое время»: «Итак смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время» (1 Петр, 5 : 6). Во-вторых,

если смотреть на проектные рисунки с пометами императора[23], то на одном из них помещена фраза: «Да вознесет вас Господь». С этой фразой существуют редкие образцы данной медали, выполненные в частных мастерских.

Дискуссию по поводу учреждения медали попытался развить автор статьи «Медальный вопрос» под псевдонимом Nino в газете «Слово» в ноябре 1905 года, когда она была ещё на стадии проектирования. Автор писал, что, «если верить газетным слухам, в настоящее время на монетном дворе сотнями тысяч изготовляется медаль-памятка о Японской войне». Более того, автору было известно, что на медали должна была стоять надпись: «На Тебя, Господи, уповаем», что, по его мнению, являлось очень удачным решением, т.к. он считал, что вся политика императора и высших военных чинов была как раз «надеждой на Господа». «Медали-памятки», по утверждению Nino, являлись искусственным явлением, чтобы вспоминать «все самое скверное, тяжелое и вонючее». Единственным светлым местом в истории Русско-японской войны автор считал оборону Порт-Артура, за которую как раз и стоило поощрить героев-защитников памятной медалью, но с надписью иного содержания: «Да не посрамимся во веки»[24]. Примечательно, что один из вариантов медали «В память Русско-японской войны» — в серебре — был предназначен как раз для участников обороны Порт-Артура. Кроме того, для них впоследствии был создан ещё один памятный знак, появившийся в качестве «компенсации» запрета ношения французских медалей «Защитникам Порт-Артура», о которых речь пойдёт ниже.

Имелось и другое мнение, изложенное в письме некоего К.А. Перро-Жанина. Письмо было адресовано в Главный штаб, в нём говорилось, что «нет ничего позорного увековечить память этим старым страстотерпцам о всех тех ужасах и подвигах, которые они в течение 18 месяцев совершали во имя Родины»[25].

19 февраля 1907 года была учреждена медаль за участие в походе 2-й Тихоокеанской эскадры контр-адмирала З.П. Рожественского из Балтийского моря на Дальний Восток[26] — «В память похода на Дальний восток эскадры генерал-адъютанта Рожественского». Долгий переход эскадры был удостоен отдельной награды, несмотря на трагический исход всей военной кампании. Работы по изготовлению штемпелей для медали согласился взять на себя художник-медальер Санкт-Петербургского монетного двора академик П.Г. Стадницкий[27]. Отличительной чертой памятной медали было то, что её проекты предоставлялись не в виде рисунков или эскизов, а в виде изготовленных ювелирным магазином Н.Г. Владимирова образцов[28]. На аверсе изображён вертикально стоящий якорь, по бокам от которого годы «1904» и «1905». На другой стороне — географическая карта Восточного полушария, на которой пунктиром отмечен путь следования 2-й Тихоокеанской эскадры[29]. К награждению ею были представлены экипажи тех судов, которые прошли вокруг Африки, — броненосцев «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Орёл», «Ослябя», крейсеров «Адмирал Нахимов», «Дмитрий Донской», «Аврора», «Кубань», «Терек», «Урал», а также транспортных судов «Анадырь» и «Камчатка», всего около 5300 человек[30].

Последняя памятная регалия Русско-японской войны была учреждена только в 1914 году. Ею стал нагрудный крест «Защитникам Порт-Артура», который, однако, не имел статуса награды — это был знак, указывавший на участие человека в обороне крепости, чтобы порт-артуровцы могли узнавать друг друга: «Если первоначально этот знак и мог считаться наградным, то эта его функция была совершенно уничтоже-

Медаль
«В память похода на Дальний восток эскадры генерал-адъютанта Рожественского»

Нагрудный крест «Защитникам Порт-Артура» (с эмалью)

Нагрудный крест «Защитникам Порт-Артура» (без эмали)

на разъяснением Главного штаба 26 февраля 1914 г.», что «упомянутый знак является лишь указанием на участие того или другого лица в обороне крепости и не имеет характера награды»[31]. Такое пренебрежительное отношение к участникам обороны Порт-Артура объясняется несколькими причинами.

Во-первых, отдельная награда для порт-артуровцев уже существовала — это был серебряный вариант медали «В память Русско-японской войны», предназначавшийся именно защитникам крепости. Однако эту медаль было положено носить только при мундире. Поэтому возник вопрос об установлении нагрудного знака, который разрешалось бы носить при любой одежде, но повеления об учреждении подобного знака так и не последовало, хотя в 1905 году Особым совещанием для выработки проекта мер к обеспечению защитников Порт-Артура был поднят вопрос о награждении героев обороны крепости[32] по примеру награждения героев Чемульпо. Тогда же был «выработан образец знака»[33].

Во-вторых, сыграла свою роль история обороны крепости — после многомесячной осады её комендантом генерал-лейтенантом А.М. Стесселем вопреки мнению Военного совета было принято решение о капитуляции[34]. В связи с тем, что крепость была сдана, а генерала Стесселя отправили под суд, а также по причине уже существовавшей награды для порт-артуровцев возобладало мнение о ненужности такого знака.

Одной из причин внезапной смены гнева на милость к героям обороны Порт-Артура Е.В. Лозовский называет широкий резонанс, вызванный проявленным порт-артуровцами героизмом, их популярностью, вышедшей за пределы Российской империи. Так, во Франции в течение лета 1904 года по инициативе Анри Симона, издателя газеты «L'Echo de Paris», на деньги, собранные по добровольной подписке (по данным Д.И. Петерса, давшей около 100 тыс. франков), были изготовлены французские медали «Защитникам Порт-Артура» с надписью «LA FRANCE AU GENERAL STOESSEL ET A SES HEROIQUES SOLDATS» («Франция генералу Стесселю и его героическим солдатам»)[35].

Судьба этих медалей по прибытии их в Россию была не самой удачной: поскольку генерал Стессель, чьё имя было на них выбито, находился под судом, все они оказались под замком в Военном министерстве и запрещены к выдаче. В 1910 году была разрешена их раздача, однако без права ношения[36]. Французские медали выдавались с отломленным ушком, что превращало их в памятные жетоны.

14 января 1914 года, вероятно, по причине необходимости успокоения общественности всё-таки был учреждён знак «Защитникам Порт-Артура» с указанием, что он не имеет статуса награды. Изготавливался он в двух видах: в серебре — для офицерского состава и светло-бронзовый — для нижних чинов[37]. Его внешний вид напоминал Ге-

оргиевский крест — концы креста расширяются. В центре креста по диагонали скрещиваются мечи рукоятями вниз, в розетке креста — шестибастионный многоугольник крепости, внутри которого на белой эмали изображён чёрный силуэт судна. На двух концах креста расположены надписи: слева — «Портъ», справа — «Артуръ». На обороте — штифт для крепления к одежде. Нижним чинам такой же крест давался изготовленным из недрагоценных металлов и без эмали.

26 сентября 1906 года указом императора Николая II был учреждён ополченский знак в память «о службе в государственном ополчении Сибирского военного округа, а равно в дружинах, сформированных во время Русско-японской войны по военным обстоятельствам на Дальнем Востоке»[38]. Подобные знаки появились ещё при императоре Александре I и сохранили свою традиционную форму до Русско-японской войны. Лишь размеры их были уменьшены и несколько изменён девиз: вместо «ЗА ВЕРУ И ЦАРЯ» стало «ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО».

Таким образом, в память войны на Дальнем Востоке было учреждено шесть официальных наград. Помимо них были ещё и полковые знаки, так или иначе сохранявшие память о Русско-японской войне. Можно также назвать и медаль «За поход в Японию», которая является почти копией медали «За поход в Китай» и вокруг происхождения которой ведутся дискуссии. В связи с тем, что ни в одном источнике не найдено упоминаний об учреждении этой медали, высказываются мнения, что она была пробной версией или же создана специально для коллекционеров.

Сохранение памяти о войне в наградных медалях и знаках памятного характера являлось сформировавшейся на тот момент традицией, находившейся в русле общеевропейской тенденции диверсификации и демократизации (в смысле существенного расширения круга лиц, имевших право быть награждёнными даже при отсутствии аристократического происхождения) коммеморативных практик власти. Практика учреждения таких коммеморативных наград была как способом увековечения памяти о значимых событиях, так и ни к чему не обязывавшим поощрением героев войны. Однако такое поощрение всё же выполняло возложенную на него пропагандистско-воспитательную функцию и тем самым становилось действенным средством государственной коммеморативной политики.

На протяжении XIX века такая политика складывалась в трёхчастную систему. Во-первых, учреждение новой награды фиксировало в общественном мнении и общественной памяти значимость отмечавшегося события или военной кампании в целом. Во-вторых,

Французская медаль «Генералу Стесселю и его доблестным солдатам»

Медаль «За поход в Японию»

массовое вручение этой памятной награды значительному количеству лиц создавало соответствующий общественный эмоциональный фон и способствовало складыванию требовавшихся идеологических оценок и представлений. В-третьих, у памятной награды в силу её предельно конкретной привязки к определённому историческому событию был и отложенный результат воздействия: она становилась наглядным историческим пособием по недавнему прошлому и вызывала прогнозируемые эмоционально-психологические и идеологические эффекты.

Примечания

[1] *Тоечкина И.К.* «В воздаяние геройского подвига...» (история награждения участников боя при Чемульпо по материалам РГА ВМФ и РГИА) // Бранденбурговские чтения. Вып. 2. СПб., 2007. С. 109.

[2] Там же. С. 109, 110.

[3] *Петерс Д.И.* Наградные медали России царствования императора Николая II (1894—1917) и периода Временного правительства. М.: Древлехранилище, 2005. С. 115.

[4] *Тоечкина И.К.* Указ. соч. С. 112.

[5] Там же. С. 113.

[6] *Оксенюк Е.В.* Деятельность Российского общества Красного Креста в начале XX века. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та (ПСТГУ), 2014. С. 80.

[7] Там же.

[8] «Ходатайство об учреждении знака Красного Креста...» // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12651. Оп. 2. Д. 98. Л. 7.

[9] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе. Т. LIII (1878 г.). № 58217.

[10] В 1906 г. Капитул императорских орденов заключил договор с фирмой «Эдуард» на поставку орденских знаков. Торговый дом «Эдуард» был зарегистрирован в 1901 г., его владельцем был купец 2-й гильдии Эдуард Дитвальд.

[11] *Лозовский Е.В.* Очерки по фалеристике Русско-японской войны // Избранные очерки по фалеристике Российской империи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского политехнического ун-та (СПбГПУ), 2014. С. 63.

[12] Список лиц, которым пожалованы награды Красного Креста в память участия их в деле помощи больным и раненым Русско-японской войны, помещённым в бесплатные лазареты Исполнительной комиссии // Отчёт состоявшей при Особом комитете её императорского высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровны Исполнительной комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов, эвакуированных с Дальнего Востока в Русско-японскую войну. М., 1907. С. 47—59.

[13] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 2. Д. 193. Л. 779.

[14] *Лозовский Е.В.* Указ. соч. С. 63.

[15] *Холкин В.И.* Возлюби ближнего твоего: фалеристика Красного Креста // Петербургский коллекционер. 2017. № 2(100). С. 64.

[16] *Петерс Д.И.* Указ. соч. С. 119.

[17] ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXVI (1906 г.). № 27284.

[18] Правительственный вестник. 1906. 26 января. № 21. С. 2.

[19] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 676. Оп. 1. Д. 348. Л. 2.

[20] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 496. Оп. 2. Д. 2435. Л. 2—4.

[21] Там же. Л. 4.

[22] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Т. 3. М.: Воениздат, 1986. С. 293.

[23] ГА РФ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 348. Л. 2—5 об.

[24] Nino. Медальный вопрос // Слово. 1905. 10 ноября. № 296. С. 6.

[25] Цит. по: *Дуров В.А.* Русско-японская война 1904—1905 гг. в боевых наградах // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 84.

[26] ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXVII (1907 г.). № 28902.

[27] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 2. Д. 983. Л. 25.

[28] Там же. Л. 1—3 об.

[29] Там же. Л. 56—57.

[30] Там же. Л. 18, 18 об.

[31] Цит. по: *Лозовский Е.В.* Награды за Порт-Артур // Журнал Sammlung / Коллекция. 2017. 17 сентября.

[32] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 967. Л. 11.

[33] Там же. Л. 11.

[34] *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904—1905 гг.: военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2015. С. 290, 291.

[35] *Петерс Д.И.* Наградные медали Российской империи XIX—XX веков: каталог. М.: Археографический центр, 1996. С. 266.

[36] *Лозовский Е.В.* Награды за Порт-Артур.

[37] *Кузнецов А.И., Чепурнов Н.И.* Награды Русско-японской войны // Москвитянин. 1991. № 1. С. 493, 494.

[38] ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXVI (1906 г.). № 28371.

G.F. Gasanova

«AS A MARK OF GRATITUDE FOR THE SELFLESS COURAGE OF OUR TROOPS»

Commemorative awards of the Russo-Japanese War

Information about author. *Gyunel Gasanova — researcher at the Numismatics Section of the State Historical Museum (Moscow. E-mail: gunelgasanova@mail.ru).*

Summary. *The paper looks at issues of preserving the military-historical memory of the 1904—1905 Russo-Japanese War on the example of commemorative awards that were a form of incentive for officers and men, as well as civilians (at the TOW), and also those who performed important propaganda and educational functions. In order to understand the methods and instruments of forming historical awareness through phaleristic items the paper gives the history of creating medals and commemorative badges dedicated to Far Eastern events of the early 20th century, analyzes their appearance, and also goes over the main myths related to the institution of memorial award insignia.*

Keywords: *Russo-Japanese War of 1904—1905; commemoration; historical memory; phaleristics; commemorative awards; badges; cruiser Varyag; gunboat Koreyets; Battle of Chemulpo Bay; defense of Port Arthur; Russian Red Cross Society; Battle of Tsushima; Nicholas II; Z.P. Rozhestvensky.*

НОВЫЕ КНИГИ О ХОЛОДНОМ ОРУЖИИ

Фонд «Русские Витязи» выпустил в свет два новых издания о холодном оружии*.

Первое из них — книга П.А. Васина «Мечи средневековой Руси. 2-я половина XI — начало XVI в.» — объёмное исследование истории наиболее престижного и рыцарского оружия средневековой Руси — романских мечей общеевропейских типов.

В первом томе представлен исследовательский, археологический, изобразительный материал, анализ соотношения мечей и сабель. Подробный каталог находок убедительно показывает, что русский тяжеловооружённый конный боец представлял собой полный аналог западноевропейского рыцаря и, имея схожее вооружение, использовал такую же тяжёлую общеевропейскую тактику боя.

Во втором томе представлены находки мечей, локализованные или связанные с русскими землями в эпоху Средневековья со второй половины XI по начало XVI века. Представленная выборка мечей и их реконструкций охватывает обширные территории русских княжеств и земель от Карелии до Предкавказья и от Волыни до Уральских гор (и даже Западной Сибири).

Работа иллюстрируется богатейшим и красочным изобразительным материалом, как историческим, так и выполненным самим автором.

Другая книга — О.Г. Леонова «Советское наградное холодное оружие» — первое в истории отечественной фалеристики и оружиеведения исследование, полностью посвящённое вопросу возникновения и развития советского наградного холодного оружия.

Помимо подробного рассмотрения нормативно-правовых вопросов, определявших статус и положение наградного оружия в советской системе государственных наград, подробно рассказано о нереализованных проектах.

Особый интерес у читателя вызовет публикация наиболее полной подборки именного наградного оружия, принадлежавшего руководителям советского государства, знаменитым полководцам, маршалам и генералам.

Отдельный раздел книги посвящён подарочному и мемориальному оружию, связанному с жизнью и деятельностью участников Гражданской войны в России, а также известных советских политических руководителей.

Обложки книг

* *Васин П.А.* Мечи средневековой Руси. 2-я половина XI — начало XVI в. в 2 т. Серия: Древнерусское оружие. М.: Русские Витязи, 2022—2023. Т. I. 224 с., ил. Т. II. 452 с., ил.; *Леонов О.Г.* Советское наградное холодное оружие. М.: Русские Витязи, 2022. 140 с., ил.

МАРТ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 марта — Международный день гражданской обороны. В этот день в 1972 году создана Международная организация гражданской обороны. В России отмечается с 1994 года.

2 марта 1943 года, 80 лет назад, наступлением войск Калининского и Западного фронтов началась Ржевско-Вяземская операция. В ходе операции линия фронта была отодвинута от Москвы на 130—160 км.

3 марта 1918 года, 105 лет назад, Совет Народных Комиссаров принял постановление о создании Высшего военного совета для руководства обороной страны и строительства Красной армии. Управление Совета формировалось из личного состава бывшей Ставки Верховного главнокомандования на добровольных началах. Высший военный совет стал первым высшим органом стратегического руководства Вооружёнными силами страны. Председателем был избран Л.Д. Троцкий.

А.А. Тучков

3 марта 1928 года, 95 лет назад, на Ленинградском научно-испытательном артиллерийском полигоне впервые в мире проведены стрельбы активно-реактивными минами на бездымном тротил-пироксилиновом порохе. Это был прототип реактивных снарядов знаменитой «катюши».

4 марта 1813 года, 210 лет назад, в период Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. войсками под командованием генерала А.И. Чернышёва взят Берлин, французские войска были отброшены за р. Эльбу.

6 марта 1918 года, 105 лет назад, начало иностранной военной интервенции на Севере России. В Мурманском порту с английского линкора «Глория» началась высадка первого отряда (170 человек) интервентов. Командовал войсками интервентов на Севере английский генерал Ф. Пуль.

7 марта 1918 года, 105 лет назад, родился Е.Ф. Ивановский, генерал армии (1972), Герой Советского Союза (1985). С 1985 по 1989 год Главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР. Умер 22 ноября 1991 года.

11 марта 1978 года, 45 лет назад, на вооружение принят первый мобильный ракетный комплекс с баллистическими ракетами средней дальности РСД-10 «Пионер» (СС-20 по западной классификации).

13 марта 1923 года, 100 лет назад, родился Ф.Ф. Кривда, генерал армии (1984), первый заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока, главный военный советник в ДРВ, начальник Высших офицерских курсов «Выстрел» (1985—1987 гг.). Умер 28 февраля 1998 года.

14 марта 1778 года, 245 лет назад, родился А.А. Тучков, генерал-майор (1809), герой Отечественной войны 1812 года. Геройски погиб в Бородинском сражении у Семёновских флешей, лично со знаменем в руках возглавив контратаку против французских гренадер. Его вдова М.М. Тучкова в 1820 году построила на месте гибели мужа церковь.

15 марта 1953 года, 70 лет назад, Указом Президиума Верховного Совета СССР Военное и Военно-морское министерства объединены в Министерство обороны СССР.

18 марта 1913 года, 110 лет назад, родился П.А. Жилин, генерал-лейтенант, военный историк, член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии. С 1966 года — начальник Института военной истории МО СССР. Умер 6 февраля 1987 года.

19 марта — День моряка-подводника.

22 марта 1938 года, 85 лет назад, сформирован 19-й истребительный авиационный полк, ныне — Центр показа авиатехники имени И.Н. Кожедуба, Кубинка.

27 марта 1813 года, 210 лет назад, в ходе Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. союзные русско-прусские войска освободили от французов г. Дрезден.

27 марта 1848 года, 175 лет назад, вышел первый номер журнала «Морской сборник».

27 марта 1853 года, 170 лет назад, родился Я.Г. Жилинский, генерал от кавалерии, генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба, в 1911—1914 гг. — начальник Генерального штаба. С началом Первой мировой войны — командующий Северо-Западным фронтом. В 1915—1916 гг. — представитель русского Верховного командования в Союзном Совете в Париже. Погиб в 1918 году.

28 марта 1958 года, 65 лет назад, на стапеле завода № 199 в г. Комсомольске-на-Амуре заложена первая атомная подводная лодка, оснащённая крылатыми ракетами, К-45 (проект 659).

28 марта 1963 года, 60 лет назад, постановлением Совета Министров СССР 40-ствольная реактивная система залпового огня БМ-21 «Град» на шасси «Урал-375Д» принята на вооружение и передана в серийное производство.

29 марта — День специалиста юридической службы.

Публикация А.Л. БОЧАРОВОЙ

Сведения об авторе. *БОЧАРОВА Анастасия Леонидовна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru)*